

**ТИХООКЕАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ**

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ ЛИГА РОССИИ

**КЕМЕРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

**ООО «ЦЕНТР КЛИНИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОЛОГИИ»
(г. Владивосток)**

Информационный партнер конференции: электронный научный журнал
«МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В РОССИИ»
<http://www.medpsy.ru>

**ЛИЧНОСТЬ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ
И КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЯХ
ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ
VII МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
Владивосток, 7 -9 июля 2017 г.**

Владивосток
2017

УДК 616.89:159.9(063)
ББК 56.1:88.4 Я 431
Л 66

Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности: Сборник научных статей VII Международной научно-практической конференции / Под ред. Р.В. Кадырова – Владивосток: Мор. гос. ун-т, 2017. – 291 с.

ISBN 978-5-8343-1071-6

В сборнике рассматриваются актуальные вопросы прикладных и научных исследований личности в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности, а также вопросы оказания ей психологической помощи и психотерапии.

Адресуется практикующим психологам, врачам, философам, педагогам, работникам социальной сферы, а также исследователям, интересующимся проблемами личности в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности.

Ответственный редактор:
Р.В. Кадыров

Технический редактор: Е.Е.Волкова

ISBN 978-5-8343-1071-6

© ГОУ ВПО «Тихоокеанский государственный
медицинский университет» (ТГМУ), издание, 2017
© Авторы статей, текст, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ И КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЯХ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Гостев А.А., Андреев А.В. Факторы духовного кризиса русского общества на рубеже XIX-XX веков.....

Гришина Е.С. Осознание психологического возраста как профилактика личностного кризиса.....

Капустина Т.В., Осипова Н.М., Садон Е.В. Профессиональный стресс в деятельности фармацевтических работников

Кожемяченко Н.Р. Процесс поиска смысла жизни как путь преодоления личностного кризиса.....

Котлова Т.Б. Учет психологических особенностей студента первого курса как преодоление и профилактика его личностного кризиса.....

Кузьмина Т.И. Использование опросника «эталон самосохранения» в психологической работе с участниками боевых действий.....

Масаева З.В. Основные трудности обеспечения психологической безопасности в образовательном пространстве.....

Мельникова Я.А. Трудности адаптации иностранных студентов и специалистов-иммигрантов к новому образу жизни.....

Мишина М.И. Посттравматический рост: краткий обзор.....

Никишов С.Н., Осипова И.С., Пронькина Е.Г. Автобиографическая память и совладающий интеллект.....

Перепелица М.П. Создание «постчеловека» как провокация кризиса личностного развития.....

Узлов Н.Д. Трансгрессия суицидальности, виртуальная реальность и искушение смертью.....

Утробина О.П. Диалектика цели и мечты как метод предупреждения кризиса жизненных стратегий личности.....

Царева Н.А. Виртуальный человек в культуре постиндустриального общества.....

РАЗДЕЛ II

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ И КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЯХ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Алина К.Ж., Фесенко Н.Ф. Исследование уровня радикальности осужденных, имеющих религиозные взгляды.....

Айсина Р.М. Опыт применения программного комплекса «конструктор переживаний» в психологическом консультировании клиентов, находящихся в трудной жизненной ситуации.....

Блинова Е.Е. Значение социального капитала для успешной интеграции в социуме внутренне перемещенных лиц.....

Гольменко А.Д., Ильин В.П., Хаптанова В.А., Выговский Е.Л. Причины и профилактика возникновения невротических расстройств и соматических нарушений у медицинских работников на разных стадиях нарушения адаптации.....

Зубарев Д.Г. Влияние экстремальных условий деятельности на мировоззрение и смысло-жизненные ориентации сотрудников полиции....

Ковальчук С.А., Ильина И.С., Малышкина А.Н. Тип привязанности у детей с онкологическим заболеванием.....

Котенева А.В. Взаимосвязь переживания террористической угрозы и психологического здоровья у студентов.....

Котлярова Л.Н., Сысоева Е.А. Мотивационная готовность работников промышленного предприятия к деятельности в экстремальных условиях...

Люкшина Д.С., Коноваленко О.Д. Отношение к здоровью у сотрудников МВД.....

Люкшина Д.С., Моисеева А.И. Мотивация профессиональной деятельности у сотрудников патрульно-постовой службы.....

Молчанова Л.Н. Индивидуальный стиль саморегуляции поведения сотрудников правоохранительных органов при различной выраженности состояния психического выгорания.....

Панченкова О.В., Серкин В.П. Незамужество женщин среднего возраста как фактор сценариев и неврозов отложенной жизни.....

Сокольская М.В. Надёжность профессионала в экстремальных условиях труда.....

Хачатурян С.Д., Абдурасулова М.Н. Травматизация семей несовершеннолетних, осужденных за убийства.....

Шевченко Т.И. Динамика защитных стратегий поведения в экстремальной профессиональной деятельности.....

Ширяева О.С., Виничук Н.В., Ширяева А.С. Представления об экстремальности и экстремальном городе у молодежи г. Владивостока и г. Петропавловска-Камчатского.....

РАЗДЕЛ III

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ, ПСИХОТЕРАПИЯ, ПСИХОКОРРЕКЦИЯ И ПСИХОРЕАБИЛИТАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ И КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЯХ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ, МЕТОДЫ, МЕТОДИКИ И ТЕХНИКИ

Голосова А.Ю., Кравцова Н.А. Психологическое сопровождение лиц, подлежащих государственной защите: специфика и проблемы.....

Данченко С.А. Механизм социально-коммуникативного обучения детей с ограниченными возможностями здоровья с помощью метода канистерапии.....

Долгова М.В. Специфика психологического сопровождения онкобольных с диагнозом РМЖ.....

Кадыров Р.В. Судебно-психологические критерии диагностики посттравматического стрессового состояния по делам о компенсации морального вреда.....

Окулова Ю.Н. Использование метода символдрама в психологическом сопровождении учащихся филиала Нахимовского военно-морского училища, в период адаптации находящихся в кризисном состоянии.....

Чуева Е.Н. Психологическое сетевое насилие как фактор аутодеструктивного поведения детей и подростков.....

Jianqin Cao Yang Li, Jun Yang Исследование ERP: ослабление ранней обработки лицевых стимулов при нарушении социальной тревожности посредством когнитивной поведенческой терапии.....

CONTENTS

SECTION I

METHODOLOGY AND SCIENTIFIC AND PRACTICAL PROBLEMS OF PSYCHOLOGY OF THE PERSON IN EXTREME CONDITIONS OF LIFE AND CRISIS SITUATIONS

- Gostev A.A., Andreew A.V.** Spiritual crisis factors of Russian society: late 19th - early 20th century.....
- Grishina E.S.** Awareness of psychological age as prevention of the personal crisis.....
- Kapustina T.V., Osipova N.M., Sadon E.V.** Professional stress in the job of pharmaceutical workers.....
- Kozhemyachenko N.R.** The process of finding the meaning of life as a way of overcoming a personal crisis.....
- Kotlova T. B.** Accounting the psychological features of the student of the first course as the overcoming and prophylaxis of his personal crisis.....
- Kuzmina T.I.** Use of the "Standart of self-preservation" questionnaire in psychological work with participants of military action.....
- Masaeva Z.V.** Main difficulties of providing psychological security in educational space.....
- Melnikova Y.A.** Difficulties in adapting foreign students and immigrant specialists to a new way of life.....
- Mishina M.I.** Post-traumatic growth: an overview.....
- Nikishov S.N., Osipova I.S., Pronkina E.G.** Autobiographical memory and coping intelligence.....
- Perepelitsa M.P.** The creation of "posthuman" as a provocation of the crisis of personal development.....
- Uzlov N.D.** Transgression suicidality, virtual reality and the temptation by death.....
- Utrobina O. P.** Dialects of aim and dream is a method of working of life crisis of identity strategy.....
- Tsareva N.A.** Virtual person in the culture of the postindustrial society...

SECTION II
EMPIRICAL RESEARCH PROBLEMS
PSYCHOLOGY OF THE PERSON IN EXTREME CONDITIONS
AND CRISIS SITUATIONS OF LIFETIME

Alina K.Z., Fessenko N.F. The research of the level of radicalism of convicts, having religious views.....

Aysina R.M. Using the software «Constructor of experiences» in psychological counseling clients who have undergone stressful life events.....

Blynova E.E. The meaning of social capital for successful integration of internally migrated people within the socium.....

Golmenko A.D., Ilyin V.P., Haptanova V.A., Vygovskiy E.L. Causes and prevention of neurotic disorders and somatic disorders medical workers at different stages of impaired adaptation.....

Zubarev D.G. Effects of extreme conditions on world view and life orientations police.....

Kovalchuk S.A, Iliina I.S., Malyshkina A.N. Types of attachments have children with cancer.....

Koteneva A.V. The relationship of terrorist threat experience and psychological health of students.....

Kotlyarova L. N., Sysoeva E.A. Motivational readiness of industrial workers to operate in extreme conditions.....

Lyukshina D.S., Konovalenko O.D. The attitude to health of the Ministry of internal affairs staff.....

Lyukshina D.S., Moiseeva A.I. Motivation of professional activity of patrol-guard service employees.....

Molchanova L. N. Individual style of self-regulation of behavior of employees of law enforcement officials at different expression of the status of metal burning.....

Panchenkova O.V., Serkin V.P. The unmarried of middle-aged women as a factor in the scenarios and neuroses of a deferred life.....

Sokolskaya M.V. Professional reliability in extreme working conditions...

Khachatryan S.J., Abdurasulova M.N. Traumatization of families of minors convicted of murder.....

Shevchenko T.I. Dynamics of protective behavioral strategies in an extreme professional activity.....

Shiryaeva O.S., Vinichuk N.V., Shiryaeva A.S. Ideas of extremeness and the extreme city at youth Vladivostok and Petropavlovsk-Kamchatsky.....

SECTION III
PSYCHOLOGICAL HELP, PSYCHOTHERAPY,
PSYCHO CORRECTION AND PSYCHOREABILITY OF THE PERSON
IN EXTREME CONDITIONS AND CRISIS SITUATIONS
LIFETIME: NEW APPROACHES, METHODS,
METHODS AND TECHNIQUES

Golosova A.Y., Kravtsova N.A. Psychological support of persons subject to state protection: specifics and problems.....

Danchenko S.A. The mechanism of social-communicative education of children with disabilities with the help of the method of canister therapy.....

Dolgova M. V. Specifics of psychological support of cancer patients.....

Kadyrov R.V. Forensic psychological criteria for diagnosis of post-traumatic stress disorder in cases of compensation of moral harm.....

Okulova Y.N. The use of the symbol-drama method in the psychological accompaniment of the students of the branch of the Nakhimov Naval School, in the period of adaptation in a state of crisis.....

Chueva E.N. Network psychological violence as a factor in self-destructive behavior of children and adolescents.....

Jianqin Cao Yang Li, Jun Yang Cognitive behavioral therapy attenuates the enhanced early facial stimuli processing in social anxiety disorders: an ERP investigation.....

РАЗДЕЛ I

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ
В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ
И КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЯХ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**ФАКТОРЫ ДУХОВНОГО КРИЗИСА РУССКОГО ОБЩЕСТВА
НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ¹**

А.А. ГОСТЕВ, А.В.АНДРЕЕВ

В статье рассматривается взаимосвязь социокультурных и духовных аспектов протекания кризиса. Производится анализ основных факторов, повлиявших на духовный упадок русского общества на рубеже XIX-XX веков и торжество отечественного марксизма в общественном сознании. В заключении делается вывод о том, что кризис, начиная с духовной сферы, поглощает все сферы жизни общества.

Ключевые слова: кризис, история кризисов, факторы кризиса, духовность, российские революции.

Именно в эпоху исторических потрясений духовное состояние общества испытывается кризисными процессами на прочность и может быть подвержено структурным искажениям и логическим упрощениям. Анализ подобных исторических этапов позволяет выявить основные факторы, влияющие на формирование духовного кризиса и последующую деструкцию духовности человека. Великая и богатая история России также содержит в себе хроники социокультурных потрясений, которые пришлось пережить русскому народу. Одним из таких масштабных переломных периодов в жизни русского общества является его духовный кризис на рубеже XIX-XX веков, впоследствии переросший в октябрьскую революцию.

Как пишет А.В. Леопа, кризис является многогранным явлением, имеющим глубокие корни и представляющим одним из переходных состояний общества, которое носит закономерный характер [10, С. 11]. А.Д. Арманд определяет кризис, как логически оправданную фазу в развитии мира, происходящую одновременно на физическом и духовном уровне, включающем ум, психику, эмоции и волю [1, С. 203]. П. Флоренский и С.Н. Булгаков считают, что причины социального кризиса кроются в духовном кризисе. Именно в духовной сфере жизни России XIX-XX веков произошло извращение облика русского человека и его духовное одичание [15, С. 116].

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, Проект 15-06-10293

Подобная взаимообусловленность материальных и духовных элементов кризиса, объясняется тем, что духовная сфера жизни общества пронизывает все остальные его сферы.

Следует отметить, что ранее приведенные точки зрения указывают на обязательное наличие духовного уровня протекания кризиса. На наш взгляд наличие подобного уровня позволяет исследователям в области истории психологии более эффективно изучать содержательную глубину, причины и динамику кризисов. Данный подход представляется целесообразным и при рассмотрении революционных потрясений России начала XX века. Так как в данный исторический период общество России являлось сложной и противоречивой социальной системой, в виду того, что общественная напряженность, антагонизм власти и простого народа, а также обострение международных государственных отношений обусловили формирование кризисных явлений в русском обществе. Далее будут рассмотрены основные факторы, повлиявшие на духовный упадок русского общества и торжество отечественного марксизма в общественном сознании.

Первым фактором, обусловившим духовный упадок русского общества начала XX века, была культурная, идеологическая и экономическая разрозненность классов и сословий. Среди высших социальных классов того времени особое место занимала интеллигенция, научные взгляды и философия которой представляла собой противоречивые сочетания различных идеалов. Как указывает Н.А. Бердяев, с 30-40х годов XIX века в культурном слое российской интеллигенции преобладают западные воззрения на демократическое устройство лучшей и справедливой жизни общества. Данные воззрения, содержательно преломляясь через русскую ментальность, становились догматичными учениями и вызвали ожесточенные споры в философских кружках. В эпоху революционных потрясений России, идейно разрозненная интеллигенция, обеспечившая идейный подрыв легитимности русской монархии, не смогла стать весомой политической силой [2, С. 16]. Буржуазия также вступила в XX век идейно разрозненным классом, одна часть которого придерживалась курса действующей власти, а другая поддерживала социалистическую оппозицию и тяготела к идеологии социал-демократов. Лишь немногочисленное сословие дворян, составляющее около 1 % от всего населения России, в большинстве поддерживало курс действующей власти и пользовалось ее финансовым

покровительством [12, С. 405-426]. Пролетариат и крестьянство, в отношении которых, напротив, применялось дискриминационное законодательство, в своем большинстве выступили в эпоху революционных потрясений радикальными антагонистами действующего режима. При этом, русскими рабочими, как правило, являлись выходцы из деревни, сохранившие общинный, крестьянский менталитет. В начале XX века русское крестьянство страдало от массы нерешенных государством проблем, начиная от некорректного правового регулирования трудовой деятельности и заканчивая нехваткой продовольствия для данного класса и высоким уровнем смертности детей. Крестьяне требовали национализации земли, а политика самодержавия игнорировала данный факт, позволяя удерживать освобожденное от крепостного права крестьянство в границах дворянских землевладений [9, С. 156]. В итоге последующий духовный упадок русского общества произошел из-за исторически обусловленного культурного раскола между неграмотным народом с его традиционной культурой и верхним слоем, сформированным европеизированной культурой. Русский народ, сохранивший мировоззрение иных столетий и удерживаемый в невежестве сторонниками старого режима, легко поддавался проведению на почве культурной розни глубокой социальной грани или раскола, переросшего в «пламя революции».

Вторым фактором духовного упадка русского общества было разочарование большей части населения в аграрно-крестьянских реформах, проведенных самодержавием во второй половине XIX века. Среди таких реформ следует выделить Манифест Александра II об отмене крепостного права от 19 февраля 1861г., создание системы земских учреждений, проведение судебной и военной реформ, принятие городского положения, а также последующие контрреформы Александра III. Как отмечает В. Бушуев, данные реформы не возымели должных результатов в виду их буржуазной и консервативной направленности и предопределили массовое обнищание крестьян и их пролетаризацию [3, С. 137].

Третьим фактором духовного упадка была сложная экономическая ситуация в Российской империи на рубеже XIX - XX веков. И.И. Широкоград указывает, что сохранение крепостнических пережитков и активное развитие капитализма в России, одновременно с капиталистической модернизацией и форсированным развитием экономики, создавало экономические трудности.

При подобных особенностях экономики государства, уровень высокой производственной нагрузки крестьян сочетался с некорректным и дискриминационным законодательством, регулирующим их правовую и повседневную жизнь. Данную проблему не решили и попытки реформирования аграрно-крестьянского сектора в начале XX века, носившие поверхностный характер. Так 26 февраля 1903 года был издан царский Манифест, положения которого сводились к принятию нескольких частных законодательных актов, ликвидировавших самые старые обычаи и правовые нормы [16, С. 254].

В качестве четвертого фактора духовного упадка следует указать радикальность власти и несостоятельность ее политических уступок вследствие революционных волнений 1905-1907 гг., которые определили переоценку ценностей и изменили старое восприятие мира. На первый взгляд одним из самых значимых результатов революционных волнений 1905-1907 гг. было учреждение первой в России Государственной Думы. Но С.Н. Драган пишет, что ее учреждение на самом деле было формальной уступкой действующей власти революционно настроенным массам. Автор указывает, что ограничения вверенных Думе полномочий были настолько значительны по объему и по важности изъятых вопросов, что ее невозможно охарактеризовать как высший законодательный орган или говорить о ее широких законодательных возможностях [7, С. 58]. Закономерным результатом революционных волнений также стали социальные и аграрные реформы П.А. Столыпина, Председателя Совета министров, желающего ликвидировать глубинные причины народной борьбы против власти. Но, как отмечает С.Г. Кара-Мурза, в рамках аграрной реформы П.А. Столыпина было продано ровно столько земли, сколько могло быть освоено в производстве с получением капиталистической ренты, а для социальных реформ не было ни времени, ни квалифицированных кадров. Поэтому данные реформы себя не оправдали и не были реализованы в том виде, в каком запланированы [9, С. 21]. Вместо учреждения Думы и реформ П.А. Столыпина, одним из главных итогов первой русской революции стало создание совершенно новой политической атмосферы, выраженной в ослаблении цензуры, появлении новых газет и журналов, а также в публичном обсуждении самых острых политических вопросов [8, С. 78].

Пятым фактором является упадок духовного статуса русской православной церкви на рубеже XIX - XX веков. Это связано с тем, что в начале XX века русская православная церковь стала одним из элементов государственной машины Российской империи, что послужило одной из причин падения ее авторитета в массе населения. Подобная вовлеченность церкви через синодальную систему в структуру государственного управления обусловила утрату возможности эффективного влияния на революционно настроенные массы. В итоге давление действующего царского режима в совокупности с желанием официальной церкви сохранить обширные земельные угодья, а также идейная разрозненность духовенства и стремительное развитие революционного массового сознания, не позволили провести какие-либо реформы русской православной церкви [4, С. 312].

Шестым фактором является повышенный интерес классов и сословий России к идеям зарубежной социал-демократии. Подобная увлеченность выражалась в наличии социалистически ориентированных политических кружков и партий страны, прибегающих к агитации, пропаганде и другим, более радикальным видам борьбы с действующей властью. Отдельное внимание политической оппозицией уделялось изучению революционного потенциала угнетенных масс. В частности лидер партии Большевиков - В.И. Ленин и его сторонники были заинтересованы не в разработке теории самобытности крестьянства как социального класса, а в анализе его революционного потенциала. Большевики понимали, что через идеологическую агитацию и пропаганду низших, ущемленных в правах слоев, можно разжечь настоящее «пламя революции» [13, С. 107].

Седьмым фактором формирования кризисного сознания стала Первая мировая война, начавшаяся 1 августа 1914 года. Она была одним из важных факторов краха российской монархии. Неэффективная тактика командования в ведении войны, в совокупности с проблемами снабжения российской армии, привели к упадку морального духа солдат и подорвали веру в действующий режим. При этом, будучи свидетелями революции 1905-1907 гг., молодые крестьяне пришли в армию уже с негативным отношением к власти и лишенными монархических иллюзий [9, С. 166]. Также широко разрастались спекулятивные торговые предприятия, которые стремились к использованию конъюнктуры военного времени для собственной наживы, поэтому в условиях Первой мировой войны сложилась такая негативная

ситуация, при которой правовое и экономическое притеснение одних общественных групп в России, сопровождалось значительными материальными преимуществами для других [11, С. 24]. В данном колоссальном военном конфликте впервые применялись страшнейшие по эффекту своего воздействия средства химического поражения и тяжелая дальнобойная артиллерия. Следствием ужасной жестокости Первой мировой войны стали: духовный кризис, упадок и мрачный пессимизм послевоенного европейского и российского общества. В итоге Первая мировая война предстала началом цивилизационного отката и упрощения культуры, что вело к победе коллективизма и ужесточению социальной организации (вплоть до установления тоталитарных режимов) [14, С. 89].

Восьмым, заключительным фактором, обеспечившим духовный упадок, является переломное изменение социальной психологии русского народа. Отсутствие идейной прогрессивности действующей власти и ее неспособность соответствовать духу времени, усугубляли духовное, культурное и идейное состояние классов и социальных слоев. Деструкция монархического правосознания народа осуществлялась при одновременном сохранении монархической формы государства, что вызывало глубочайший внутренний конфликт в обществе. Именно массовое разочарование в образе царя и в общей политике России определило дальнейшую социальную переориентацию народных масс на курс социализма и идеи В.И. Ленина. При этом революционно настроенные массы полагали, что воля большинства определяет общественную структуру, в то время как воля каждого человека является незначительным, подчиненным человеческой природе элементом [6, с. 91]. Россия перед революцией оскудела силою духа. В стране развивалась наука и искусство, но не было зрелого самосознания, не хватало национального воспитания и характера [7, С. 221].

В заключение следует указать, что произошедшие на рубеже XIX-XX веков социокультурные потрясения были закономерным процессом, который выразился в виде реакции на тотальное разложение прежних духовных, культурных, экономических, социальных и политических устоев жизни многомиллионной страны. Чтобы сохраниться в качестве единой социокультурной целостности, русскому обществу было необходимо проведение кардинальных преобразований, направленных на духовное обновление и улучшение его жизни. Но некомпетентная реализация

правительством необходимых социокультурных реформ и неудачная военная кампания Первой мировой войны, в совокупности с рядом ранее рассмотренных факторов, привели Россию в заключительную фазу социокультурного кризиса. При этом нельзя утверждать, что такие меры, как упразднение духовной сферы жизни общества и принятие новой тоталитарной доктрины, пришедшими к власти революционерами-социалистами, были единственно верными путями выхода из острого кризиса. Это связано с тем, что на момент революционных потрясений октября 1917 года в России не существовало другой политической силы, стратегически подготовленной и готовой к сложным государственным преобразованиям.

1. Арманд А.Д., Люри Д.И., Жерихин В.В. и др. Анатомия кризисов. М. : Наука, 1999.
2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. СПб. : Азбука, 2016.
3. Бушуев В. Октябрь: выход из тупика // Свободная мысль. 2009. № 10 (1605). С. 137-150.
4. Воронкова С.В., Цимбаев Н.И. История России. 1801–1917: учебное пособие. М. : Аспект Пресс, 2007.
5. Гостев А.А., Борисова Н.В. Психологические идеи в творческом наследии И.А. Ильина: На путях создания психологии духовно-нравственной сферы человеческого бытия. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
6. Данилов С.И. Феномен революционного психоза // Инициативы XXI века. 2014. № 3. С. 91-94.
7. Драган С.Н. Форма правления в России в начале XX века // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2010. № 4 (19). С. 57-63.
8. Зевелев А.И., Свириденко Ю.П. Политические партии России: история и современность. М. : «Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН)», 2000.
9. Кара-Мурза С.Г. Столыпин-отец Русской революции. М. : Издательство Эксмо, 2003.
10. Леопа А.В. Историческое сознание и кризисный социум: Монография. М. : Издательство «Спутник+», 2013.
11. Милюков П.Н. История второй русской революции. С предисловием и послесловием Николая Старикова. СПб. : Питер, 2014.
12. Орешкина М.А. Элиты и исторический процесс // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 111. С. 405-426.
13. Разин С.Ю. Политические партии и народные массы в 1905-1907 и 1917 гг.: движущие силы и социокультурный механизм русской революции начала XX века // Актуальные проблемы науки: ИГУМО и ИТ как исследовательский центр. 2014. № 17. С. 107-127.
14. Сидоров В.Г. Первая мировая война и политическая судьба России (к 100-летию революций в России) // Кубанские исторические чтения: сб. науч. тр., 2016. С.85-93.
15. Сорокина Л.Г. Характеристика социального кризиса в ключевых направлениях русской мысли XIX- начала XX вв.: дис. ... кандидата филос. наук. Нижний Новгород, 2011.
16. Широкопад И.И. История России: учебное пособие для вузов. М. : Пер Сэ, 2004.

ОСОЗНАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗРАСТА КАК ПРОФИЛАКТИКА ЛИЧНОСТНОГО КРИЗИСА

Е.С.ГРИШИНА

Анализируется содержание понятия «психологический возраст», предлагается его классификация на «взрослость», «молодость», «старость», перечисляются ведущие признаки каждой группы по критериям: самоопределение во времени, степень самостоятельности, способность к действию. Через анализ возрастной диалектики образовательного коллектива выявлено значение осознания психологического возраста для стабильного личностного развития.

Ключевые слова: психологический возраст; молодость; взрослость; старость; самоосознание; личностное развитие

Российское образование традиционно осознает себя как личностноориентированное. На рубеже XX –XXI веков реализация этой задачи осложнилась в связи с повышением внимания к значимости индивидуальности познающего субъекта. Это значительно снизило результаты педагогических усилий по формированию коллектива, который является основным условием личностного развития.[1]. Всё это изменило саму социальную среду формирования личности молодого человека. На сегодняшний день даже в контексте организованного образования обучающийся чаще всего остаётся один на один с трудностями самопознания и саморазвития. В то время, как именно молодому человеку необходима активная гуманитарная социальная окружающая среда для активизации решения своих внутренних проблем. Создание такой среды невозможно без понимания и организации образования как гармоничного единого процесса индивидуальных и коллективных усилий не только по обучению, но и воспитанию всех участников образовательного процесса [3]. Действительно, студенчество находится в возрасте от 16 лет до 23 лет – в «самом решительном периоде жизни человека» (К.Д. Ушинский), когда окончательно определяется образ мыслей и всей будущей жизни, продолжается активное формирование характера. Не отрицая известное положение о том, что характер человека формируется в основном до пяти лет, а возможности интеллекта складываются к девяти годам, отметим, что эти процессы в детстве проходят под руководством взрослых, а в период старшего юношеского возраста – интенсивно развивается на основе самоконтроля, что без личностных качеств вообще невозможно. Итак, студенчество это период активного развития личности, который осложняется

значительными изменениями в жизни: смена места жительства, социального положения, самостоятельность в быту; новые формы социализации; активизация работы интеллекта; преобразование мотивации; пересмотр системы ценностных ориентиров; начало образования молодых семей; противоречие между ростом всех потребностей и снижением материальных возможностей их удовлетворения; осознание своей материальной и интеллектуальной зависимости. Всё это происходит отнюдь не во взрослом возрасте, философия вообще определяет период получения высшего образования как отложенное взросление, а педагогика называет вузовскую педагогику молодой и не опытной своей ветвью, понимая, что организованное образование в полной мере ответственно за то, какими личностями станут будущие специалисты. Однако студенты относятся к подобным теоретическим выкладкам несколько иначе. По нашим исследованиям 73% студентов первого курса считают себя взрослыми. При этом, взрослость они понимают как «право делать что хочется», «возможность ни-с-кем не советоваться» и даже «быть независимым». Насколько состоятельны подобные претензии первокурсника? Не является ли устойчивое нежелание профессорско-преподавательского коллектива воспринимать студента как человека взрослого одной из причин первых разочарований в студенческой жизни?

Цель данной статьи ответить на эти вопросы с помощью анализа отношений внутри образовательного коллектива через учет возрастного деления участников вузовского образовательного процесса.

В контексте демографии всё население делится на группы по возрасту. Медики, биологи, физиологи изучают их природные особенности, социологи – исследуют потребности и желания в контексте поиска путей их удовлетворения, педагоги устанавливают и используют особенности воспитательного воздействия, дидактики дополняют педагогику различными разработками методик обучения. Для достижения цели данной статьи предлагаем обратиться к анализу психологических характеристик различных групп людей, встречающихся в процессе вузовского образования. Действительно, образовательный коллектив включает в себя группу студентов чаще всего одного года рождения и преподавателя, который родился как минимум, на пять лет раньше. Различия, обусловленные этим фактором очевидны. Однако разделим этот коллектив на группы по

принципам развития психики и самоопределения. Весьма условно выделим три группы по психологическому возрасту: «молодость», «старость» и «взрослость». Отметим, что в основу классификации положены такие признаки, как самостоятельность, самоопределение во времени, способность к действию.

«Молодость» живет без оглядки на прошлое, без анализа ошибок и без страха перед будущим. Во всех трудностях её поддерживает и обнадеживает мысль, что впереди будет только лучше. Именно малый опыт и бесстрашие позволяет молодости активно и даже дерзко действовать, смело мечтать и формулировать серьёзные цели [4, 5]. В силу этого особенность молодости в том, что бесстрашно продвигаясь к будущему, она не осознает своё положение как зависимое. А ведь молодость до тех пор молода, пока она не самостоятельна как минимум по трём показателям. Прежде всего, молодость зависима *материально*: до совершеннолетия живет на иждивении, а при гражданской дееспособности – в долг. С другой стороны, молодость объективно зависима *интеллектуально* – слабо определяет свои желания и потребности, ошибается в процессе целеполагания, не готова к системной самоорганизации в процессе образования, да и в других формах труда. Молодость, поэтому, нуждается в наставнике. Третья форма несамостоятельности по сути своей социальная: трудности с социальным самоопределением, нет навыков общения, потребность в частой смене окружения и скука от нежеланного постоянства. В результате молодость постоянно стремится к новому общению, к любым изменениям, приближающим будущее, которое видится исключительно успешным.

Особо отметим важность того, что все эти характеристики могут быть свойственны не только юным годами. Нет гарантии их исчезновения после получения паспорта, бракосочетания, рождения и воспитания детей, продвижения по карьерной лестнице и т.д. Весь интерес этой проблемы в том и состоит, что психологическая молодость может присутствовать в каждом из нас в любом возрасте и в разнообразных сочетаниях её элементов. Однако в коллективе студентов эти черты проявляют себя наиболее полно. При этом наши исследования показали, что около 80% студентов не задумываются над своей психологической самоидентификацией, 64% без особого предварительного осмысления ситуации считают себя взрослыми, удивляясь, тому, что кто-то в этом может сомневаться. Такое несоответствие

самооценки порождает немало и внутренних, и внешних конфликтов [5], развивает чувство несправедливости [2], разочаровывает студента, а, значит, затрудняет формирование и развитие его личностных качеств.

В каждом из нас независимо от физиологического возраста рядом с психологической «молодостью» уживается и духовная «старость». У отдельных личностей её характеристики преобладают: жизнь прошлым, восхищение им, постоянное подчеркивание преимуществ своего прошлого перед настоящим, переживание от невозможности что-то повторить. Страх будущего это самый яркий и легко заметный признак психологической старости, который приводит человека к догматичности. В результате «старость души» считает своё мнение единственно верным, которое не следует критиковать и невозможно изменить. В свою очередь догматичность как взгляд абсолютизирующий прошлое задерживает развитие личности и, следовательно, приводит к не самостоятельности. Так, *материальная* несамостоятельность проявляется в неумении ориентироваться в финансовых вопросах. Страхась будущего, старость копит впрок, сохраняет всё, что есть вне учета конкретных потребностей, в вопросах материального обеспечения старость уповает на помощь государства и близких людей. *Интеллектуальная* несамостоятельность старости проявляется в ограничении интересов, плохой ориентация в новых событиях и идеях, в нежелании знать чужое мнение с одной стороны, и в потере стремления самостоятельно формировать отношение к действительности – с другой. Психологическая старость не только не борется с одиночеством, она стремится к нему. В жизненной ситуации, при которой по тем или иным причинам теряются профессиональные, дружеские, родственные связи, старость души не хочет компенсировать утраченное, смиряется с одиночеством, социализируется только через воспоминания о прошлом. Всё это, в свою очередь, уменьшает мотивацию к личному действию.

Таким образом, зависимость старости и молодости развивается из-за односторонней ориентации во времени. Напомним, что несамостоятельность, неуверенность побуждают человека при прочих равных условиях к эгоистичной модели поведения. Психологические «Старость» и «Молодость» эгоистичны как раз из-за их «уже» и «ещё» слабости-невозможности быть самостоятельным.

Сказанное выше приводит к выводу о том, что в общении «молодости» и «старости» абсолютно неизбежны трудности. Их несамостоятельность и психологическая разорванность во времени не позволяют им найти общий язык практически ни-в-чём. Получается, что в образовательном процессе им не достичь совместного творчества. А значит, в силу того, что студенчество преимущественно молодо душой, педагог по самой природе своей профессии не имеет права на духовную старость. В свою очередь преобладание признаков молодости в психологическом состоянии преподавателя не позволят выполнить, возложенные на него профессиональные обязанности. Он всегда должен быть психологически взрослым.

«Психологическая зрелость» – это характеристика человека самостоятельного, воспроизводящего себя и интеллектуально, и экономически, умеющего жить настоящим как взаимодействием будущего и прошлого. Взрослый, таким образом, живет без страх будущего – он его планирует и даже конструирует, учась на опыте прошлого без излишней ностальгии по последнему.

Психологический возраст проявляется в форме выражения эмоций. Так, например, «старость» не умеет улыбаться, она не видит для этого причин, «молодость» напротив, не может сдержать улыбку. «Зрелость» регулирует эмоции по ситуации. В случае с улыбкой отметим, что она связана с оценкой человеком уровня своей свободы. При этом принцип свободы как «жизнь в согласии с самим собой» в большей степени присущ именно зрелости. В результате взрослый человек имеет возможность не завоевывать свободу, а жить в ней. В то время как «молодость» не страшась будущего в принципе безответственна, из-за сего она существенно зависит от обстоятельств, а значит, несвободна. Парадоксальным образом молодость субъективно определяют себя как свободу, это и позволяет смело прорываться сквозь нормы, дерзновенно открывать новое. А вот «старость», игнорируя прошлый опыт, нередко преувеличивает свою зависимость и, воспринимая себя как абсолютную несвободу, отказывается от ответственности. Это означает, что установить продуктивное соотношение ответственности и свободы внутри образовательного процесса способен лишь только духовно взрослый человек. Таковым по определению своей профессии и призван быть преподаватель. Это, по сути, квалификационное требование к педагогу обусловлено и таким свойством профессии как жизнь для другого. Вся

профессиональная деятельность учителя направлена на ученика, её суть в том, чтобы отдусть максимум для личностного формирования молодежи. Полноценно, без страха, сомнений и сожалений сделать это может только психологически взрослый человек. Ибо «взрослость» самостоятельна и самодостаточна, что позволяет ей, жить в первую очередь для других, позволяет отдавать, и получать от этого профессиональное удовольствие.

Итак, профилируя возможный личностный кризис студента первокурсника через формирование продуктивного образовательного коллектива, профессорско-преподавательский состав в первую очередь должен контролировать психологическое развитие каждого из педагогов в целом, и в части его наличия признаков «психологического возраста» в частности». Именно духовная зрелость преподавателей и должна стать основой образования, позволяющей педагогу, кроме всего прочего, удерживать себя в состоянии взрослости как стержня общения, выполняющего роль скрепа между всеми возрастами, обеспечивающего «перехлест поколений» (Ортега-и-Гассет).

1. Гришина Е.С. Образование как пространство культурной идентификации: Монография. НОУ ВПО "Ин-т технологии и бизнеса" : Находка, 2010.

2. Кожемяченко Н.Р. Справедливость как профилактика кризиса самосознания // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности: сб. науч. тр. Владивосток: мор. гос. ун-т, 2016. С. 76-81.

3. Котлова Т.Б. «Воспитание и обучение - две грани образования...» // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т. 2. № 4. С. 331-333.

4. Утробина О.П. Механизм целеполагания в момент осознания смысла жизни и смерти // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности: сб. науч. тр. Владивосток: мор. гос. ун-т, 2016. С. 107-115

5. Утробина О.П. Конфликт мечты и целеполагания как причина деформации жизненных стратегий студента // Научное обозрение. Педагогические науки. 2017. № 2. С.110-116

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СТРЕСС В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ

Т.В.КАПУСТИНА, Н.М.ОСИПОВА, Е.В.САДОН

В статье описана специфика профессиональной деятельности фармацевтических работников. Проведен теоретический анализ объективных и субъективных, внутриличностных и межличностных стресс-факторов в деятельности фармацевтов. Рассматривается возможность создания психологических программ по снижению риска возникновения профессионального стресса у сотрудников фармацевтических организаций.

Ключевые слова: профессиональный стресс; субъективные стресс-факторы; объективные стресс-факторы; фармацевты; фармацевтическая деятельность

Фармацевтическая промышленность в настоящее время одна из самых финансово успешных и влиятельных отраслей. Это обусловлено потребностями членов современного общества в обеспечении своего благополучия и благополучия своей семьи, центральной составляющей которого понимается наличие физического здоровья. Отвечая на высокий спрос фармацевтической отрасли, университеты осуществляют подготовку фармацевтов и каждый год рынок труда пополняют в достаточном количестве выпускники медицинских вузов. Их готовность к осуществлению профессиональной деятельности гарантирует не только образовательное учреждение, но и первичная профессиональная аккредитация, которую в соответствии с «Положением об аккредитации специалистов» (Приказ Минздрава РФ от 02.06.2016 № 334н) проходят все выпускники-фармацевты. Аккредитация специалиста проводится путем последовательного прохождения аккредитуемым ее этапов: тестирование (60 тестовых заданий); оценка практических навыков (умений) в симулированных условиях; решение ситуационных задач. Цель аккредитации фармацевтов и провизоров, прошедшей впервые в России в 2016 г., – объективная оценка соответствия квалификации лица, которое получает образование в соответствии с образовательным стандартом, требованиям, предъявляемым к квалификации конкретного лица с учетом профессионального стандарта.

Какие же требования предъявляет государство выпускнику-фармацевту? Обратимся к содержанию образовательного стандарта [1]. ФГОС декларирует в качестве видов профессиональной деятельности (п. 4.3), к которым готовятся выпускники, фармацевтическую, медицинскую, организационно-управленческую и научно-исследовательскую деятельность. По каждому из выделенных видов профессиональной деятельности (п. 5.4)

ФГОС определяет перечень профессиональных компетенций, на которые ориентирована программа специалитета. Подавляющее большинство компетенций подразумевают готовность решать профессиональные задачи, касающиеся производства, изготовления и контроля качества лекарственных средств (фармацевтическая); оказания первой медицинской помощи при неотложных состояниях посетителей и при чрезвычайных ситуациях (медицинская); организации и управления деятельностью организаций, занятых в сфере обращения лекарственных средств (организационно-управленческая); участия в решении отдельных научно-исследовательских и научно-прикладных задач (научно-исследовательская). В фармацевтической деятельности также предусмотрено формирование необходимой компетенции, ориентированной на реализацию лекарственных средств, поскольку фармацевт работает в сфере их обращения, то есть он применяет свои профессиональные знания при непосредственном контакте с нуждающимся в медицинской помощи посетителем аптечной организации в момент проведения торговой операции.

Одним из главных показателей успешности аптечной компании справедливо считается рост экономических показателей, что, с одной стороны, выводит аптеку за рамки здравоохранения, придавая ей черты обычной торговой организации. С другой – переориентирует её деятельность на постоянное совершенствование с целью, прежде всего, привлечения новых клиентов. Поэтому клиентоориентированный подход, реализуемый в сфере продаж и услуг, также нашел широкое применение в фармацевтических компаниях. Главный лозунг данного подхода: «Клиент всегда прав». Подобная тенденция уводит на второй план непосредственно профессиональную составляющую фармацевтической деятельности, переориентирует специалиста на приобретение и отработку навыков торгового работника. Сегодняшний фармацевтический рынок насчитывает большое количество аптек частной и государственной собственности, поэтому компании конкурируют между собой за внимание покупателей и, как следствие, первенство на рынке. А их руководители требуют от сотрудников владения технологией продаж, привлечения новых и удержания постоянных клиентов. Таким образом, использование клиентоориентированного подхода для привлечения клиентов существенно увеличивает физическую, психическую и умственную нагрузку сотрудника в связи с необходимостью освоения дополнительных видов деятельности.

Работнику необходимо сдерживать собственные эмоции, уметь общаться с клиентами с разными личностными особенностями и в разном эмоциональном состоянии, постоянно имея целью получения максимальной прибыли при каждой транзакции, в то же время оперативно, тщательно и ответственно выполняя профессиональные задачи. В такой ситуации количество стресс-факторов у работников значительно увеличивается. Это ведёт за собой продолжение стрессовых ситуаций на рабочем месте, ставит под угрозу психологическое состояние и здоровье сотрудников, приводит не только к профессиональному, но и личностному кризису. Так как профессиональный стресс является угрозой для отдельных сотрудников, следовательно, он также влияет и на саму организацию [2].

Целью данного теоретического исследования является анализ возможных стресс-факторов в профессиональной деятельности работника фармацевтической компании.

В современной психологии можно выделить основные подходы к пониманию профессионального стресса.

Т.А. Труфанова, анализируя современные подходы и методы, описывает мнение Т.А. Вир и Дж. Е. Ньюман о стрессе на рабочем месте как о состоянии, вызванном взаимодействием людей и их деятельности, которое характеризуется глубинными изменениями, не дающими людям нормально функционировать на работе [10]. В.А. Бодров, Дж. Шарит и Г. Салвенди, в свою очередь, считают, что профессиональный стресс является многомерным феноменом, выражающимся в физиологических и психологических реакциях на сложную трудовую ситуацию. Согласно узкому представлению: стресс в процессе труда – это превышение требований среды над реальными возможностями их удовлетворения. В более широком понимании – это неадекватность в системе соотношений «человек – среда». Данная система включает не только указанное выше соотношение требований и возможностей человека, но и связи между потребностями человека и источниками удовлетворения этих потребностей в трудовой среде [4].

Н.В. Самоукина говорит о профессиональном стрессе, как о напряженном состоянии работника, возникающем у него при воздействии эмоционально-отрицательных и экстремальных факторов, связанных с выполняемой работой [8].

Обобщая перечисленные теории, можно сделать вывод, что профессиональный стресс – достаточно обширный феномен,

подразумевающий под собой реакцию личности на сложные ситуации в процессе труда. Сегодня он выделен в отдельную рубрику в Международной классификации болезней, где определен как «стресс, связанный с трудностями управления своей жизнью» (МКБ-10: Z73). В этой категории рассматриваются: переутомление, акцентуированные личностные черты, недостаточность отдыха и расслабления, стрессовое состояние, конфликт, связанный с социальной ролью, неадекватные социальные навыки, не классифицированные в других рубриках [6]. Производственный стресс напрямую связан с большей частью пунктов из приведенной категории.

Таким образом, в большинстве определений профессионального стресса фигурирует положение, что его причиной являются стрессовые ситуации, стрессоры или стресс-факторы. М. Аргайл определяет стрессовую ситуацию, как ситуацию, вызывающую тревогу или дискомфорт [3]. В теории Г. Селье стресс-фактор описан более обширно и выступает как фактор окружающей среды или личностный фактор, действие которого выводит из равновесия физиологические и психические функции человека, что сказывается на нервной системе организма и служит причиной возникновения стресса [9]. Стрессор, по определению Американской Психологической Ассоциации, является любым эмоциональным, физическим, социальным, экономическим или другим фактором, расстраивающим нормальное физиологическое, когнитивное, эмоциональное или поведенческое равновесие человека. Таким образом, понятия «стрессовая ситуация», «стрессор» и «стресс-фактор» можно считать понятиями-синонимами.

В каждой деятельности присутствуют характерные ей стресс-факторы, и профессиональная деятельность не исключение. Е.Н. Чуева пишет, что в результате интенсивного воздействия профессиональных стрессоров могут возникать сильные эмоциональные, соматические и психосоматические нарушения, приводящие к профессиональной и личностной деформации [11].

По мнению В.А. Бодрова причины возникновения стресса в профессиональной деятельности связаны с экстремальными воздействиями факторов рабочего процесса, а также с влиянием организационных, социальных, экологических и технических особенностей рабочей деятельности [4].

С.Н. Карякина в своем исследовании рассматривала трудовой стресс педагогов с разным стажем профессиональной деятельности. Профессия

педагога относится к сфере образования, а основным стресс-фактором в данной работе является контакт с людьми. Результаты исследования показали, что сила и частота воздействия профессиональных стрессоров, типичные профессиональные стрессы и способы их преодоления специфичны для педагогов с разным стажем работы. В целом, педагоги с большим стажем трудовой деятельности обнаружили более выраженные последствия неблагоприятного воздействия профессиональных стрессов [5].

Р.Т. Wong в своей классификации рассматривает внутриличностные и межличностные стресс-факторы [13]. В его концепции к *внутриличностным стрессорам* относится большинство требований человека к внешнему миру и влияние внешнего мира на человека. В эту категорию стресс-факторов входят такие события, как несбывшиеся ожидания, нереализованные потребности, бессмысленность и бесцельность поступков, болезненные воспоминания, неадекватность оценки событий и т. п. Подобные стрессовые ситуации могут преследовать человека вне зависимости от его вида деятельности. Применительно к рассматриваемой профессиональной области, например, фармацевтический работник ожидал более спокойной обстановки на рабочем месте, но его ожидания не оправдались. Из-за чего человек начинает переживать внутриличностный стресс. Межличностные стрессоры Р.Т. Wong делит на несколько категорий: личностные, семейные, рабочие, общественные, экологические и финансовые. Личностные стресс-факторы характеризуются нарушениями человеком его социальных ролей, невозможностью справиться с ними. К примеру, социальная роль сотрудника аптечной компании заставляет его работать более восьми часов в сутки, но продолжительность деятельности некомфортна для человека и он не может с ней справиться, что приводит к стрессовой ситуации. Стоит сказать, что профессиональная идентичность также относится к личностным стресс-факторам. В статье Т. А. Мироненко и Т. В. Капустиной дается описание взаимосвязи профессиональной идентичности со стрессом как профессиональным, так и психологическим в целом. В обозначенной работе достаточно полно освещаются характеристики, которым необходимо обладать представителю медицинской профессии (в том числе и фармацевтическому сотруднику) для того, чтобы уменьшить риск возникновения профессионального стресса. Авторы статьи затрагивают немаловажный вопрос взаимосвязи профессиональной идентичности со стажем работы. Исходя из этого, можно предположить, что в

производственной деятельности общественного сотрудника на восприятие стресс-факторов самой личностью работника влияет его профессиональный стаж [7]. *Семейные стрессоры* связаны с трудностями поддержания семьи и отношений в ней. К примеру, фармацевтический работник решает внутрисемейную ситуацию, связанную с разводом с супругом, что сказывается на его психическом состоянии, а, следовательно, и влияет на работу, из-за чего он может не справляться с поставленными задачами и быть более уязвимым к стресс-факторам. *Рабочие стресс-факторы* определяются тяжелой нагрузкой, отсутствием самоконтроля за результатами работы. Плохое обеспечение безопасности работы, несправедливые оценки труда, нарушение его организации могут стать источником стресса. У сотрудника фармацевтической компании может возникнуть стресс из-за негативного отношения к нему начальника, лишения премий или, например, сбивающегося графика работы. *Общественные стрессоры* – те, которые приводят к стрессу большие группы людей. К примеру, экономический спад, бедность, банкротство, расовое напряжение и дискриминация и т. п. Ситуация бедности государства напрямую повлияет на фармацевтический рынок, что скажется на зарплате работников, и что, скорее всего, приведет большинство сотрудников к стрессу. *Экологические стресс-факторы* – вредные воздействия окружающей среды, экстремальные экологические ситуации. Негативные экологические воздействия окажут влияние на любого человека, в том числе и на аптечного работника, что неизбежно скажется на его состоянии как психического, так и физического, и отразится на рабочей деятельности. *Финансовые стрессоры* характеризуются проблемами, связанными с денежными доходами и расходами. Чаще всего это – неоплаченные счета, несоответствие зарплаты с необходимыми для жизни расходами и т.п. К примеру, если зарплата сотрудника фармацевтической организации не соответствует прожиточному минимуму, это неизбежно повлечет за собой стрессовое состояние.

Ю.В. Щербатых разделяет стресс-факторы на субъективные и объективные [12]. Субъективные стрессоры представляют собой характеристики индивида, как врожденные, так и связанные с его личным опытом и родительским воспитанием. Примером такого вида стресса может послужить повышенная личностная тревожность фармацевтического работника, которая влечет за собой увеличение количества раздражителей, способных привести его к стрессу. К объективным стресс-факторам

относятся факторы внешней среды – условия жизни и работы человека, его социальное окружение и социальная ситуация в обществе, чрезвычайные обстоятельства. В качестве примера, можно привести ситуацию государственных волнений в обществе, при которых любой человек находится в стрессовом состоянии, включая аптечных сотрудников.

Обобщая обозначенные стресс-факторы, можно сказать о том, что в работе аптечного сотрудника присутствует достаточно большое количество стрессовых ситуаций. Отношения с начальством, личностные характеристики работника, условия труда, экологические, политические и финансовые ситуации в стране и в личной жизни самого работника, семейные обстоятельства – все это влияет на фармацевтического сотрудника, как и на любого другого человека, и, естественно, сказывается на усложнение его профессиональной деятельности, что приводит к профессиональному стрессу.

Таким образом, на основании проведенного анализа, можно сделать следующие выводы:

1. Деятельность любого человека может привести к стрессу из-за наличия в повседневной жизни достаточно большого количества стресс-факторов. Профессиональная деятельность фармацевтического сотрудника не является исключением. Большинство из обозначенных в статье стрессоров почти ежедневно присутствуют в жизни и работе аптечного сотрудника.

2. Рассмотрев различные классификации стресс-факторов, на их основе можно составить общую классификацию стрессоров. Так, стрессовые ситуации можно разделить на три группы: личностные, факторы внешней среды и смешанные. Личностные факторы здесь подразумевают под собой стрессовые ситуации, которые можно проследить, исходя из индивидуальных особенностей фармацевтического сотрудника и из взаимодействия работника с клиентами, коллегами, начальством и т.д. Стрессоры внешней среды будут включать общественные, экологические факторы, подразумевающие под собой сильное влияние на общество в целом и на человека в частности (в данном случае, на фармацевтического работника). Также факторы внешней среды подразумевают под собой довольно частные воздействия (к примеру, раздражающий звук в аптечном зале). К смешанным стрессорам относятся все те стресс-факторы, что соединяют в себе и личностные характеристики работника, и неблагоприятные внешние воздействия на него. Примером смешанного стресс-фактора может послужить конфликт между менеджером

и продавцом в аптеке. Если предположить, что у участников этой ситуации был изначально общий стресс-фактор (задержка зарплаты), то можно проследить влияние личностных характеристик на степень раздражения каждого из работников, исходя из этого, в данном случае к стрессу приведет смешанный стресс-фактор, так как здесь один стрессор неотделим от другого.

3. Ввиду выявленных стрессоров, их постоянного влияния на деятельность аптечных сотрудников и самих аптечных организаций было бы целесообразно провести эмпирические исследования для более глубокого изучения их воздействия на профессиональную деятельность фармацевтического работника для выявления основных стратегий борьбы со стрессом (копинг-стратегий, эго-защитные механизмы), установить наличие или отсутствие зависимости стрессоустойчивости работника от каких-либо личностных особенностей. Подобные эмпирические исследования обеспечили бы основу для разработки программ по снижению риска профессионального стресса сотрудников фармацевтических организаций.

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по специальности 33.05.01 Фармация (уровень специалитета) [Электронный ресурс] /Режим доступа: <http://www.fgosvo.ru/fgosvo/94/91/6/78> (дата обращения 28.04.2017)

2. Агаджанян К.А. Профессиональное выгорание в фармации // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2014. № 5. С. 728.

3. Аргайл М., Фурнхэм А., Грэхэм Дж. А. Социальные ситуации. Гл. 12. Стрессовые ситуации //Межличностное общение: Хрестоматия. СПб., 2001 – 220 с.

4. Бодров В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление. М.: ПЕР СЭ. 2006. 528 с.

5. Карякина С.Н. Трудовой стресс педагогов с разным стажем профессиональной деятельности //Ученые записки Орловского Государственного Университета, серия: Естественные, технические и медицинские науки. 2009. № 4. С. 30-39.

6. Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем. Десятый пересмотр. (МКБ-10). Женева; 1995.

7. Мироненко Т.А., Капустина Т.В. Профессиональная идентичность у врачей //Студент. Аспирант. Исследователь. 2016. № 1 (7). С. 46-55.

8. Самоукина Н.В. Психология профессиональной деятельности. СПб.: Питер. 2003. 224 с.

9. Селье Г. Стресс без дистресса // под ред. Е. М. Крепса. М: Прогресс, 1982. 126 с.

10. Труфанова Т. А. Управление профессиональными стрессами: современные методы и подходы // Социально-экономические явления и процессы. 2016. № 8 (11). С. 72-79.

11. Чуева Е. Н. Специфика проявления профессионального стресса у представителей социально-экономических профессий // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2012. № 2 (20). С. 165-174.

12. Щербатых Ю. В. Психология стресса и методы коррекции. СПб.: Питер, 2006. 262 с.

13. Wong P.T. Effective management of life stress: The resource-congruence model // Stress Medicine. 1993. Vol. 9. P. 51-60.

ПРОЦЕСС ПОИСКА СМЫСЛА ЖИЗНИ

КАК ПУТЬ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЛИЧНОСТНОГО КРИЗИСА

Н.Р. КОЖЕМЯЧЕНКО

В статье анализируются методы преодоления экзистенциального кризиса как одной из форм кризиса личности. Показаны возможности процесса поиска смысла жизни в решении экзистенциальных противоречий человека. Обосновывается необходимость соединения поиска смысла жизни и развития личности в едином процессе саморазвития.

Ключевые слова: процесс; смысл жизни; жизнь; смерть; добро; зло; справедливость; несправедливость; космическая жизнь; бессмертие.

Одной из форм развития личностного кризиса является «кризис бытия», связанный с экзистенциальными волнениями по поводу утраты смысла жизни и неспособности его обретения. Это состояние практически всегда носит затяжной характер в силу двух взаимосвязанных причин. Смысл жизни принципиально не может быть обнаружен быстро и по заказу попавшего в сложную жизненную ситуацию человека, однако, такой человек чаще всего настроен получить формулу смысла своего существования в готовом виде и незамедлительно как первую и последнюю надежду на спасение. Однако практика показывает, что если смысл жизни теряется одномоментно, то обретается в результате длительной душевной деятельности через преодоление страданий и душевной боли. Л. Толстой, рассуждая о сущности морального поведения человека, пришёл к выводу, что смысл жизни заключается в самом процессе его поиска через преодоление разочарований и обретение элементов моральной истины. Следуя за мудростью писателя, сделаем предварительный вывод о том, что именно *процесс* поиска смысла жизни может стать эффективным методом преодоления экзистенциального кризиса личности.

Вопрос о смысле жизни быстро становится одним из важнейших в философии, религии, культуре и других областях духовного развития человека. Сталкиваясь с трагизмом жизни, индивид пытается выйти из тупика посредством поиска смысла жизни. В общих чертах под смыслом жизни следует понимать осознание человеком своего бытия как собственно человеческого, сознательное выстраивание иерархии ценностей и стремление к их реализации, добровольное подчинение нравственному закону. Содержание смысла жизни может носить позитивный и негативный характер. Оно зависит от образа жизни, индивидуальных особенностей личности, экономических, общественно-политических, правовых,

нравственных, мировоззренческих основ общества. Таким образом, смысл жизни соединяет два аспекта – индивидуальный и социальный. При этом общечеловеческие ценности выступают не только критерием негативного и позитивного содержания смысла жизни, но и являются основным содержательным элементом общественного понимания подлинного смысла человеческой жизни, поскольку с позиции общечеловеческих ценностей главной ценностью является сама человеческая жизнь, а она, в свою очередь активным образом влияет на смысл жизни. В зависимости от того, какой интерес будет преобладать в обществе – общественный или индивидуалистический, смысл жизни будет наполнен общественными или индивидуальными ценностями [3, 4].

Один из ответов – никакого смысла в жизни нет, пока можешь, предавайся разного рода наслаждениям. Это позиция индивидуалиста, лишённого всяческих моральных ориентиров. Но есть и другая позиция – отношение к себе не как к высшей ценности, а как к средству и орудию. К сожалению, сегодня у многих людей в понимании смысла жизни превалирует индивидуальный аспект. Однако смысл человеческой жизни нельзя ограничивать эгоистическими интересами конкретного человека, так как человек – существо общественное, и смысл его жизни не должен зависеть только от индивидуальных качеств, интересов и стремлений. Если смысл жизни соотносится с эгоизмом, и весь его интерес сводится только к самому себе, человек наоборот утрачивает смысл жизни, теряет связи с внешним миром, что приводит его к пессимизму и отчаянию.

В смысле жизни другой, меньшей части людей преобладает общественный аспект. Эти люди, как правило, живут для других людей, они есть в светской жизни, но больше их среди верующих. Человеческий смысл жизни предполагает связь индивидуального смысла с универсальным, индивид оказывается средством реализации законов космоса. Эта связь приводит к полноте бытия, ответственности человека перед обществом и природой.

В повседневной суете человеку некогда думать о смысле жизни. Чаще всего молодой человек задумывается о нем, когда впервые сталкивается со смертью своих близких или друзей, и, начиная размышлять об этом, не может и не хочет смириться с мыслью о смерти в будущем. Внутренне протестуя против этого, он вольно или невольно начинает думать о смысле

жизни. Но это состояние, связанное с ощущением бренности жизни, у молодого человека проходит быстро, так как оптимизм, молодость, жизнелюбие берут вверх. Он отбрасывает мрачные мысли, и все реже задумывается о смерти, сама жизнь ему кажется вечной. О смерти и смысле жизни человек начинает задумываться где-то после сорока лет, особенно когда появляются болезни и меркнут идеалы. Человек как бы подводит некоторые итоги жизненного пути и начинает анализировать, так ли он жил, что успел сделать, чего добился, много ли времени осталось впереди. Всю сознательную жизнь человека обуславливает противоречие между его интенцией бессмертия и фактической его смертностью. И именно это противоречие и придает особую остроту проблеме смысла жизни и делает его действительно основной проблемой существования человека.

Вопрос о смысле жизни – это вечный вопрос, который будет всегда, пока существует человек. Меняются ориентиры, ценности, поведение людей, рушатся привычные понятия смысла жизни, справедливости, а вечный вопрос «зачем я живу?» вновь и вновь тревожит ум и совесть. Ныне не только какой-то отдельный человек или отдельные народы, а все человечество является заложником ядерного оружия и мировой ядерной энергетики, экологического кризиса и других глобальных проблем. Но, несмотря на реальную угрозу катастрофы, у человечества есть все возможности для устранения этой опасности. Для этого необходимо сближение всех людей на основе общих гуманистических целей, способное помочь с решением сложнейших проблем современности.

Согласно представителям русских философов поиски смысла жизни невозможны без ответа на вопрос о происхождении мира, без осмысления основных принципов мироздания. Общеизвестно, что поиски смысла жизни не только были, но и остались особенностью общественной мысли России. Неоднократно отмечался интерес русских людей к вопросам о первых основах и началах бытия, о существовании Бога, о смысле жизни и им подобным. Н. Бердяев замечает: «Русскому народу свойственно философствовать. Русский безграмотный мужик любит ставить вопросы философского характера – о смысле жизни, о Боге, о вечной жизни, о зле и неправде, о том, как осуществить Царство Божье» [2, С. 68]. Русский человек страдает от отсутствия смысла в жизни, всем своим существом ощущая, что

нужно не «просто жить»: есть, пить, жениться, наслаждаясь всеми радостями жизни, а жить для служения высшему и абсолютному благу [5, С. 3,47].

По мнению русских религиозных философов только стремление к бессмертию, борьба за него, могут наполнить смыслом жизнь не только верующего, но и неверующего человека. Смерть человека необходима для осуществления полноты жизни, которая начнется после воскресения в некотором совершенном теле. Борьба со смертью во имя вечной жизни основная задача человека, смысл жизни, бессмертие должно быть завоевано.

Смысл жизни – преобразование космоса, преодоление смерти как главного врага всего человечества в первую очередь. О бессмертии говорится в любой религии, но именно русские метафизики то, что традиционно было предметом веры, превратили в предмет знания: интуитивного, диалектического. Не удивительно, что именно русским философам принадлежит две книги с общим названием «Смысл жизни». Одна из них написана С. Франком, другая – Е. Трубецким. Оба утверждают, смысл жизни – приобщение мира к полноте божественной жизни. Космическая жизнь есть «символ – искажённое, затуманенное, как бы в смутном сне видимое отражение и проявление великих законов духовного бытия», где под символизмом мира понимается явление глубочайших смыслов, метафизическая глубина, значительность [5, С. 104-105].

Основная ложь мира, которая несет смерть и диктует бесконечность взаимного истребления, заключается в его роковом отпадении от Бога. Зло и несправедливость пришли в мир, потому что человек остался свободным и после грехопадения. Преодоление тварного эгоизма через воссоединение с Богом означает отказ от собственной воли, решимость не иметь собственной жизни, стать сосудом Божества. И только на этом пути возможно нахождение безусловного смысла и справедливости в этом мире.

Современные события в России имеют два аспекта, один лежит на поверхности и более заметен – это социально-политические, экономические процессы, второй – в творческой глубине жизни и культуры, где, образуются новые смыслы и новые идеалы. Они-то и определяют облик нашей жизни в будущем. Выход из глобального кризисного состояния возможен только через углубление в духовные, религиозные основы общества. Нельзя не согласиться с Бердяевым, что «Россия не только географическое понятие, она измеряется не только материальными пространствами. Россия, прежде всего

духовное понятие, она имеет внутреннее измерение... Она задумана в мысли Божьей, и бытие её превышает наше ограниченное эмпирическое существование. Разрушить замысел Божий не в силах злой человеческий произвол. Духовного бытия России не могут убить никакие материальные катастрофы» [1, С. 766]. Сейчас наша страна находится в чрезвычайно сложном положении, но, как бывало уже не раз, нет сомнения, что Россия сможет справиться с этими трудностями и достойно ответить на очередной вызов Истории.

Человек только тогда в состоянии нормально существовать, когда он имеет ценностные ориентиры своего развития. Не все можно свести к той или иной валюте, необходим некий духовный стержень, национальная идея, которые могли бы служить надежной опорой среди существующего хаоса перевернутого мира. И эта идея – смысл нашего существования – должна быть естественным продуктом мучительного процесса самоидентификации. Процесс поиска смысла жизни способен влиять на преодоление экзистенциального кризиса в случае, если он становится основой духовного содержания человека и совпадает с развитием личности.

1. Бердяев Н.А. Россия и Великороссия // Падение священного русского царства: Публицистика 1914-1922. Вступ. статья, сост. и примеч. В.В. Сапова. М. : Астрель, 2007. С.763-768.

2. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века //О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. Сост., М.А. Маслин. – М.: Наука, 1990. С.43-271.

3. Гришина Е.С. Философия греха Флоренского в контексте современных проблем социализации // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2014. № 4 (27). С. 150-157

4. Котлова Т.Б., Гришина Е.С. Роль организованного образования в преодолении кризисных явлений в обществе // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности: сб. науч. тр. Владивосток: мор. гос. ун-т, 2016. С. 143-148.

5. Трубецкой, Е.Н. Смысл жизни. М. : ООО «Издательство АСТ»; Харьков: Фолио, 2000. С.7-334.

6. Франк С.Л. Смысл жизни. М. : ООО «Издательство АСТ», 2003. С.19-130.

УЧЕТ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ СТУДЕНТА ПЕРВОГО КУРСА КАК ПРЕОДОЛЕНИЕ И ПРОФИЛАКТИКА ЕГО ЛИЧНОСТНОГО КРИЗИСА

Т.Б.КОТЛОВА

Актуализируется значение психологического подхода к студенту первого курса в условиях современного инновационного вуза. Основой совершенствования образовательных методов признается самосознание, самоанализ и саморазвитие личности преподавателя с одной стороны, знание психологии обучающегося – с другой.

Ключевые слова: метод обучения, психологический подход, психика, личность, самоанализ, саморазвитие

Образование всегда было направлено на человека, его развитие и втягивание в культуру. Современные перемены в организации обучения и воспитания всерьёз угрожают потерей главной функции образования – фундирование культуры общества и каждого его члена. Образование сегодня – это форма занятости молодёжи, в результате чего человек ещё и получает диплом о «профессиональной компетентности». В контексте принудительно-обязательного применения интерактивных технологий в учебном процессе меняется соотношение использования традиционных методов обучения и образования, видоизменяются приемы, проверенные временем [4, 5]. В погоне за формальными показателями ради сохранения рабочего места рядовой преподаватель вуза неизбежно снижает энергию внимания к студенту как к человеку формирующемуся. В результате студент, личностное развитие которого не может остановить никакая бюрократизация, остается один, находясь внутри такого большого сообщества. Поступление в вуз – это яркое, знаменательное событие для любого первокурсника, это итог сильного и длительного напряжения его психологических сил. Практика показывает, что в первые два месяца до 40% первокурсников не настроены на напряженную учебную деятельность, подсознательно, а не редко и осознанно полагая, что они «сделали главное дело в своей жизни» и заслужили время на отдых. Не внимание преподавателя к этой установке – первая провокация ещё не кризиса, но внутреннего психологического конфликта студента. Наши исследования показали, что наибольшие, провоцирующие личностный кризис трудности в процессе адаптации первокурсника к условиям учебы в вузе связаны с психологическими факторами. На первом месте находятся два фактора: не сбывшиеся ожидания и трудности в самоопределении в новых условиях. Да, более 80% опрошенных студентов четырех вузов города

Иванова отметили, что с удовлетворением расстались с жестким контролем со стороны школы, 42% – со стороны родителей. При этом 17% признали, что с большим трудом справились с проблемами самоорганизации и с задачей удержаться в вузе. Не заметили трудности в этой части только 11% опрошенных. Более 70% первокурсников, сменивших место жительства, отметили главной трудностью начала обучения приспособление к новым условиям. И только 12% из них связали эти трудности с материально-жилищными условиями. Главной проблемой молодые люди назвали неуверенность в собственных силах, отсутствие советчиков, одиночество, сложности в общении. Всё это усугубляется весьма распространённой неуверенностью в правильности выбранного пути. В среднем до 40% поступивших в вуз на вопрос «Хотите ли Вы работать по выбранной специальности?» отметили ответ «Не уверен». А 21% полагают, что в 18 лет вообще рано выбирать профессию. Понятно, что для индивидуальной помощи студентам в этой ситуации у современного образовательного коллектива вуза нет возможностей. Нагрузка преподавателя растёт, тестовые опросы и мультимедийные объяснения обезличивают общение и пр. В этом контексте философия образования предлагает активизировать методiku психологического подхода в обучении и воспитании [1, 2], подхода, позволяющего при сохранении коллективообразующей методики учитывать особенности обучающихся, что принципиально важно в работе с первокурсниками.

Основанием выбора методов психологического подхода является суть индивидуальности психики, осмысление которой началось еще в Древней Греции. Одной из первых рационализаций индивидуальности является платоновская классификация души. Создавая учение об «Идеальном государстве», Платон думал о распределении функций между всеми членами общества. Мыслитель полагал, что душа отдельного человека неповторима и наполнена содержанием мира Идей. В момент рождения идеальная душа встречается с телом – элементом мира вещей. Платон предложил классификацию души по четырем признакам: отношение к уровню материального достатка; соотношение общественных и личных интересов; социальная роль; объект получения главного удовольствия. Социально-воспитательный смысл этой классификации для Платона заключался в призыве к тому, чтобы каждый получал удовольствие от своего дела,

увлекаясь более процессом, чем результатом, что, в свою очередь, непроизвольно призвано повышать результат как совокупное общественное богатство при стабильно положительном психологическом настрое влюбленных в своё дело людей. Ученик Платона Аристотель видел причину индивидуальности не в прирожденных свойствах души, а в уровне её развития при земной жизни. Аристотель своей классификацией подчеркивал не столько изначальную неодинаковость всех людей, сколько возможность каждого совершенствоваться в земной жизни ради своего и всеобщего блага. Размышляя о космосе, он пришел к выводу о том, что после физической смерти душа пополняет собою Вселенский Разум. Следовательно, от качества души каждого зависит состояние Вселенной, а самосовершенствование есть дело не личное, а ответственное перед всем Космосом.

Психология постоянно дает немало рекомендаций по развитию методической работы. Полезно, например, учитывать тот факт, что самоуглублённый анализ успокаивает интроверта, который спокоен в одиночестве, самодостаточен, ему легче принять решение самостоятельно, чем выслушивать раздражающие его советы других. Он предпочитает работать один и получает удовольствие от первенства. В системе образования особенности интроверта помогают результативности индивидуальных заданий и творческого поиска, нацеливают на индивидуальные формы отчета. Одновременно такому человеку хуже даются публичные выступления; работе в большом потоке он предпочитает активность в малой группе. А вот экстраверт выбирает действие в коллективе, одиночество его угнетает, он с трудом принимает самостоятельное решение, зато получает удовольствие от диалогов и коллективных обсуждений, внимателен к советам, постоянно ждет соучастия и помощи, любит переспрашивать и уточнять. Экстраверт увлечён общением, легко берётся за публичные выступления, но ему перманентно мало времени для самоуглубленного размышления, в силу этого ему нужен внешний контроль, в котором он не усматривает насилия внешнего надзора, но встречает новую форму общения. Методика, учитывающая подобные психические особенности студента, вовсе не призвана облегчить жизнь, она способствует освоению всех направлений и форм деятельности с

минимальной степенью травмы психики при решении максимально сложных задач [3, 7, 8].

Человек постоянно выбирает: степень активности, самостоятельности, возможности творческого развития, лидерства или подчинённости. Но прежде всего каждый вынужден определиться со своим отношением к общественным нормам и степенью их соответствия нормам личным. Вся совокупность норм формируется в две группы: «круг значений» – совокупность изначальных общественных обстоятельств, традиций и норм; «круг влияний» – то, на что человек может и хочет влиять или создать сам. У каждого есть стремление не только к согласию с социумом, но и к противоречию с ним, не только к повтору норм, но и к их развитию. Творчество – это желанная норма жизни. Однако предложить и внедрить новое невозможно не освоив круг значений, и только после этого появиться возможность выйти из него в круг влияний. Высшее образование как пространство концентрированного познания и самопреобразования и должно стать действенным методом и одновременно условием преодоления круга значений. Выпускник вуза должен уметь самостоятельно формулировать значения, передавать их другим, а значит, увеличивать радиус круга своего влияния.

Отметим, что пассивное функционирование в круге значений развивает и укрепляет репродуктивность психики. Это значит, что человек спокойно остаётся «на вторых ролях» вне самостоятельных творческих, да и креативных задач. Однако, репродуктивность психики помогает быть послушным и точным в исполнении заданий. В то время как стремление к новому невозможно без элементов продуктивного настроения. А успех в творчестве развивает продуктивность психики. Последняя необходима для развития лидерских качеств, формирования сознательной дисциплины, самостоятельности и ответственности. Человек с продуктивной психикой это организатор, новатор, изобретатель, а с репродуктивной – надёжный помощник, хороший ретранслятор не своих идей. Методика обучения и воспитания должна учитывать эти особенности. Действительно, реактивность психики усиливает зависимость от внешних условий, неспособность их преодолеть. Такой человек не инициативен, боязлив и мнителен, склонен к слепому послушанию, к преувеличению силы препятствий. Если эти процессы никак не регулировать, то психика будет всё

больше угнетаться мало мотивированным страхом и даже фатальной уверенностью в том, что всегда кто-то или что-то помешает дойти до цели. Исследования показывают, что эти качества продолжают доминировать в личностном развитии человека и после окончания вуза. Реактивная психика оставляет человека внутри круга значений и не даёт ему влиять на других. [3, 4]. Для предотвращения таких последствий надо помнить, что ученик с подобной установкой боится отвечать, даже если готов, его подавляет авторитет любого учителя как официального лидера. Если же реактивной психикой обладает педагог, то он становится ведомым, зависимым, боится студенческой аудитории, постепенно теряет качества официального лидера. В этом случае члены образовательного коллектива «меняются местами». Ситуация осложняется тем, что, завладев ситуацией формально, студенты чаще всего не умеют самостоятельно продолжать обучение ни организационно, ни содержательно. Опыт показывает, что ситуации, способные нарушить должный ход занятий, встречаются довольно часто. Вспомним самые типичные из них. Группа полностью не готова к практическому занятию, студенты пришли с опозданием и перевозбужденными после занятий физкультурой, аудитория не приспособлена к занятиям или вообще закрыта, а ключ потерян и т.д., и т.п.. Все эти проблемные моменты преподаватель должен быстро осмыслить и перевести их энергию в созидательное русло учебного занятия. Получается, по определению профессии преподаватель не может «страдать» наличием реактивной психики. Проактивная психика – это изначальное условие педагогической деятельности. С ней преподаватель легко развивает свободу от внешних условий, способность конструировать события, менять настроение общества и пр.. Проактивность помогает преподавателю играть роль не только «информатора», но и воспитателя, и ученого – все функции преподавателя современного «инновационного вуза» через толерантность, креативность, творчество, инициативность [4]. Но и в этом случае есть опасности: игнорирование ситуации, преувеличение своих возможностей, неумение подчиняться внешним правилам. Значит, следует помнить, что и студент, и преподаватель – это суть участники одного процесса. Вписываясь в него, надо настроить себя так, чтобы соблюдать общие правила с одной стороны, но и не попасть под их абсолютное влияние, с другой. Лидером в этом процессе адаптации призван оставаться преподаватель.

Итак, саморазвитие культуры объективно меняет содержание методики преподавания; основой совершенствования педагогических методов работы являются знания психологии личности обучающегося; психологический подход предусматривает самоанализ и саморазвитие личности педагога ради развития способности обучающегося самостоятельно жить в постоянно меняющемся мире, через диалектику непрерывности обучения, активной творческой трудовой деятельности и креативности во всех видах общения.

Наибольшее внимание психологическому подходу следует уделять в работе с первокурсниками в контексте профилактики и преодоления кризиса в их личностном развитии.

1. Гришина Е.С. Образование как пространство культурной идентификации. Монография // НОУ ВПО «Ин-т технологии и бизнеса». Находка, 2010.

2. Гришина Е.С., Котлова Т.Б. Об основных тенденциях развития образования XXI века // Гуманитарный вестник. 2015. № 3 (34). С. 21-25.

3. Гришина Е.С., Царева Н.А. Проблема трудоустройства выпускников вузов в приморье // Личность, творчество, образование в социокультурном пространстве Дальнего Востока России: сб. науч. тр. конференции. ФГБОУ ВПО «Хабаровский государственный институт искусств и культуры». 2014. С. 103-109.

4. Джавадян Г.Г. Трансформация роли преподавателя «инновационного вуза // Альманах современной науки и образования. 2011. № 8 (51), С. 112-114.

5. Кожемяченко Н.Р. Интерактивные технологии в учебном процессе разных форм обучения // Успехи современного естествознания. 2015. № 8. С. 95-98.

6. Пчелкина С.Ю. Общекультурная компетенция и дидактические проблемы преподавания философии (для нефилософских специальностей) // Вестник развития науки и образования. 2016. № 1. С. 100-106

7. Утробина О.П. Механизм целеполагания в момент осознания смысла жизни и смерти // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности: сб. науч. тр. Владивосток: мор. гос. ун-т, 2016. С. 107-115

8. Утробина О.П. Конфликт мечты и целеполагания как причина деформации жизненных стратегий студента // Научное обозрение. Педагогические науки. 2017. № 2. С.110-116

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОПРОСНИКА «ЭТАЛОН САМОСОХРАНЕНИЯ» В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЕ С УЧАСТНИКАМИ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Т.И. КУЗЬМИНА

В статье представлено описание и методологические аспекты создания опросника «Эталон самосохранения», как одного из методов диагностики психологических особенностей лиц, принимавших участие в боевых действиях. Персонально-личностное образование «эталон самосохранения» описывается не с точки зрения реактивно-инстинктивного самосохранения в экстремальных условиях, а с позиции самосохранения в поступке, реализация которого связана с угрозой жизни и здоровью в ситуации боевых действий. Указана специфика качественного анализа полученных данных. Данный опросник разработан и апробируется при поддержке ветеранов, действующих сотрудников и инструкторов спецподразделений Министерства внутренних дел, Министерства обороны, Федеральной службы безопасности, АНО ЦППГ «Ветер», возраст респондентов 25-49 лет.

Ключевые слова: эталон самосохранения, участники боевых действий, опросник, экстремальные ситуации

Введение. Основываясь на положениях экзистенциальной философии и психологии (В. Франкл, А. Лэнгле, И. Яллом, А. Хайдеггер и др.) о том, что существует четыре антропологических измерения бытия человека как целостного существа: телесный аспект (физические данные и возможности тела), психический аспект (способность к восприятию, чувствованию, познавательной активности, аффектам и драйвам), духовный аспект (наличие смыслов, способность к самодистанцированию и самотрансценденции), экзистенциальный аспект (способность проживать исполненную жизнь, которая «мне соответствует») [4; 5; 6; 8], можно говорить о том, что самосохранение у человека даже неосознанно происходит на всех вышеозначенных уровнях в нормативных ситуациях, а в экстремальных (когда сохранение всех четырех аспектов невозможно), он вынужден делать экзистенциальный, сущностной выбор в пользу некоторых из них, выстраивая некую иерархию ценностей. Для того, чтобы через поступок прожить «жизнь, которая мне соответствует» в экстремальной ситуации, человек вынужден сделать выбор в пользу сохранения одних аспектов, отказавшись от других или пожертвовав ими, даже в том случае, когда гарантией этого проживания может явиться сиюминутное окончание этой самой жизни, получение увечья или психической травмы.

Для конкретизации понятий предлагается рассматривать поступок, действие, реакцию как ответы субъекта на ситуационный запрос в их

иерархическом многообразии. С точки зрения философско-антропологической картины человека в его взаимоотношении с миром целесообразно говорить о целостности и системном единстве нескольких «антропологических измерений поступка» - эталоне самосохранения, персонально-личностном образовании, обеспечивающем те или иные виды активности субъекта в различных ситуациях и, собственно говоря, жизнь субъекта и ее качество в рамках жизненных ситуаций. 1. телесный уровень (характеризующийся физиологическими параметрами и соматическим состоянием субъекта); 2. психический уровень (индивидуальные особенности познавательных эмоционально-волевых процессов, чувств, переживаний, биопсихические свойства); 3. уровень духовности и смыслов (мировоззрение, призвание, встроенность поступков человека в его картину мира, поиск смыслов, соотнесенность индивидуального с глобальным и законами мироздания); 4. уровень совести (чутье в отношении правильного, интуитивное чувство в отношении того, как должно поступить и глубинное переживание правильности и собственно нахождения в некоей ситуации, и своего намерения разрешить ее тем или иным способом). Поступок человека демонстрирует актуальное состояние в поведении на всех четырех уровнях субъективного антропологического единства. Если в поведении человека задействованы все 4 уровня - мы говорим о поступке, если три первых уровня (1-3) - говорим о действии, если только два уровня (1-2) - то о реакции.

В момент разрешения экстремальной ситуации в поступке структурируется новый опыт, формируется и осуществляется ситуативный алгоритм, субъективно в дальнейшем переживающийся как «правильный» или «неправильный» поступок, а решение, реализация которого осуществлена в поступке, субъективно переживается не просто как «правильное», но и как «свое собственное», решение, которое соответствует мне как субъекту. Более того, субъект способен постфактум описать большую часть своих действий и отдает себе отчет в том, что делает. Полученный новый опыт запоминается как вариант адаптивного поведения.

В нормативной ситуации эталон самосохранения не имеет иерархической структуры, в виду того, что все его компоненты (тело, психика, дух и совесть) не подвергаются какой - либо опасности, то в

ситуации экстремальной так или иначе выстраивается некая иерархия уровней сохранения, последовательность которых может быть различной:

- если на высший уровень эталона самосохранения выходит тело, речь в поведении идет об автоматических реакциях по типу «бей-беги», скоростных и хаотичных действиях «на автомате»;

- если на высший уровень эталона самосохранения выходит психика, мы говорим о выраженной психодинамике и копинговых реакциях (не стратегиях) в восприятии и поведении индивида

- если на первый план выходит духовный и мировоззренческий аспект, то есть возможность говорить об отсроченных реакциях, нравственных метаниях, блокировке и бездействии, отсутствии перехода от ориентации на состояние к ориентации на действие (по Ю. Кулю) [8], т.е. «состояние нравственного метания»;

- если же на первый план выходит совесть как чутье и глубинное переживание правильности своего бытия в целом, бытия-в-ситуации в частности и ощущение собственной и высшей глубинной правды в дальнейших действиях, то эталон самосохранения выстраивается так, что тело «может», психика «реагирует», дух «решается», и человек осуществляет поступок, внешне регистрирующийся по времени совершения как действие или даже реакция.

К описанию природы возникновения и исследования эталона самосохранения невозможно подойти без учета «единства и борьбы» существующих в психологии тенденций изучения феноменов. Одна из которых диктует необходимость понимать предмет психологического изучения, психику как «субъективное отражение объективной реальности» с точки зрения диалектического подхода, достаточно хорошо связывающего принцип развития с принципами системности и детерминизма. И другая, синергетическая, открывающая необходимость изучать психику не саму по себе, а в системе целостного человека, и обнажающая факты того, что «психика если и работает, то эта «психическая деятельность» направлена на обеспечение открытости человека как сложной самоорганизующейся системы, устойчивость которой обеспечивается ее постоянным движением за пределы норм, требований ситуации, приводящего к усложнению системной организации» [2]. Психика – «не отражение реальности, а ее порождение»

(О.К. Тихомиров). И могут быть качества порождаемые системой, на которые она опирается в своем дальнейшем развитии [2; 7].

Можно теоретически и практически исследовать самоорганизацию системы, но пребывая методологически в рамках иной научной парадигмы, говорить лишь о саморегуляции, не признавая за системой свойств «открытости» и самообучаемости, и подразумевать, что психика - то, что регулирует взаимоотношения человека с окружающей его объективной реальностью. Но по сути человек - открытая система, и самоорганизация - это способ его существования. Способ бытия. В. Франкл, А. Лэнгле в феноменологическом ключе говорили о так называемой «двойной открытости» субъекта. Открытости в отношении мира, и открытости в отношении себя. Л.С. Выготский при анализе исторического смысла психологического кризиса называл психику не отражением, а «органом отбора», «решетом, процеживающим мир». [1]

Таким образом, психика может не просто отражать реальность, а субъективно исказить ее в пользу субъекта, так чтобы он мог быть и действовать в имеющихся условиях. То есть формировать ее так или иначе. Объективная реальность может быть какой угодно, но действовать в ней человек будет именно так, как он ее чувствует, опознает, субъективно представляет.

Научная школа О.К. Тихомирова, изучая мышление как деятельность, старалась фиксировать процессы порождения психологических новообразований, выяснять их роль в детерминации, направленности, избирательности мыслительной деятельности. Для теории С.Л. Рубинштейна - А.В. Брушлинского, в которой как фундаментальное рассматривалось положение о непрерывном взаимодействии человека с миром, полагалось, что взаимодействие не порождает такое качество, как смысл, а при определенных условиях всего лишь открывает его - как то, что всегда было в объекте [2].

Таким образом, эталон самосохранения - это некое психологическое образование, являющееся с одной стороны, прижизненно субъективно формирующимся, а с другой очень тонко реагирующим на изменение окружающей действительности в контексте пребывания субъекта в экстремальной ситуации, а частности, в ситуации боевых действий.

Методика. Опросник «Эталон самосохранения» состоит из 4 блоков: «тело», «психика», «дух» и «совесть». Краткий вариант опросника содержит 12 вопросов в каждом блоке, полный вариант 20 вопросов в каждом блоке. В данной статье представлен краткий вариант. Выбирается степень согласия с данными утверждениями: 1) согласен; 2) все зависит от ситуации; 3) это не имеет значения; 4) не думал об этом; 5) не согласен.

За 1) - 4 балла, за 2) - 3 балла, за 3) - 2 балл, за 4) - 1 балл, за 5) - 0, за исключением вопросов № 18, 40, 52, в которых оценка За 1) - 0 балла, за 2) - 3 балла, за 3) - 2 балл, за 4) - 1 балл, за 5) - 4

Инструкция: прочитайте утверждения и отметьте один из предложенных вариантов ответа относительно согласия с ними. Будьте, пожалуйста, предельно искренни.

1. Мое самочувствие и настроение должно быть хорошим ежедневно
2. Ничего в жизни не происходит просто так: даже случайности не случайны
3. В действии мне необходимо понимать, что поступаю правильно
4. Мне важно быть бодрым и полным сил
5. Самое важное в жизни - здоровье
6. Невозможно жить полноценно, если чувствуешь, что твоя жизнь бессмысленна
7. Когда переживаю что-то как правильное, мне легко это защищать
8. В ситуациях, которые некомфортны для моего тела, я не могу действовать адекватно
9. Заботиться о своем здоровье - святая обязанность каждого
10. Мне тяжело сделать что-то если не понимаю, для чего это нужно
11. Допускаю, что в экстремальной ситуации могу погибнуть или потерять здоровье
12. Все происходящее имеет смысл, даже если кажется, что его нет
13. Потерять честь и совесть - страшнее гибели
14. У каждого есть свое предназначение
15. Делай, что должен и будь что будет
16. Без духовных основ человек мертв при жизни
17. Даже если моя жизнь закончится завтра, многое из того, что я делал, было правильно и я спокоен за свои поступки
18. Уметь жить - это значит получать максимум удовольствия

19. Допущенные ошибки нуждаются в исправлениях
20. Мне знакомы муки совести
21. Когда принимаю решение, всегда смотрю на то, имеет ли это смысл
22. Есть нематериальные ценности, которые ценнее жизни
23. Когда понимаю, что поступил неправильно, меня это тяготит
24. Физическая жизнь человека - наивысшая ценность
25. Не мне судить о правильности моих поступков
26. Если человек стал инвалидом, его жизнь кончена
27. Есть идеи , во имя которых стоит жить
28. Поступки, которые я совершаю, не всегда правильные
29. Все случается так, как нужно: к месту и ко времени
30. Важно воспринимать ситуацию такой, какая она есть
31. Мои эмоции влияют на мои поступки
32. Мне необходимо, чтобы мое внимание было сконцентрированным и

целенаправленным

33. Это важно для того, чтобы быть человеком - поступать по совести
34. Способность к познанию делает человека человеком
35. Умение радоваться мелочам повышает качество жизни
36. Психологический комфорт особенно важен для деятельности
37. Духовно слабый человек не способен на поступок
38. Контекст ситуации очень важен для принятия решения
39. Если человек из раза в раз поступает неправильно, это негативно

отражается на его жизни

40. Моя жизнь - мои правила
41. Для меня важно , чтобы я мог рассчитывать на свою память
42. Лучше избегать травмирующих психику ситуаций
43. Самое страшное - потерять здоровье
44. Мое тело так хорошо натренировано, что я верно различаю любые

сигналы, которые от него идут

45. Стресс оказывает негативное влияние на мою деятельность
46. Это правильно: отдавать себе отчет в том, что делаешь
47. Если мне не нравится что -то в себе или окружающем мире,

стремлюсь это исправить

48. Недостаток сна всегда негативно сказывается на мне
49. Когда холодно и голодно - это очень сложно вытерпеть

50. Если тело не в порядке, способность к действию резко снижается

51. Если чувствую недомогание, это заботит меня больше других проблем

52. Получение увечья не влияет на способность радоваться жизни

Блоки вопросов:

Тело	Психика	Дух	Совесь
5, 8, 9, 11, 24, 26, 43, 44, 48, 49, 50, 51, 52	1, 4, 18, 30, 31, 32, 34, 35, 36, 41, 42, 45, 47	2, 6, 10, 12, 14, 15, 16, 21, 22, 27, 29, 37, 38	3, 7, 13, 17, 19, 20, 23, 25, 28, 33, 39, 40, 46

Опросник предназначен для индивидуальной работы и последующего обсуждения и качественной оценки полученных результатов выполнения с респондентом, а также получения индивидуальной характеристики эталона самосохранения. Вопросы, касающиеся проблематики, актуальной в ситуации боевых действий, обсуждаются отдельно. По результатам пилотной апробации опросник также может быть использован для характеристики иерархизированности структуры эталона самосохранения. В данном случае подсчитывается количество полученных баллов по блокам, каждый из которых имеет различные степени значимости, предварительно выделенные статистическим методом квантилирования:

Степень значимости	Тело	Психика	Дух	Совесь
Максимальная степень значимости	52-40	52-40	52-40	52-40
Высокая степень значимости	39-27	39-27	39-27	39-27
Средняя степень значимости	26-14	26-14	26-14	26-14
Низкая степень значимости	13-0	13-0	13-0	13-0

По предварительным данным, максимальные степени значимости констатируются при наличии психологической фиксированности субъекта на отдельных компонентах эталона, что в поведенческом прогностическом смысле может говорить об элементах дезадаптивного поведения при необходимости в боевых условиях пожертвовать максимально значимым компонентом. В гармонично сформированном эталоне самосохранения разница значимости между блоками не превышает одной степени. Если более, чем на половину вопросов даны ответы по номерами 2-3, следует более полно обследовать мотивационные компоненты респондента на наличие выраженных психических защит и степени их влияния на его повседневное и экстремальное поведение.

Выводы. Методика «Опросник эталона самосохранения» нуждается в дальнейшей широкой апробации, может применяться в дополнение к общеизвестным методикам психологической диагностики военнослужащих и

сотрудников силовых структур, принимавших участие в боевых действиях, а также в связи со специальными военно-психологическими методиками, разработанными автором: «Методика оценки боевых качеств (МОБК-1)» [2], и методикой «Боевые ситуации». Оценка выполнения должна быть качественно-количественной в зависимости от функций, возложенных на военнослужащего и выполняемых им оперативно-боевых задач.

1. Выготский Л.С. Собр. соч. М., 1982. Т.1. С. 347.
2. Клочко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск: Томский государственный университет, 2005. С.4.
3. Кузьмина Т.И. Методические аспекты разработки диагностической методики в психологической работе с участниками боевых действий (на материале методики оценки боевых качеств (МОБК-1))// Армянский журнал психического здоровья. 2015. № 6(2). С. 5-10
4. Лэнгле А. Person. Экзистенциально-аналитическая теория личности. М. : Генезис, 2009.
5. Лэнгле А. Значение самопознания в экзистенциальном анализе и логотерапии: сравнение подходов // Московский психотерапевтический журнал. 2002. №4 (35). С. 150-168.
6. Лэнгле А. Экзистенциальный анализ — найти согласие с жизнью // Московский психотерапевтический журнал. 2001. № 1 (28). С. 5-23.
7. Тихомиров О.К. Психология мышления: Учебное пособие. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. 272 с.
8. Франкл В. Духовность, свобода и ответственность. М.: Прогресс, 1990. 93 с.
9. Nicola Baumann, Reiner Kaschel, Julius Kuhl/Affect sensitivity and affect regulation in dealing with positive and negative affect//Journal of Research in Personality 41, 2007, pp. 239-248.

ОСНОВНЫЕ ТРУДНОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

З.В. МАСАЕВА

В данной работе раскрываются основные проблемные моменты организации и обеспечения психологической безопасности в условиях образовательного пространства. Раскрываются риски и угрозы, которые могут возникнуть в образовательной системе, приводя к низкому уровню обеспечения психологической безопасности. Также рассмотрены барьеры, и конфликтные ситуации, препятствующие повышению уровня психологической безопасности.

Ключевые слова: психологическая безопасность, образовательное пространство, риск, угроза, конфликтные ситуации.

Психологическая безопасность – важное условие сохранения и закрепления эмоционального самочувствия, полноценного становления ребенка. Психологическое самочувствие как составляющая самочувствия в целом – ограничение жизненной успешности и залог благоденствия человека в жизни. Социализируясь в школьной среде, ребенок усваивает и личностно воспринимает конкретные нормы, правила и запросы, которые предъявляет ему сообщество. С иной стороны школьная среда считается системой, которая расценивает действия, поступки, решения подростка. Сразу с этим та же школьная среда дает детям способности для общественного становления.

Перченко Е.Л., Киселева А.Л., Семенова М.А. считают, что значимая часть юности и детства ребенка проходит в школе. Потому задача взрослых так осуществить просветительный процесс, чтоб никак не подрывать самочувствие ребенка, сообразно способности минимизировав плохое действие школьных причин риска. Школьные причины риска – разряд черт образовательного процесса, жестко воздействующих на нервную систему и организм детей и довольно стабильных в собственных проявлениях в школах всего мира. В качестве главных из них специалисты именуют следующие [5, 8]:

- 1) недостающее соотношение школьных программ, способов и технологий возрастным и личным особенностям подростков;
- 2) нерациональная организация учебного процесса;
- 3) физиологические, чувственные и интеллектуальные школьные перегрузки;
- 4) стрессовая стратегия и стратегия педагогических действий.

К школьным причинам риска относятся и временной стресс, в котором пребывают подростки в движение почти всех лет жизни, и недостающая психологическая составляющая профессионализма учителя, и скучность детей и молодых людей, и натянутость к общению в критериях классно-урочной системы изучения и почти все иное.

Решение задачи эмоционального самочувствия подростков может быть лишь в критериях психологически безопасной образовательной среды. Под психологической безопасностью образовательной среды специалисты понимают ее положение, свободное от проявлений эмоционального давления во взаимодействии, способствующее удовлетворению потребностей в личностно-доверительном общении, творящее референтную значимость среды и обеспечивающее психическое самочувствие включенных в нее соучастников.

Психологическая безопасность образовательной среды позволяет придать образовательной среде развивающий нрав, воздействует на психосоциальное благоденствие не только школьников, однако и других соучастников образовательной среды – преподавателей и родителей [2, 7].

Единое образовательное пространство формируется за счет образовательной политики, направленной на хранение и улучшение физиологического, психического, общественного самочувствия всех субъектов системы воспитания.

На уровне школы, безопасность выражается в системе мер, нацеленных на предупреждение опасностей для положительного, стабильного становления личности. В психологическом значении – это создание и введение технологий сопровождения психологической безопасности образовательной среды [3, 4].

Совместно с тем, сообразно данным социологических изучений, довольно большой процент родителей – до 75 % обеспокоены проблемами безопасности ребенка в образовательной среде. Родителей тревожит, что никак не постоянно в образовательном учреждении обеспечена охрана прав и достоинства ребенка; их тревожит проблема конфликтности взаимоотношений детей между собой, подростков и преподавателей. Родителей волнует, станет ли малыш ощущать себя понятым, принятым, положительно оцененным, почитаемым и обожаемым за пределами зависимости от его отвлеченных успехов. Еще в большей мере тревожит

вероятность деструктивных воздействий на нервную систему ребенка со стороны ровесников и старших детей, вероятность манипулятивных действий со стороны преподавателей, невнимания, лишней строгости либо холодности со стороны учителя.

В итоге, внимание о психическом здоровье малыша сейчас – не просто престижная тенденция, а государственная ценность. Это забота о безопасности подрастающего поколения и сохранности цивилизации в будущем.

В качестве важного признака психологической безопасности образовательной среды И.А. Баева [1, 9] выделяет отношение к ней — положительное, нейтральное либо негативное, замеряемое системой шкал, содержащих когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты.

Причинами риска в образовательной среде являются: недостающее количество преподавательских кадров, материально–технической базы, невысокая энергичность студентов и преподавателей, несформированность социальных и фактических навыков, умений и опыта, степень обучения и культуры, личностно–психологические свойства соучастников учебно–воспитательного процесса, несформированность представлений и профилактики психического и физиологического самочувствия. Совокупность данных причин дает собой опасность образовательной среде и развитию личности ее соучастников.

Одной из немаловажных психологических угроз в образовательной среде считается неудовлетворение принципиальной базисной потребности в личностно–доверительном общении, и как следствие – предрасположенность к деструктивному поведению, плохое отношение к образовательным учреждениям, нарушения психического и физиологического самочувствия. Потенциально опасными в процессе становления подростка считаются: переход из дошкольного детства в школьную жизнь, начало обучения в основной школе и переход из основной в старшую школу. Угроза состоит в том, что при неблагоприятных критериях, этап привыкания к новой ситуации идет болезненно и может затянуться [6].

К опасностям и угрозам для самочувствия студентов в образовательной среде Л.А. Регуш относит несоответствие требований к изучению учебного предмета способностям воспитанника, проблемы контакта воспитанника и учителя в учебной деятельности, пассивную позицию учащегося в процессе

изучения, отсутствие интеграции между разными предметами и проблемы студентов в успешном выполнении домашних заданий. Все это влияет на итоги обучения, нацеленного не на личность как на ценность в обучении, воспитании и становлении, а на передачу знаний. Недочет психологической безопасности в межличностных отношениях преподавателей и воспитанников в результате приводит обучающихся к уклонению от обучения, просьбам о поддержке и к изоляции.

Понятие «опасность» в российских энциклопедиях ориентируется как вид эмоционального давления над человеком и желание нанести телесный, физический либо другой вред. Исключительно высокая возможность стать жертвой насилия приходится на возраст 12–24 года, поэтому принципиально профилактика этого явления в среде детей и молодежи.

Психологическое принуждение (насилие), считается начальной формой любого вида давления, сложнее только диагностируется и никак не имеет точных критериев. На наше восприятие психологического давления в межличностных отношениях воздействуют представления о нем – для одних людей пренебрежение, игнорирование, оскорбления и т.п. могут являться насилием, а для других нет.

В обстоятельствах психологического насилия выделяют биологические, семейные, средовые и межличностные факторы. Если сообразно биологическим и семейным факторам психологического насилия образовательные учреждения могут только ставить на социальный и медицинский контроль и опосредованно формировать условия сохранности и развития для детей и молодых людей, проявляющих симптомы давления во взаимодействии, то на уровне средовых критерий и межличностных отношений они готовы контролировать и корректировать их.

Психологическое насилие в межличностном взаимодействии замечается в неприятии и критике, оскорблениях, унижениях и нареканиях, проявляющихся в словесной форме, в отсутствии физического насилия, игнорировании (физиологическая либо социальная изоляция), принуждении делать что–либо против желания.

Для такого чтоб отрешиться от психологического насилия и создать безопасную среду, человек обязан иметь понятие не только о том, что считается насилием, однако и как создать условия для внутренней сохранности и безопасности референтной среды, обязан уметь управлять

эмоциями и определять происходящее в группе, предопределяя опасность насильственных действий.

Более необходимыми критериями образовательной среды, создающими и обеспечивающими психологическую безопасность, считаются:

1) доброжелательные отношения (включают в себя доверие друг к другу, интерес и почтение, эмоциональную помощь, заботу о сохранности всякого члена коллектива и др.);

2) дисциплина.

Если учебное заведение придерживается жесткой дисциплины, оно рассматривается учащимися как тюрьма, а преподаватели как защита и ответственность. Студенты начинают себя вести как заключенные, и принуждение считается для них методом самовыражения и привлечения интереса. Дисциплина педагогами и администрацией нередко имеет знак равенства с наказанием. Но дисциплина состоит из профилактических и превентивных мер и ориентирована на организацию поведения студентов, а никак не на управление и наказание.

Ведущие цели поведения учеников – ощущать собственную причастность к жизни школы и занять место в данной общности – воплощаются в три личные цели: чувствовать собственную непротиворечивость в учебной деятельности (интеллектуальная состоятельность), основывать и помогать совместному общению с учителем и учениками (коммуникативная состоятельность), записывать собственный вклад в жизнь класса и учебного заведения (непротиворечивость в деятельности). Энтузиазм детей и молодежи к учебе (желание посещать занятия и обучаться, слушать учителя) появляется при наличии лично–ориентированного обучения и доброжелательных отношений (личном подходе и неформальном общении с учителями, одноклассниками, взаимопомощи и помощи), а еще нагрузках, соответствующих возрастным и интеллектуальным способностям воспитанников.

Ответственность и включенность в происходящие в образовательной среде процессы должны распределяться умеренно между всеми ее соучастниками (учителями, учениками и их родителями, администрацией). Упор в данной ситуации делается не на обязательствах, а на ответственности за происходящее. Обязанность значит: «я обязан кому–то», меня «обязали», то есть предполагает наружный контроль над деяниями человека и часто

вызывает у него негативные ощущения, а еще, в лучшем случае, – формальный подход к межличностным взаимоотношениям и к исполнению собственной деятельности, в худшем – восприятие происходящего как психологическое принуждение над собственной личностью. Ответственность означает врождённый контроль – «я желаю», «я обязан лично себе».

С учетом результатов зарубежных научных исследований повышение уровня психологической безопасности в образовательной среде можно реализовывать, используя разработанные коррекционные программы по оптимизации коммуникативного взаимодействия и социальным навыкам.

Среди значительных социальных навыков, заключающих познавательный, эмоциональный и поведенческий компоненты, можно выделять: оценивание ситуации, осмысленное понимание личностных особенностей, знания и умение предъявлять эмоции, знание вероятных вариантов решения и выбор стратегии поведения, развитие умений конкурировать, формирования толерантности к другим людям, тренировка навыков саморегуляции и самоконтроля [7].

Обучение решению конфликтных ситуаций в образовательной среде сможет реализовываться через применение ненасильственных приемов, к которым относят: умение слушать с вниманием друг друга; умение заявить свою точку зрения для решения спорного вопроса; умение выслушивать разнообразные точки зрения; анализ конфликтных ситуаций в группе, на основе прошлого опыта и др..

Образовательная система является основой формирования жизнестойкости каждого общества и потому значимость исследования, моделирования и проектирования системы воспитания и развития личности, где все ее участники могут ощущать защищенность и удовлетворенность основных потребностей, выходит на первое место в связи с потребностью образования в развитии вырастающего поколения, которое в ближайшем будущем станет основой общества. Организация и обеспечение психологической безопасности в образовательной среде может содействовать профессиональному формированию ее субъектов и быть основой предотвращения и предупреждения негативных моделей поведения [5].

Основываясь на проведенном анализе, можно сделать вывод о необходимости продолжения деятельности по образованию комфортной психологически безопасной образовательной среды для всех субъектов

образовательного процесса. Ведь сегодня имеется множество трудностей препятствующих обеспечению психологической безопасности среди субъектов образовательной среды, но также имеется множество инструментальных возможностей предотвращения и предупреждения барьеров по организации психологически комфортного и безопасного пространства.

1. Абакумова И.В., Кагермазова Л.Ц., Масаева З.В. Смыслообразование как фактор инициации ценностно-смысловых установок в процессе обучения //Коллективная монография «Теория и практика развивающего образования школьников». Отв. ред. А.Ю. Нагорнова. Издательство: SIMJET (Ульяновск). Ульяновск, 2015. С. 21-31.

2. Абакумова И.В., Кагермазова Л.Ц., Масаева З.В. Развитие эмоциональной компетентности педагога как инициация формирования смыслообразования учащихся // Успехи современной науки и образования. 2015. № 5. С.123-126.

3. Байханов И.Б. Актуальные проблемы развития системы образования Чеченской Республики. (Доклад министра образования и науки ЧР на Августовской республиканской педагогической конференции 25 августа 2014 г.) //Вестник Института развития образования ЧР. Вып. 13. Грозный: Издательство Института развития образования ЧР, 2014.

4. Байханов И.Б. Доклад Министра образования и науки ЧР на Всероссийском семинаре-совещании «Актуальные вопросы системы общего образования в условиях перехода на федеральные государственные образовательные стандарты общего образования» (27.04.2015 г.) // Вестник Института развития образования ЧР. Вып. 15. Грозный: Издательство Института развития образования ЧР, 2016.

5. Байханов И.Б. Образование в Чеченской Республике: от восстановления – к развитию // Вестник Института развития образования ЧР. Вып. 14. Грозный: Издательство Института развития образования ЧР, 2015.

6. Байханов И.Б. Об итогах деятельности Министерства образования и науки Чеченской Республики за 2013г. и задачах на 2014 г. (Доклад на заседании Коллегии Министерства 26 декабря 2013 г. Вестник Института развития образования ЧР. Вып.11. – Грозный, 2013.

8. Кагермазова Л.Ц., Масаева З.В. Компетентностный подход при подготовке педагога профессионального обучения. //Материалы конференции «The generation of scientific ideas European Association of pedagogues and psychologists «Science». 2014. Издательство: Европейская ассоциация педагогов и психологов «Science». С.36-38.

5. Масаева З.В., Абакумова И.В., Кагермазова Л.Ц. Психолого-педагогическая компетентность родителей как фактор обеспечения психологической безопасности //Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции «Наука и образование в жизни современного общества». Тамбов, 2014г. С.93-94.

6. Масаева З.В., Волков С.И. Изучение психологической безопасности в образовательной среде постконфликтного региона //Российский психологический журнал. – 2012. Т.9 № 4 С.54-61.

8. Масаева З.В., Абакумова И.В., Кагермазова Л.Ц. Взаимодействие педагогов и родителей для создания безопасного пространства в образовательной среде //Материалы Международной научно-практической конференции «Теоретические и прикладные вопросы науки и образования». Тамбов, 2015г. С.65-66.

9. Масаева З.В., Ажиев М.В. Психологическое сопровождение безопасности образовательной системы в современных условиях //Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции «Наука и образование в жизни современного общества»: в 12 частях. Издательство: ООО «Консалтинговая компания Юком» (Тамбов), Тамбов. 2015г. С.94-95.

ТРУДНОСТИ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ И СПЕЦИАЛИСТОВ-ИММИГРАНТОВ К НОВОМУ ОБРАЗУ ЖИЗНИ

Я.А.МЕЛЬНИКОВА

В статье рассматриваются четыре группы ситуаций, наиболее часто возникающих в процессе иммиграции и отражающих многие стороны изменений образа жизни и образа мира. Подробно рассмотрены ситуации, связанные с отношением местных к приезжим и с переживанием чувства национальной идентичности. Представлен тезис о том, что ситуация иммиграции часто переживается как экстремальная, что делает необходимым применение междисциплинарного подхода на стыке менеджмента, кросс-культурной психологии и экстремальной психологии.

Ключевые слова: образ мира, образ жизни, трудности в иммиграции, экстремальная ситуация.

Современный рынок труда и образовательных услуг характеризуется высоким спросом и предложением разнообразных программ по обмену, стажировкам, волонтерских программ, тренингов навыков межкультурного общения и т.д. Студенты и молодые специалисты наиболее активно используют открывающиеся возможности, тем более что университеты по всему миру, включая ведущие и региональные российские высшие учебные заведения, предлагают широкий спектр образовательных услуг для иностранцев. Необходимость конкурировать, создавая привлекательные условия и обеспечивая тем самым развитие международного сотрудничества, повышает практическую значимость изучения проблем адаптации иностранных студентов и молодых специалистов.

Условия и факторы «миграционной ситуации» претерпевают изменения в отдельных странах и в мире в целом. Постоянные политические, экономические, социокультурные и прочие изменения приводят к необходимости снова и снова изучать также каждую из стадий иммиграции для того, чтобы знание оставалось научно-актуальным. Изучение теоретических источников и анализ интервью (50 респондентов) показывают, что довольно часто ситуации, возникающие в ходе адаптации к иной культуре, обладают признаками экстремальных ситуаций. Но этот факт пока что не получил достаточного освещения в научных работах.

В данной статье предпринята попытка классификации ряда ситуаций, описывающих трудности адаптации. Удобными инструментами для описания и объяснения феноменов, переживаемых в ходе взаимодействия с новой культурой, являются понятия образа жизни и образа мира. Образ мира – психологическая категория, впервые введенная А.Н. Леонтьевым в 80-ых

годах XX века. Как структура, образ мира представляет собой интегральную систему значений, сложившуюся в соответствии с системой реализуемых деятельностей (т.е., в соответствии с личной историей и практикуемым образом жизни), фокусирующей и направляющей дальнейшую деятельность субъекта, выполняя также и прогностическую функцию [1].

При анализе общедоступных источников и интервью с иностранцами, проживающими в России, был составлен список выделяемых авторами и респондентами трудностей, возникающих в процессе адаптации к новому образу жизни. Эти ситуации можно разбить на 4 большие группы:

- трудности, связанные с языком (см. Таблица 1);
- трудности, вызываемые отношением местных к приезжим (см. Таблица 3);
- трудности, вызываемые иными нормами поведения (см. Таблица 2);
- трудности, связанные с переживанием национальной идентичности (см. Таблица 4).

Таблица 1 - Трудности, связанные с другим языком

1.	Незнание языка.
2.	Непонимание языкового контекста.
3.	Разные культурные нормы и речевые коды.
4.	Малое число людей, знающих родной язык визитера.
5.	Малое число людей, знающих английский язык.

Таблица 2 - Трудности, вызываемые иными нормами поведения

1.	Другой рабочий кодекс поведения.
2.	Другое отношение к деньгам.
3.	Допустимые/недопустимые темы в разговорах.
4.	Относительность светских ценностей.
5.	Социальная дистанция, особенности вертикальных и горизонтальных отношений.
6.	Другое отношение к гостям.
7.	Другое отношение к подаркам.
8.	Другое отношение к дням рождения и времени поздравления.
9.	Другое понимание должного гендерного поведения.

Первое, на что обращают внимание при взаимодействии с новой культурой – это язык и поведение. Чем больше отличается культура родной страны от традиций и ценностей принимающего общества, тем сильнее контраст и осознание того, что многое должно поменяться в соответствии с новыми условиями. Поэтому, в ряде случаев переезд в страну с кардинально иным образом жизни требует осознанной, направленной, специально организованной перестройки системы значений и представлений - образа мира. Тогда процесс понимания возможности или невозможности принятия

новых условий жизни проходит значительно быстрее, чем в тех случаях, когда человек переезжает в общество с родственной культурой, и на выявление опорных точек новой ситуации могут уходить года.

Поскольку, значимость изучения языка и традиций принимающей культуры достаточно часто попадают в поле зрения как исследователей, так и специалистов, работающих с иммигрантами [3, 7, 8], в данной статье ниже более подробно будут рассмотрены вопросы, связанные с национальной идентичностью и с отношением, с которым сталкиваются приезжие.

Таблица 3 - Трудности, вызываемые отношением местных к приезжим

№ п/п	Ситуация	Описание, примеры
1.	Плохое/подозрительное отношение	К иностранцам в целом, либо к представителям конкретных национальностей или стран.
2.	Чрезмерное внимание	Пристальное внимание к факту того, что человек – представитель другой культуры. Особенно, если сильно выражен фактор новизны (внешний вид, поведение, дальность родной страны и т.п.)
3.	Принуждение к соблюдению норм поведения (и ношения одежды)	Например, обязательное ношение женщинами платков-хиджабов в Иране, хотя соблюдение может быть чисто номинальным (один из вариантов – платок прикреплен к резинке для волос и закрывает только затылок).
4.	Презрительное отношение к приезжим	Причина и проявление зависят от социума. Например, в Японии всех приезжих обозначают словом «гайдзин». Даже если это женщина обладательница светлых волос и европейского разреза глаз или белый мускулистый мужчина-управляющий крупной компании (оба примера представляют собой гендерные идеалы), в социальной иерархии гайдзин за редким исключением стоит гораздо ниже местных.
5.	Ожидания на основе национальных стереотипов	Восприятие человека согласно региону, откуда тот приехал и поведение без учета характеристик конкретной личности. Например, от представителя латиноамериканской культуры – ожидается импульсивность, сексуальность/распушенность, открытость; от гражданина DACH – точность, квалифицированность, практичность и т.д.
6.	Отношение к местным как к детям	Поддерживать прибывших некоторое время – обычная традиция для большинства культур, однако, в ряде случаев приезжих продолжают считать социально-некомпетентными длительное время, вызывая дискомфорт у тех, кто чувствует себя вполне «вписавшимся».
7.	Слишком уважительное/пренебрежительное отношение к квалификации	В основном, обусловлено образами, созданными в массовой культуре и за счет глобализации. Например, футболисты из Бразилии, России и Швеции воспринимаются по-разному.

* DACH – международный акроним для обозначения немецкоязычного региона, включающего в себя Швейцарию, Австрию и Германию.

Отношение местных к приезжим, как правило, изучают в контексте минимизации опасности для вторых. Это разумно и обоснованно, поскольку физическая безопасность является одним из самых базовых факторов привлекательности страны для потенциальных иммигрантов. Но кроме этого, изучение особенностей отношения к носителям иных культур может быть полезным для выработки конкретных стратегий по адаптации иностранцев к новому обществу при сохранении существующей культуры [8].

Таблица 4 - Трудности, связанные с переживанием национальной идентичности

№ п/п	Трудности	Примечания
1.	Наличие/отсутствие родственных связей в принимающей стране	В некоторых случаях полезно иметь родственные связи в принимающей стране, а в некоторых это может навредить. Также, может наблюдаться смешанный эффект. Примером является настороженное отношение жителей Абхазии к тем, кто имеет грузинское происхождение при сохранении статуса «своих».
2.	Изменение социального статуса	Явный пример, это возросшее или уменьшившееся благосостояние за счет разницы в курсе валют. Но бывают и менее очевидные факторы социального статуса. Например, армяне, проживающие в Грузии, среди других армян имеют самый высокий статус, при этом быть «тбилисским армянином» почетнее и престижнее, чем «армянином из Батуми». Переезд из общества, где данные факты имеют вес, туда, где это незначимо, приводит к утрате этой части социального статуса. Одновременно, европейцев в России или европейцев (включая русских) в Азии принято считать представителями более развитых государств, их социальный статус при переезде часто повышается автоматически.
3.	Несогласие относительно религиозных ценностей	Особенно, если речь о конфессиях: 1) являющихся международными; 2) имеющих цель привлечения и конвертации паствы; 3) имеющими фундаментальные различия в вере и форме выражения веры.
4.	Невозможность/нежелание соблюдать традиции	Соблюдение некоторых традиций становится затрудненным по техническим или этическим причинам.
5.	Невозможность получить поддержку диаспоры	Некоторые (даже небольшие) национальности широко представлены по всему миру диаспорами (китайская, еврейская, армянская, мексиканская, русская и т.д.), поэтому местности и страны, без наличия диаспоры могут быть источником дополнительного стресса. Также серьезную поддержку оказывают религиозные представители. Особенно, это свойственно иудаизму и исламу (напр., система Хавала).
6.	Излишнее внимание диаспоры	Диаспора кроме поддержки обеспечивает поддержание привычного образа жизни и образа мира, нередко даже принуждая следовать традициям. Многие переезжают именно в состоянии открытости новому опыту и желают усваивать и пробовать новый образ жизни.

7.	Другая кухня и вкусы	Гастрономические привычки одни из самых сильных. Вкус определяет психологический метаболизм организма, ингредиенты – химический. Серьезные изменения в кухне и недоступность привычных блюд и вкусов могут вызывать психофизиологическое напряжение, сопоставимое с непониманием языка и культурных кодов.
8.	Сложность приобретения некоторых продуктов и специй	Кроме психофизиологического воздействия, другая гастрономия влияет на возможность гостеприимства и поддержания национальной идентичности и сплоченности. Например, лепешки аперас (Венесуэла) должны печься из кукурузной муки. Однако, в Москве «правильной» муки в 2016 году не нашлось. Поэтому, когда она была привезена друзьями из Германии, для венесуэльцев это стало поводом устроить праздник и угостить приглашенных «настоящими арепас».
9.	Сложность реализации привычных активностей	В зависимости от географических и климатических особенностей, могут быть распространены самые разнообразные активности и профессии: гольф, большой теннис, серфинг, яхтинг, сноубординг, охота, рыбная ловля и т.д. В силу тех же самых особенностей, это не всегда доступно в других регионах мира.

Трудности данной категории в обобщенном виде тоже часто попадают в поле зрения профессионалов. Важно, что в современных условиях могут вместе учиться или работать по 2-3 представителя более чем 5 национальностей, что ребром ставит вопрос более углубленного изучения не только конкретных национальных особенностей, сложностей и стратегий адаптации, но и нюансов одновременного взаимодействия многих культур. Понятие культуры принимающей страны может размываться и модифицироваться до некоей унифицированной международной студенческой или корпоративной культуры.

Представленные в таблице ситуации бывают приближены к экстремальным, но в случаях пребывания в мультикультурной среде, они еще чаще субъективно переживаются как более тяжелые. Часто это связано с тем, что всех участников снижено ощущение значимости адаптации к культуре принимающей среды, но нет и возможностей опереться на свою культуру в прежней степени.

На сегодняшний день подготовка к иммиграции часто начинается с идеи, что способность к иммиграции – это важный профессиональный навык [9, 10]. В множестве опубликованных исследований иммиграция изучается с точки зрения западного менеджмента: в контексте разработки программ адаптации и интеграции работников в принимающей стране, и программ,

способствующих повышению эффективности трудовой деятельности [4, 5, 6, 9].

Для того, чтобы ситуация иммиграции стала действительно экстремальной, обычно необходимо, чтобы наложилось сразу несколько серьезных факторов, особенно, если они обладают повышенной личностной значимостью для человека [2, 8]. В ряде случаев может оказаться достаточным даже несколько факторов высокой интенсивности (например, агрессивное выражение ксенофобии и сильный контраст в образе жизни). Поэтому, важно изучать вклад тех или иных типичных ситуаций в общую картину иммиграции и научиться оценивать риск развития признаков экстремальной ситуации и ее последствий.

1. Серкин В.П. Профессиональная специфика образа мира и образа жизни // Психологический журнал. 2012. № 4. Т. 33. С. 78 – 90.

2. Серкин В.П. Изменение представлений о себе, своем образе мира и образе жизни при переживании экстремальной ситуации // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 3. Т. 51. С. 75 - 83.

3. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: практикум: Учебное пособие для студентов вузов. М: Аспект Пресс, 2006.

4. Eckert, C.K. (2010) Wissenstransfer im Auslandsentsendungsprozess eine empirische Analyse der Rolle des expatriates als Wissenstransfer-Agent. Wiesbaden: Gabler Verlag / GWV Fachverlage GmbH, Wiesbaden.

5. Ganter, G. and von Dieter Wagner, G. (2009) Arbeitszufriedenheit von expatriates Auslandsentsendungen nach China und Korea professionell gestalten. Wiesbaden: Gabler Verlag.

6. Haines, V.Y., Saba, T. and Choquette, E. (2008) 'Intrinsic motivation for an international assignment', *International Journal of Manpower*, 29(5), pp. 443–461. doi: 10.1108/01437720810888571 .

7. Kraimer, M., Bolino, M. and Mead, B. (2016) 'Themes in expatriate and repatriate research over Four decades: What do we know and what do we still need to learn?', *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*, 3(1), pp. 83–109. doi: 10.1146/annurev-orgpsych-041015-062437 .

8. Oberg, K. (2006) 'Cultural shock: Adjustment to new cultural environments', *Practical Anthropology*, 7, pp. 142–146.

9. Richardson, J. and McKenna, S. (2002) 'Leaving and experiencing: Why academics expatriate and how they experience expatriation', *Career Development International*, 7(2), pp. 67–78. doi: 10.1108/13620430210421614 .

10. Selmer, J. and Luring, J. (2012) 'Reasons to expatriate and work outcomes of self-initiated expatriates', *Personnel Review*, 41(5), pp. 665–684. doi: 10.1108/00483481211249166 .

ПОСТТРАВМАТИЧЕСКИЙ РОСТ: КРАТКИЙ ОБЗОР

М.И.МИШИНА

В данной статье описаны исследования последствий переживания экстремальных ситуаций. В качестве основы был взят феномен посттравматического роста, впервые описанного в 2004 году. Приведены работы авторов, изучающих данный феномен с различных точек зрения.

Ключевые слова: экстремальная ситуация, посттравматический рост, переживание, изменения.

Экстремальная ситуация – событие, которое полностью меняет наше представление о себе, так как выходит за рамки нормального опыта человека, является реально и потенциально опасной для жизни и здоровья, а также часто приводит к стрессу и другим негативным последствиям. Чаще всего последствия переживания подобных ситуаций изучают с точки зрения различных структур личности – когнитивных, эмоциональных или поведенческих.

Переживание экстремальной ситуации может приводить как к негативным – острое стрессовое расстройство, посттравматическое стрессовое расстройство и др. [6], так и к позитивным последствиям. Например, в 2004 Tedeshi и Calhoun описали феномен посттравматического роста [21]: позитивные изменения личности в результате преодоления стрессовых ситуаций. Начав свои исследования в 1996 году [21], они решили узнать, как тяжелая для человека ситуация меняет его мировоззрение. Взяв людей, переживших сложные болезни (рак, сердечные приступы и т.д.), а также тех, кто пережил пожары или кораблекрушения, они провели опрос, с помощью которого наметили три направления изменений. В первую очередь, это изменения в себе. Респонденты отметили, что их восприятие себя стало субъективно лучше. Подобное смещение может быть объяснено с точки зрения переработки информации о произошедшем – сам факт того, что событие было пережито, помогает преодолеть дистресс и воспринимать себя как более сильного человека. Также были отмечены изменения в отношениях – большинство респондентов заметили, что их внутрисемейные отношения стали более крепкими и близкими. Более поздние исследования Val и коллег [9] на основе модели стресса Лазаруса [13] и транзакционной модели Spacarelli [18] выявили, что на тяжесть симптомов травмы после переживания экстремальной ситуации больше влияет не объективная тяжесть ситуации, а ее негативная оценка и отсутствие социальной поддержки (рис 1). Таким образом, укрепление межличностных отношений можно

рассматривать как стремление обеспечить социальную поддержку, тем самым снизив негативную оценку события и, как следствие, тяжесть симптомов травмы.

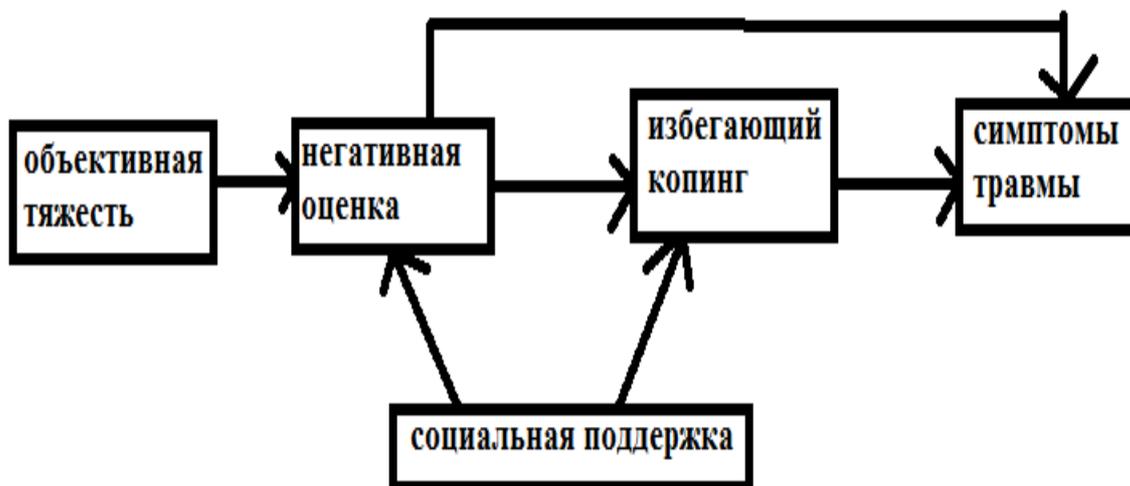

Рисунок 1 - Модель Bal et al, 2009

Последним направлением изменений стали сдвиги в жизненной философии. По результатам Tedeshi Calhoun почти 60 процентов раковых больных отметили изменения в жизненных приоритетах, поменяв свое восприятие жизни на более легкое и позитивное. А выжившие в кораблекрушении (94 процента) стали воспринимать свою жизнь как подарок и больше ее ценить. При этом 74 процента из них стали стараться жить каждый день более ярко и насыщенно.

Позже Tedeshi и Calhoun [21] начали развивать исследования в области составления инструмента для оценки наличия у человека позитивных изменений после переживания экстремальной ситуации. Проведя опрос, они вывели факторную структуру феномена, который был описан ими впоследствии. В нее вошли 5 факторов: «отношение к другим», «новые возможности», «личностная сила», «духовные изменения» и «восприятие жизни». Для проверки валидности заключений о том, что позитивные изменения действительно касаются травматического опыта, они провели сравнительное исследование, где общая выборка составила 107 человек. Из них 44 человека имели подобный опыт, 63 – нет. Баллы по факторам посттравматического роста у тех, кто переживал травматическую ситуацию были выше, чем у тех, кто похожего опыта не имел. Различий не было обнаружено только в факторе «духовные изменения». Также было проверено

наличие связи между ПТР и факторами «Большой пятерки», отношением к религии и социальной желательностью. Результаты исследований говорят о том, что все факторы «большой пятерки» кроме нейротизма, а также религия оказывают влияние на развитие посттравматического роста.

Tedeshi и Calhoun не раскрыли в своих исследованиях мотивацию к изменениям, однако мы полагаем, что ее появление можно объяснить через изменение ядерной структуры образа мира, которая и детерминирует нашу деятельность.

Позицию того, что экстремальная ситуация несет за собой не только негативные последствия, разделяют и другие авторы. Например, Dekel [9] утверждает, что позитивные изменения выражаются в улучшении стратегий поведения в похожих ситуациях, переоценке смысла жизни и жизненных позиций (что соотносится с направлением изменений в жизненной философии по Tedeshi и Calhoun). Отечественные авторы, например, С.В. Будыкин [1], также говорит о том, что опыт экстремальной ситуации – это шаг на пути к личностному росту. С ним солидарен и Joseph [9], называющий травматический опыт пусковым крючком личностных изменений. Более того, он говорит о возможности возникновения ПТР не только после реального переживания ситуации, но и после соотнесения себя и своих переживаний с событием, произошедшим с другими людьми (при просмотре репортажей о терактах или катастрофах). Такой феномен получил название субстанциионарного ПТР.

Источник ПТР до сих пор является предметом споров многих исследователей. Многие считают, что это логичный исход преодоления дистресса, однако некоторые уверены, что на основе отчетов респондентов нельзя делать вывод о наличии ПТР как объективного феномена. Тейлор, к примеру, говорит о том, что позитивные сдвиги могут быть иллюзорным способом восстановления равновесия и веры в справедливый мир, чтобы смочь преодолеть дистресс и дальше жить нормальной жизнью. На эту точку зрения, которая была выражена в 1980-м году, такие ученые как Rabe, Zollner, Maercker и Karl [13] в 2006 году выявили нейробиологические корреляты ПТР и сравнили их у людей, переживших травматическую ситуацию, с их отчетами. Их результаты говорят о том, что отчеты могут являться достаточным подтверждением наличия у респондентов ПТР как реального феномена. Но валидность это исследования может быть подвергнута

сомнению – оно было проведено без контрольных замеров. Впрочем, проведение экспериментальных исследований участников экстремальных ситуаций затруднено с этической точки зрения. Сейчас научное сообщество приходит к выводу о том, что подобные феномены можно изучать только ретроспективно, и контрольные замеры в этом случае практически невозможны [4].

Учитывая ограничения данных Rabe и коллег с точки зрения позитивистского подхода, нельзя однозначно постулировать ПТР как однозначный результат переживания экстремальной ситуации, но, тем не менее, вероятность правильности этой точки зрения выше, чем других.

В рамках последних наших исследований было обнаружено [3], что после переживания такой экстремальной ситуации, как ДТП, люди действительно стремятся сделать свою жизнь более насыщенной яркими событиями, придать ей более активный и позитивный характер. Более того, более половины участников исследования отметили сдвиги в межличностных отношениях, сказав, что они стали более теплыми и близкими.

В заключении стоит сказать, что первое описание в 2004 году и дальнейшие исследования феномена посттравматического роста внесли действительно весомый вклад в организацию психологической помощи пережившим или переживающим травматическую ситуацию. Еще в 1987 году Afflek и коллеги [6] обнаружили, что люди, которые позитивно переосмыслили ситуацию сердечного приступа в несколько раз реже по сравнению с теми, кто этого не сделал, переживали их повторно вне зависимости от физиологических показателей. Скорее всего, это связано с тем, что появилось внутреннее стремление избегать тех факторов, которые повышают вероятность повторения этого события, и, соответственно, стремление увеличения тех факторов, которые могут этому препятствовать. В 2002 году Stanton и коллеги [18] разделили раковых больных на две группы, одну из которых просили описать положительные изменения в их жизни, появившиеся после постановки диагноза, а вторую – описать различные факты болезни. Спустя три месяца исследователи обнаружили, что первая группа стала использовать меньше медикаментов в связи с улучшением общего состояния.

Образ мира – понятие, введенное А.Н. Леонтьевым для описания феноменологии познавательной деятельности человека и его восприятия [2].

Образ жизни – термин, введенный для описания индивидуальной иерархизированной актуальной системы деятельностей [5]. В.П. Серкин на основе эмпирических данных об изменении образа мира и образа жизни [4] после переживания экстремальных ситуаций выделяет следующие позитивные аспекты влияния опыта прохождения через экстремальную ситуацию:

«3.1. Экстремальная ситуация позволяет осознать ценность своей жизни, в виду чего наступает осознание новых аспектов своей жизни и принятие на себя ответственности за них.

3.2. После переживания экстремальной ситуации на первый план часто выходят духовные ценности, человек может переосмыслить свое отношение к жизни, отношения с другими людьми. Данное переосмысление произошедшего может способствовать формированию новых ориентиров, нового образа жизни.

3.3. Появляются новые знания, с помощью которых человек может принять меры, чтобы не допустить повторения пережитой экстремальной ситуации.

3.4. При переживании экстремальной ситуации люди оценивают себя как менее позитивных, но как более активных, напряженных.

3.5. Образ жизни оценивается во время экстремальной ситуации как отрицательный, тогда как до и после экстремальной ситуации как положительный. Иными словами, экстремальная ситуация переживается людьми как «плохая», однако после нее, люди чувствуют свою жизнь более «осмысленной», «истинной», «настоящей», «уважительной» и «привлекательной» [4, С. 82].

Эмпирических исследований, посвященных изучению людей, переживших экстремальную ситуацию, на данный момент не хватает, однако, на основе того, что есть сейчас, можно утверждать, что благополучное переживание ДТП ведет к появлению феномена ПТР чаще, чем переживание сексуального насилия или смерти близкого человека [15, 16]. Задача, которая стоит перед экстремальной психологией в целом, и, в особенности, перед отечественной экстремальной психологией, заключается в увеличении числа исследований на тему особенностей последствий переживания травматических ситуаций.

1. Будыкин С. В., Дворянчиков Н. В. Психологические последствия экстремальных ситуаций у сотрудников правоохранительных органов и гражданских лиц // Психологическая наука и образование. 2013.
2. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. В 2-х тт. М.: Педагогика, 1981
3. Мишина М.И., Серкин В.П. Изменение образа мира после переживания дорожно-транспортного происшествия // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности: сборник научных статей VI международной научно-практической конференции. Морской государственный университет им. адмирала Г.И. Невельского, 2016. С. 293-300.
4. Серкин В.П. Изменение представлений о себе, своем образе мира и образе жизни при переживании экстремальной ситуации // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. Т. 51. № 3. С. 75-83.
5. Серкин В.П. Психосемантика. М.: Юрайт, 2016. 318 с.
6. Шойгу Ю.С. Психология экстремальных ситуаций. М.: Смысл, 2010. 364 с.
7. Affleck, G., Tennen, H., Croog, S., & Levine, S. (1987). Causal attribution, perceived benefits, and morbidity after a heart attack: An 8-year study. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 55, 29–35.
8. Bal, S., Crombez, G., De Bourdeaudhuij, I., & Van Oost, P. (2009). Symptomatology in adolescents following initial disclosure of sexual abuse: The roles of crisis support, appraisals and coping. *Child Abuse & Neglect*, 33(10), 717–727.
9. Dekel S., Mandl C., Solomon Z. Shared and unique predictors of post-traumatic growth and distress // *Journal of clinical psychology*. – 2011.
10. Joseph, S. (2009). Growth follow in adversity: Positive psychological perspectives on posttraumatic stress. *Psychological Topics*, 18, 335–344
11. Lazarus, R. S. (1991). Progress on a cognitive-motivational-relational theory of emotion. *American Psychologist*, 46(8), 819–834.
12. Lazarus, R. S., & Folkman, S. (1984). *Stress Appraisal and Coping*. New York: Springer.
13. Maercker, A., Zoellner, T., Menning, H., Rabe, S., & Karl, A. (2006). Dresden PTSD treatment study: Randomized controlled trial of motor vehicle accidents survivors. *BMC Psychiatry*, 6.
14. Rabe, S., Zoellner, T., Maercker, A., & Karl, A. (2006). Neural correlates of posttraumatic growth after severe motor vehicle accidents. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 74, 880–886.
15. Shakespeare-Finch, J. (2005). Personality, coping and post-traumatic growth in emergency ambulance personnel. *Traumatology*, 11, 325–334.
16. Shakespeare-Finch, J., & Armstrong, D. (2010). Trauma type and posttrauma outcomes: Differences between survivors of motor vehicle accidents, sexual assault, and bereavement. *Journal of Loss and Trauma*, 15, 69–82.
17. Spaccarelli, S. (1994). Stress, appraisal, and coping in child sexual abuse - A theoretical and empirical review. *Psychological Bulletin*, 116(2), 340–362.
18. Stanton, A. L., Danoff-Burg, S., & Huggins, M. E. (2002). The first year after breast cancer diagnosis: Hope and coping strategies as predictors of adjustment. *Psycho-Oncology*, 11, 93–102.
19. Taylor, S. E., & Brown, J. D. (1988). Illusion and well-being: A social psychological perspective on mental health. *Psychological Bulletin*, 103, 193–210.
20. Tedeschi, R. G., & Calhoun, L. G. (1996). The posttraumatic growth inventory: Measuring the positive legacy of trauma. *Journal of Traumatic Stress*, 9, 455–471.
21. Tedeschi, R. G., & Calhoun, L. G. (2004). Posttraumatic growth: Conceptual foundations and empirical evidence. *Psychological Inquiry*, 15, 1–18.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И СОВЛАДАЮЩИЙ ИНТЕЛЛЕКТ²

С.Н.НИКИШОВ, И.С.ОСИПОВА, Е.Г.ПРОНЬКИНА

В статье рассматривается вопрос о месте автобиографической памяти в структуре совладающего интеллекта. Под автобиографической памятью понимается подсистема долговременной памяти, оперирующая воспоминаниями о лично значимых событиях и состояниях. Авторы рассматривают роль и функциональные возможности автобиографической памяти в разрешении трудных жизненных ситуаций, нарушающих психологическое благополучие личности.

Ключевые слова: автобиографическая память, совладающий интеллект, трудная жизненная ситуация, личность, регуляция.

В жизни современного человека нередко возникают трудные ситуации. А.Я. Анцупов и А.И. Шпилов понимают под трудной жизненной ситуацией ситуацию, которая может быть охарактеризована разбалансированностью системы «задача – личные возможности и (или) мотивы – условия среды», вызывая неравновесные психические состояния у человека. Степень рассогласования является индикатором уровня трудности ситуации. Исследователи рассматривали следующие виды трудных жизненных ситуаций: трудные ситуации деятельности, ситуации социального взаимодействия и внутриличностного плана [2]. Подобные ситуации требуют от человека применения различных способов урегулирования всевозможных кризисов, разрешения различных психологических проблем и конфликтов (от межличностных до внутриличностных). При этом очень важно, чтобы человек научился справляться с трудностями, возникающими на его жизненном пути, используя наиболее эффективные и адекватные стратегии. Поиск ответов в решении данной проблемы в последнее время активно осуществляется в рамках концепции совладающего интеллекта (А.В. Либина [3]).

Под совладающим интеллектом А.В. Либина понимает «как личностные, так и психические процессы, характеризующие взаимодействие человека с конкретными жизненными ситуациями с точки зрения успешности или неуспешности результата этого взаимодействия» [3, С. 20]. Кроме того совладающий интеллект как феномен психологической науки связан с позитивным психологическим опытом, совершенствованием мастерства и с личностной компетентностью.

² Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-36-01038 «Автобиографическая память: возрастные, гендерные и личностные особенности».

Однако как показывает анализ современного состояния исследований в этой области, остается открытым вопрос о роли и функциональных возможностях автобиографической памяти в разрешении трудных жизненных ситуаций, нарушающих психологическое благополучие личности, в том числе и у представителей различных возрастных групп [6; 7].

Нам представляется очевидным тот факт, что автобиографическая память занимает важное место в структуре совладающего интеллекта, поскольку он, как отмечает большинство исследователей, объединяет в себе не только такие понятия, как совладание и психологическая защита, но и интеллект личности. А к основным параметрам, формирующим отличительные особенности интеллектуальной системы человека, относится, в первую очередь, память.

В настоящее время в научной литературе различают два глобальных типа совладания с трудной жизненной ситуацией. К первому типу относится проблемно-ориентированное совладание, которое направлено на преодоление неравновесного психического состояния путем разрешения ситуации. Здесь автобиографическая память человека выступает, на наш взгляд, как вспомогательное средство. В.В. Нуркова, О.В. Митина, Е.В. Янченко отмечают, что автобиографическая память человека, находящегося в трудной жизненной ситуации в момент исследования, обладает специфическими признаками [5]. Были обнаружены три ярких феномена трансформации автобиографической памяти: 1) феномен «обеднения прошлого» – респонденты вспоминали и воспроизводили в среднем 7,43 события (в контрольной группе – 21,14), прошлое представлялось схематичным, плоским и культурно-типичным (нормативным); 2) «исчезновение детства» – самое раннее воспоминание этих респондентов приходилось в среднем на возраст 14,25 лет (обычно – 3,5 года), однако, воспоминания не утрачиваются (при специальной инструкции респонденты могли вспомнить достаточное количество детских воспоминаний), но оцениваются как незначимые в данной ситуации; 3) «онтологизация настоящего» – в отличие от прошлых периодов жизни, период жизни, отнесенный респондентом к субъективному настоящему, оказался насыщен событиями, фактологическими и временными деталями. Исследователи предполагают, что полученные результаты связаны с интенсивной работой психики по осмыслению и переживанию имеющейся жизненной ситуации.

Ко второму типу относится эмоционально-ориентированное совладание, которое «преобладает в том случае, когда когнитивная оценка говорит о том, что ничего невозможно поделать». Р. Лазарус и С. Фолкман полагают, что эмоционально-ориентированное совладание может изменить лишь «способ интерпретации случившегося», но не имеют отношения к самой ситуации [цит. по: 2, С. 30]. Как следствие, это приводит к тому, что на первый план выходит проблема личностного приспособления к трудной жизненной ситуации.

На наш взгляд, важную роль в решение этой проблемы играет, в том числе, и автобиографическая память, поскольку согласно определению, предложенному Б. Росс, ее основная задача «заключается в способности субъекта фиксировать события такого рода, которые осознаются как часть его личной истории. Автобиографическое воспоминание представляет собой процесс, порождаемый потребностью субъекта в вере в стабильность «Я» и необходимостью в достаточных для поддержания подобной веры фактах» [цит. по: 9, С. 94].

Приспособлению или адаптации способствует регуляция. Автобиографическая память способна осуществлять саморегуляционную функцию. Так в работе М. Пэсупати описано такой феномен, как использование воспоминаний для регуляции настроения [11]. Важный аспект воспоминаний личности заключается в том, что эмоциональная интенсивность исходных повседневных событий отличается от интенсивности воспоминаний, в момент повествования о нем собеседникам. Еще Аврелий Августин писал: «Когда я, радуясь, вспоминаю свою прошлую печаль, в душе моей живет радость, а в памяти печаль: душа радуется, оттого что в ней радость, память же оттого, что в ней печаль, не опечалена...» [1, с. 46]. Регуляционная функция автобиографической памяти в том и заключается, что при воспоминании мы испытываем другое эмоциональное состояние, нежели чем то, что испытывали в момент совершения того или иного события. М. Пэсупати выявил то, что при пересказе исходных событий происходит уменьшение негативных эмоций; в то же время, позитивные эмоции остаются константными. Можно сказать, что испытываемые припоминают негативные события, таким образом, который позволяет регулировать (снизить) негативные эмоции. Несколько позднее С. Блак найденное явление проинтерпретировала следующим образом: вероятно,

эмоциональная регуляция должна рассматриваться как механизм, обслуживающий такие функции автобиографической памяти как личностная, социальная и директивная. Так, например, рассказывая «о трудной ситуации и не показывая» негативных эмоций, человек может представить слушателю воспоминания в благоприятном ключе (сильный, храбрый). Или другой пример – включение эмоциональной регуляции в социальную функцию автобиографической памяти: женщина может включать в свой автобиографический рассказ больше негативных эмоций (чем мужчина), чтобы вызвать эмпатию у собеседника [10].

Личностное приспособление к трудной жизненной ситуации в качестве составного элемента включает психологическую потребность в положительных воспоминаниях. Преобладание положительных событий в структуре автобиографического опыта позволяет личности оставаться стабильной и нормально функционировать. Например, для пожилых людей автобиографическая память выступает ресурсом, который помогает им компенсировать недостаток положительных эмоций в настоящем, адаптироваться к новым условиям жизни, изменившемуся социальному статусу и ухудшению здоровья, т.е. она становится инструментом, позволяющим решать (хотя бы отчасти) проблему личностного приспособления пожилых людей к старости [7].

В исследовании О.С. Михно отмечается, что юноши и девушки с преобладанием положительных воспоминаний чаще выбирают стратегию «разрешение проблем», которая свидетельствует о сформированной зрелой жизненной позиции и компетентности подростков. Также исследовательница отмечает наличие статистически значимой связи между преобладающими отрицательными воспоминаниями и выбором неэффективной копинг-стратегии [4].

Проведенные нами исследования влияния психологического благополучия на функционирование автобиографической памяти позволили выявить то, что испытуемые, имеющие высокий уровень психологического благополучия воспроизводили больше положительных автобиографических событий (69,7%), чем испытуемые со средним (63,6%) и низким уровнем (53,4 %). Респонденты с высоким уровнем психологического благополучия воспроизводили большее количество событий, относящихся к сферам досуг (18,4 %), межличностные отношения (18,4 %), личностные достижения

(6,8%), профессиональная деятельность (3,1 %), чем испытуемые с низким и средним уровнем. Участники исследования с низким уровнем психологического благополучия, больше воспроизводили событий, относящихся к таким сферам жизни как – материально-экономическая (12,4 %), вредные привычки (4,8 %), смерть (разлука) близкого человека (3,7 %) и правонарушения (3,2 %), чем со средним и высоким уровнем [8].

Одним из способов минимизации последствий трудной жизненной ситуации, на наш взгляд, может выступить терапия положительными воспоминаниями. Рассказ о позитивном опыте, достижениях и победах позволит вернуть уверенность в себе, пробудить скрытые ресурсы.

Таким образом, можно сделать вывод, что автобиографическая память занимает важное место в структуре совладающего интеллекта и играет значительную роль в разрешении трудных жизненных ситуаций.

1. Августин Аврелий. Исповедь // Психология памяти. Хрестоматия по психологии / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. 3-е изд. М.: АСТ: Астрель, 2008. С. 42–51.

2. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. М.: ЮНИТИ, 2000. 551 с.

3. Либина А.В. Совладающий интеллект: человек в сложной жизненной ситуации. М.: Эксмо, 2008. 400 с.

4. Михно О.С. Взаимосвязь гендерных особенностей автобиографической памяти и формирования копинг-стратегий у подростков // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2016. № 62. С. 87–94.

5. Нуркова В.В., Митина О.В., Янченко Е.В. Автобиографическая память: «Сгущения» в субъективной картине прошлого // Психологический журнал. 2005. № 2. С. 22–32.

6. Никишов С.Н., Романов К.М. Влияние содержания стимульного материала на функционирование ассоциативных процессов памяти // Теоретическая и экспериментальная психология. 2010. Т.3. №1. С. 84–88.

7. Никишов С.Н., Осипова И.С. К вопросу о функционировании автобиографической памяти людей пожилого возраста // Российский научный журнал. 2014. № 3 (41). С. 119–124.

8. Никишов С.Н., Осипова И.С., Пронькина Е.Г. К вопросу о влиянии психологического благополучия на функционирование автобиографической памяти студентов // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования. 2016. № 2 (34). С. 104–111.

9. Нуркова В.В., Василевская К.Н. Автобиографическая память в трудной жизненной ситуации // Вопросы психологии. 2003. № 5. С. 93–102.

10. Bluck S. Autobiographical memory: Exploring its functions in everyday life // Memory. 2003. 11 (2). pp. 113-123.

11. Pasupathi M. Emotion regulation during social remembering: Differences between emotions elicited during an event and emotions elicited when talking about it // Memory. 2003. № 11. pp. 151-163.

СОЗДАНИЕ «ПОСТЧЕЛОВЕКА» КАК ПРОВОКАЦИЯ КРИЗИСА ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ

М.П.ПЕРЕПЕЛИЦА

В статье анализируются проблемы связанные с процессом становления «Постчеловека», провоцирующего развитие кризиса личности в контексте трудностей поиска методов преодоления современного антропологического кризиса. Выделяются два ключевых современных философских учения этого направления: трансгуманизм и постгуманизм. Обосновывается необходимость их диалектического противопоставления в целях профилактики умножения личностных кризисов в будущем.

Ключевые слова: кризис личности, гуманизм, трансгуманизм, постгуманизм, постчеловек, космизм.

Наука с самого начала своего возникновения очаровывала и пугала мыслящую часть человечества. От прогресса науки одновременно ждали и счастья освобождения от природы, и разобщенности, обмана, неравенства, корысти [5]. Не случайно, например, призыв Ж.Ж. Руссо «Назад – к природе!» имеет столь противоречивую судьбу. Его все знают, разделяют теоретически и никто не прислушивается к нему на практике. Действительно, процесс запущен, и нет силы, способной его остановить. Наука постоянно дает новые надежды через упование на прорывные открытия физики, химии, физиологии, генетики. Сегодня пришло время за науками о мозге. Обещание ещё до середины XXI века создать искусственный интеллект большинство населения быстрее пугает, чем обнадеживает. Возникает опасение потери личностной составляющей в нашем человеческом сообществе. Не создадут ли успехи в деле создания искусственного интеллекта условия для полного крушения личности?[4]. С другой стороны в условия антропологического кризиса, во-многом порожденного успехами научно технического прогресса, дальнейшее развитие именно науки позволяет обрести уверенность в возможности стабилизации [3]. Так, современное человечество находится в стадии стремительного развития технологий, которые расширяют горизонты улучшения качества жизни человека. Всё больше техники используется рядовыми гражданами в повседневной жизни, всё больше средств для лечения и профилактики болезней, для продления жизни, появляются возможности по созданию бионических частей тела, ничуть не уступающих по свободе движений естественным, а разработки в биоинженерии обещают в скором будущем выращивать и печатать органы для замены повреждённых органов человека. Не углубляясь в подробности перечислений трансформации форм человеческого бытия, отметим, что бурное развитие науки и техники с постепенным внедрением их в жизнь человека ставит перед нами

вопросы: «Измениться ли человек?», «Каким может стать человек?», «Что произойдет с обществом?», «Какова сущность постчеловека?». В процессе поиска ответа на данные вопросы в современной философии возникли два течения гуманизма – трансгуманизм и постгуманизм.

В большинстве материалов по данной проблематике у научного сообщества нет четкого разграничения между двумя этими философскими концепциями. Одни считают постгуманизм логическим продолжением трансгуманизма [11], другие – отдельной ветвью развития гуманизма [16] или полной противоположностью трансгуманизма [10], а идеолог движения «Россия 2045» Д. Ицков вовсе оперирует, на наш взгляд, «размытыми» категориями трансгуманизма [17]. Однако большинство исследователей рассматривают их как близкие течения, полагая, что незначительными различиями их идей и методов можно пренебречь настолько, что применять эти два термина как синонимы [15]. Представляется, что для лучшего понимания сущности постчеловека, которого нам описывают идеологи трансгуманизма, необходимо провести границы между идеями постгуманизма и трансгуманизма как двух диалектически противоположных философских концепций. Таким образом, целью данной статьи является обоснование того, что трансгуманизм как изначальный концептуальный тезис продолжается постгуманизмом в функции антитезиса, что, в конечном счете, будет синтезировано в реальное бытие постчеловека.

Прежде чем определить границы двух понятий, проанализируем основные научные представления о том, что есть постгуманизм и трансгуманизм. Несомненно, их объединяют научно технический прогресс и основанное на нем рационалистическое мировоззрение, как необходимые условия эволюционного перехода человека в качественно иное состояние – «постчеловек» [13]. По вопросу о сущности постчеловека, о целях и методах его формирования представители очень разных направлений современной науки довольно единодушны. Предварительно отметим, что большинство из них размышляют о постчеловеке на основе критики классического гуманизма [15].

Ф.М. Эсфендиари (FM-2030) – мыслитель, заложивший основы трансгуманистического движения в мире [14], ставя перед человечеством цели радикального продления человеческой жизни, ликвидации страданий и болезней, писал: – «Не стоит бояться мечты и надежды. Ведь именно дерзость мечтателей завела нас так далеко – из мрачных первобытных болот, к тому, где мы сейчас – в шаге от покорения галактик, в шаге от бессмертия» [14]. И эмоционально, и

интеллектуально отзываясь на этот призыв, проанализируем последовательно сущность трансгуманизма и постгуманизма.

Основная часть мыслителей трансгуманистического движения при наличии некоторых разногласий в осмыслении сущности человека будущего сходятся, на наш взгляд, в главном – в материальном плане постчеловек перестанет быть биологическим существом, и постепенно полностью перейдет на кремниевую основу [12, 9]. Так Рэй Курцвейл видит в человеке замысел вселенского предназначения, задачей которого является создание «человеческого разума в его небιологической форме» для управления судьбой Вселенной [9, с. 325]. По его же мнению, при достижении технологической сингулярности человек сможет подключить свое сознание напрямую к виртуальному облаку, в котором в дальнейшем и будет находиться часть сознания. Рэй Курцвейл прогнозировал и полный перенос сознания в виртуальное пространство в качестве основы развития постчеловека как бестелесного существа [17]. Аналогичное мнение высказывает Ник Бостром, считающий вполне возможным перенос человеческой души на кремниевые носители или в виртуальное пространство [12]. Особо отметим, что в своих размышлениях Рэй Курцвейл и Ник Бостром исходят из натуралистического понимания природы человеческого сознания, считая, что воссоздав коннектом человеческого мозга, подводя человеческое мышление к математической модели Маркова [9, с. 80], изучив воздействие биохимических реакций на сознание, синхронизированное с внешними воздействиями, можно получить ответ на неразрешенный тысячелетиями вопрос о сущности человеческого сознания. При этом они не берут во внимание сложную систему становления человеческого сознания, в которой значительную роль играет общество. Им сознание человека представляется как некая данность, независящая от социальной среды, а ведь мы обретаем сознание, а позднее и личностные качества только благодаря воздействию иного человека, общества в целом. В их представлении в сознание можно загрузить некий алгоритм с первичными знаниями, посредством которого оно, самообучаясь, впоследствии само сможет формировать свою личность и индивидуальность, черпая информацию из виртуального облака, при этом постчеловек приблизится к абсолютной свободе от природы, от иного человека и от общества. Продолжая рассуждать в этой методологии, мы приходим к выводу о том, что постчеловек, отчуждаясь от природы и в перспективе от другого человека, обрекает на непостижимость самого себя, ибо любое познание себя

является соотнесенным с другим человеком, через призму субъективности которого мы можем познать суть самого себя.

«Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день их должен добывать» – цитируя «Фауста» великого Гёте, Н. Фёдоров полагал, что истинной ценностью человеческого существования является постоянное самосовершенствование и достижение свободы как процесс максимального отчуждения себя от своей природной сущности. Его видение улучшения качества человеческой жизни и тем самым достижения максимальной свободы находит свое продолжение в идеях трансгуманизма, по представлению которых человек, проходя стадии постепенной трансформации биологической природы на кремниевую основу, достигает стадии развития себя как постчеловек. Став существом, возвышающимся над природой, он доходит в своем развитии до апогея отчуждения от неё, ибо единственное, что осталось в нас от природы – собственная биологическая телесность. Постулируя факт отчуждения, будущее возможно усмотреть как «господство техники – конец философии» [1], ибо любая философия начинается с осмысления природы человека как существа созданного самой природой, а с завершением философского познания трудно предсказать, чем грозит отсутствие результатов философского познания. Или же стоит допустить мысль, что вслед за философией, основанной на сознании, свойства которого развиты на биологическом основании (мозге), появится неоплатонизм, основанная на сознании нового типа, детерминированного свойствами кремневого «мозга»? Т.е. будет философия нового порядка? Философия искусственного сознания? Современной философии необходимо учесть саму вероятность такой трансформации философского знания в зависимости от того, на свойствах какой материи основано сознание, ибо по теории супервентности Дэвида Чалмерса сознание может быть детерминировано его физической основой [18]. Однако независимо от возможных свойств детерминированных материей, информационная наполненность кремниевого «мозга» будет напрямую зависеть от людей создающих его, неизбежно оставляющих отпечаток своей самости на сознании кремневого мозга. Поэтому, чтобы максимально снизить вероятность в перспективе агрессивно настроенного искусственного интеллекта по отношению к человеку, необходима трансформация доминирующих в общественном сознании идей утилитаризма в более социально значимые, человеко-ориентированные. В противном случае

повышается шанс на появление у искусственного интеллекта идеи о нецелесообразности существования человека.

Чтобы понять истинную задачу трансгуманизма, абстрагируемся на время размышления от социально-экономических предпосылок реализации всех перспективных планов мыслителей с одной стороны, и мысленно отодвинем ширмы в виде таких гуманистических целей, как радикальное продление жизни, ликвидация страданий и болезней человека – с другой. В результате останется – сохранение сознания идентичного человеческому с увеличением возможностей разума, которому будет не нужна биологическая основа.

Однако нельзя не заметить, что этой своей задачей они, возможно, неосознанно, закладывают непримиримые противоречия зависимости сознания от эмоциональных чувств человека, которые невозможны в случае ликвидации страданий, болезней, гендерных различий и факта конечности жизни.

Ставя во главу учения обретение бессмертия, трансгуманизм вводит своих последователей в заблуждение, вступая в противоречие с онтологической невозможностью существования бессмертия как данного раз и навсегда факта. Любое, будь то живое биологическое или новое кремниевое существо, может только стремиться к обретению бессмертия, но никак не иметь его [6]. Мы ценим жизнь за то, что она конечная, осознавая ограниченность предоставленного времени, человек старается преодолеть свою смертность путем творческих актов. Желая лишиться жизни конечности, научно-технический прогресс автоматически обрекает себя и человека как своего носителя на потерю своего внутреннего мотива к творческому действию ради обретения бессмертия.

Анализируя сущность учения постгуманизма, отметим, что его концепция постчеловека никак не дистанцируется от основных идей трансгуманизма в этой части. Что значительно осложняет их сравнительный анализ. Трансгуманизм, анализируя процесс становления постчеловека, обращается в основном к возможностям научно-технического прогресса, при этом, не учитывая уровень духовного развития человека, уступающего уровню технического развития, что приводит к тому, что «постчеловек» создается усилиями современного человека, духовно не достигшего соответствия уровню развития техники. Полагаем, что это может сказаться на уровне сознательности постчеловека не в лучшую сторону. Поэтому постгуманизм, в процессе развития идей трансгуманизма, преодолевая его недостатки, призван опираться на биологическую сущность человека, стремиться сохранить этот данный природой вид, запуская процесс

становления постчеловека по пути эволюционного развития преимущественно через духовные практики. Сохранить биологическую сущность, значит сохранить страдания, болезни, смерть. В этом контексте в отношении трансгуманизма уместно будет вспомнить известный афоризм Ф. Гегеля: «В абсолютном свете так же невидно, как в абсолютной тьме». Действительно, человек – это существо, живущее в постоянном диалектическом противоречии тьмы и света. Трансгуманизм в своём искреннем желании добра человечеству, ликвидируя страдания, болезни и смерть, одновременно ликвидирует и противоположные им счастье, заботу о себе и жизнь, саму сущность человека, превращая её в подобие высокоинтеллектуальной автоматизированной системы, лишённой каких-либо переживаний, ведь эти свойства являются крайностями одних и тех же идей, существующих априорно [8]. Для сохранения гармонии душевного развития постчеловека, дабы он не превратился в высокоразумную машину, некогда бывшую человеком, постгуманизму необходимо отстаивать сохранение данных противоречий.

В этом контексте рассуждения предлагаем рассматривать трансгуманизм как проект по совершенствованию научной и технологической оснащённости человека всеми необходимыми средствами для жизни с одной стороны, по воспитанию у людей морали и определения вектора саморазвития – с другой. Полагаем, что только после успехов в этом направлении каждый человек сможет встать на путь становления себя как постчеловека. При этом постгуманизм должен отражать идеи новой этики, исходя из многообразия возможных форм существования постчеловека. Фундаментальным условием, основой такого развития должна стать способность жить в гармонии с собой и с внедрённой в телесность техникой, с полным контролем разума человека над этой техникой.

Все эти усилия коллективной мысли современности необходимо совершать для того, чтобы как мы предполагаем, постчеловек не воспринимался и не формировался как некая данность от рождения или окончательный результат. В перспективе мы видим постчеловека как процесс постоянного становления себя, как феномен будущего, остающийся, при этом человеком с личностными качествами из прошлого. Однако процесс этот не может проходить без сознательного управления с целью не допустить под влиянием головокружительных научных достижений потери личностного начала в человеке.

1. Бадью А. Манифест философии. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://royallib.com/book/badyu_alen/manifest_filosofii.html. Дата обращения: 17.11.2016.
2. Беляев Д.А. Постчеловек как тип сверхчеловека техногенной культуры XXI века // Теория и практика общественного развития. 2011. №8. С. 23-24.
3. Гришина Е.С., Царева Н.А. Антропологический кризис эпохи постмодерна. В книге: Materials of the XI International scientific and practical conference «Areas of scientific thought» - 2015/2016. 2015. С. 128-131.
4. Гришина Е.С. Формирование личностных качеств и развитие способности преодолевать кризис // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2015. № 5. С. 41-47.
5. Гришина Е.С., Кожемяченко Н.Р., Царева Н.А. Гуманизация образования как реакция на прагматичность науки // Научное обозрение. 2015. № 5. С. 343-347.
6. Дёмин И.В. Бессмертие как проект: смерть и бессмертие человека в контексте гуманистического и трансгуманистического типов мировоззрения // Онтология проектирования. 2013. №4 (10). С. 7-17.
7. Дыдров А.А. Человек будущего в трансгуманизме: семиотический анализ концепции о неочеловеке // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2014. №2. Т.14. С. 81-84.
8. Котлова Т.Б., Гришина Е.С. Нужна ли будущему инженеру гуманитарная подготовка // Научная мысль. 2016. № 2. С. 95-100.
9. Курцвейл Р. Эволюция разума. Москва: Издательство «Э», 2015. 352 с.
10. Лекториум: лекция «Трансгуманизм как философия современной эпохи: от науки к лженауке и обратно» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.lektorium.tv/lecture/24043>. Дата обращения: 28.01.2017.
11. Локтев С.П. У истоков трансгуманизма // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2015. №2. С. 104-115.
12. Майданская, И.А. Трансгуманизм и деонтология бессмертия Николая Федорова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. №2 (145). С. 18-23.
13. Российское трансгуманистическое общество: Введение в трансгуманизм [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/251/95/>. Дата обращения: 26.01.2017.
14. Российское трансгуманистическое общество: FM-2030 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/251/95/>. Дата обращения: 26.01.2017.
15. Сакирко Е.А. Идеи постгуманизма и трансгуманизма [Электронный ресурс] / Е.А. Сакирко // Режим доступа: <http://sias.ru/publications/magazines/kultura/2012-2/teoriya-hudozhestvennoy-kultury/404.html>. Дата обращение: 25.01.2017.
16. Сергеев В.К. Гуманизация науки: новые философские основания // Вестник Томского государственного университета. 2010. №333. С. 51-54.
17. Хижняк Н. Рэй Курцвейл: Человечество находится на пороге бессмертия. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://hi-news.ru/technology/rej-kurcvejl-chelovechestvo-naходitsya-na-poroge-bessmertiya.html>. Дата обращения: 26.01.2017.
18. Чалмерс Д. Сознательный ум. Москва : Издательство «Книжный дом «ЛИБРОКОМ»», 2015. 512 с.

ТРАНСГРЕССИЯ СУИЦИДАЛЬНОСТИ, ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ИСКУШЕНИЕ СМЕРТЬЮ

Н.Д.УЗЛОВ

В статье предпринята попытка осмыслить проблему детских и подростковых суицидов, инициированных в социальных сетях в Интернете, с привлечением категории трансгрессии. Раскрыта трансгрессивная сущность сетевой суицидальной игры, показан двойственный характер поведения ее участников в реальном и виртуальном пространствах. Раскрыт смысл суицида как продолжения виртуальной игры, как один из способов деструктивной саморепрезентации подростка в мире. В качестве альтернативы предлагается разработка нового класса антисуицидальных игр, обладающих соответствующими качествами и эффектами трансгрессивной направленности.

Ключевые слова: трансгрессия, суицид, смерть, подростки, игра, виртуальная реальность, социальные сети.

Трансгрессия (от лат. *transgressio* – переход, передвижение) – одно из ключевых понятий философии постмодернизма, определяющей трансформацию индивидуального и массового сознания людей, начиная с конца 60-х годов прошлого века. Трансгрессия – это феномен, фиксирующий «переход непроходимой границы между возможным и невозможным», «выход за пределы», «преодоление непреодолимого барьера» [25]. Согласно М. Фуко, трансгрессия – акт эксцесса, излишества, злоупотребления, преодолевающий предел возможного, преступающий через него и открывающий тем самым сексуальность и «смерть Бога» в едином опыте [29]. Будучи обозначенным термином представителями французской философской мысли в середине XX века, трансгрессия стала вполне очерченным и очевидным явлением в XXI столетии. Мы становимся живыми свидетелями того, как социальные субъекты позволяют себе перешагивать через границы, непреложные для многих обычных людей, нарушать общепринятый ход событий, устоявшиеся нормы поведения, морали и т.п. Общество все чаще выходит из-под структурных ограничений. Философы констатируют: «в повседневности прижился постмодернистский феномен трансгрессии» [5].

Выделяют организованные и индивидуальные трансгрессивные практики. К первым относятся праздник, жертвоприношение, пиршество, игра, война. Они предполагают коллективный выход за границы профанного миропорядка, способствует социализации, снимают напряженное чувство вины, позволяют всем членам группы приобщиться к трансгрессивному опыту. К индивидуальным проявлениям трансгрессии относятся эротизм, смех, трансгрессивный язык, убийство. На этом уровне человек может

противопоставлять себя целому обществу. Трансгрессивный подход используется также при объяснении феноменов безумия, власти, анархии и революций [14].

В классическую эпоху трансгрессия имела смысл, связанный с преступлением, нарушением табу, моральных норм и религиозных запретов. Постмодернизм изменил первичный смысл трансгрессии, ликвидировав сакральный ее компонент, освободил ее от идеи линейной детерминированности, внешней причинности, провозгласив вместо него постулат множественности истины, многовариантности, непредсказуемости. Последствия этой трансгрессивной трансформации мы наиболее отчетливо наблюдаем в современной сексуальной культуре, освобожденной от каких-либо условностей, касающихся, в частности, обнаженного, по большей части, женского тела, когда стираются границы между эротикой и порнографией, природной естественностью и откровенным эксгибиционизмом [27]. Другая область касается многообразия сексуальных практик, гендерного многообразия, проявляющегося в легализации однополых браков, смены пола, потенциальной допустимости в некоторых сообществах инцестуозных отношений, педофилии, свингерства и т.п.

Трансгрессия все больше захватывает и другие значимые сферы человеческой жизни, в которых ранее достаточно четко были обозначены какие-либо границы допустимого. Современные исследователи все более склонны говорить о «трансгрессирующем обществе». Традиционные устои религии, семьи, образования, медицины, науки, национальной принадлежности и т.п. пошатнулись. Фундаментальные для общества сферы приобрели трансгрессивный характер, в первую очередь это коснулось процессов глобализации экономики, смены ценностных ориентаций с коллективистских на индивидуальные, виртуализации жизненного пространства [5; 14, 28].

Насилие в различных его формах активно позиционируется кинематографом и СМИ как одна из приемлемых форм поведения людей. Убийство, табуированное в Декалоге (заповедь «не убий») как самый страшный физический акт, все более виртуализируется и многократно тиражируется, становится неким брендом, слова «убийство» и «смерть» наиболее часто произносятся на телевидении и в кино.

В этой связи представляется уместным рассмотрение категории Смерти в постмодернистском дискурсе. Наиболее отчетливо этот подход разработан в

концепции Ж. Батая, для которого смерти отводится место, традиционно занимаемое жизнью. Смерть – сокровенное, влекущее и пугающее: «смерть разверзается в непостижимую, непознаваемую непрерывность, где заключена тайна». Через смерть, разрушение объект переносится в сакральный мир имманентности [3]. Традиционный (профанный) механизм миропорядка исключает смерть из социальной жизни, поскольку она несет в себе угрозу для ее эффективности. С другой стороны, человек устроен так, что, осознавая конечность своего существования, стремится к поискам способов испытания себя в «бытии-к-смерти» (М. Хайдеггер), к противостоянию, вызовам и даже игре со смертью, с собственной обреченностью. Представляется, что именно в рамках трансгрессии становится достижим этот опыт, что практически невозможно с точки зрения социально-допустимых практик для обыкновенного человека, обывателя. Трансгрессия, по утверждениям постмодернистов, есть необходимое условие для самореализации. «Если у человека есть мужество, необходимое для нарушения границ, – писал Ж.Батай, – можно считать, что он состоялся» <...> «Именно нарушая границы, необходимые для его сохранения, индивид утверждает свою сущность» [2]. Примерами этому может служить современная молодежная «адреналиновая культура» с ее экстремальными видами спорта, экстремальными селфи, зацепингом, смертельными играми «Беги или умри» и др.

Виртуальная реальность уже сама по себе есть «выход за предел». Слово «виртуальный» (лат. *virtualis* – возможный) означает объект или состояние, которые реально не существуют, но могут возникнуть при определенных условиях. Говоря о виртуальных пространствах, мы, прежде всего, имеем в виду Интернет, его содержимое и сопряженные с ним гаджеты. В связи с этим следует отметить, что современный пользователь электронных средств информации постоянно вынужден находиться как бы в двух измерениях: в мире физического существования, обыденных вещей, повседневных дел, нередко осложненных трудностями коммуникации, конфликтами с другими людьми, психологическими комплексами и т.п., вынужденный соблюдать моральные границы, конвенциональные нормы и различные табу; и в мире, где все эти ограничения и запреты можно обойти, наслаждаясь анонимной свободой под вымышленным именем (ником), создавая или включаясь в группы единомышленников, получая понимание и поддержку, электронные знаки внимания и поглаживания (лайки), а также обретая власть над другими

пользователями, чего бывает часто невозможно достичь в оф-лайн-режиме взаимодействия.

При этом одной из наиболее распространенных форм включенности в виртуальную реальность является Игра, представленная во всем ее многообразии в бесконечном пространстве Сети. Бурное развитие компьютерных игр привело к игрофикации (геймеризации) – применению подходов, характерных для игр, в неигровых процессах с целью привлечения пользователей и потребителей, повышения их вовлеченности в решение прикладных задач, использование продуктов, услуг посредством электронной коммуникации.

Игра, как уже было сказано выше, имеет трансгрессивную природу. Й. Хейзинга в своей знаменитой книге «Человек играющий» проводит глубокий философский анализ феномена игры. Наряду с формальными характеристиками игры (бесспорность и обязательность правил, установление порядка и т.п.), она создает определенное напряжение, обладает группирующей силой, «поддерживает мировой порядок через представление», является выходом из обыденной жизни и др. Игра разворачивается по ту сторону профанного мира, так как она по сути своей не преследует никаких полезных целей. Игра остается игрой независимо от победы или проигрыша, поскольку «дух игры – это соблазн, это праздник, расточительство и отказ от обыденности» [30]. Она ничего не производит, игра избыточна и бесплодна, а потому она проявляет себя как чистая и бесполезная трата, что подчеркивает ее трансгрессивный характер [14].

Другой видный французский философ Роже Кайуа выделял следующие классы игр: 1) соревновательные игры, в которых успех достигается собственными усилиями (*agon*); 2) игры, связанные с удачей и полаганием на волю случая (*alea*); 3) игры-симуляции, построенные на воображении и имитации, на принятии чужой личности, маски (*mimicry*); 4) головокружительные игры, направленные на получение удовольствия от нарушения стабильности своего состояния (*ilinx*) [13]. Общими свойствами игр, по его мнению, являются добровольность, обособленность, непредсказуемость и непроизводительность. Как указывает С.М. Каштанова, эти же свойства в целом справедливы и для определения трансгрессии [14]. Среди выделенных им видов игр особое место занимают головокружительные игры. «Головокружительная игра – игра в высшей степени трансгрессивная, единственный ее смысл сводится к подчинению разрушительным влечениям, стремлению к гибели. В головокружении притупляется, иногда даже отключается инстинкт

самосохранения, человек впадает в состояние сладостной паники, оторванности от реальности. За подобной практикой следует общее ощущение неустойчивости, потери стабильности, нарушение восприятия, которые в целом на краткий миг отменяют существующую действительность [14, с.140].

Современные исследования показывают, что трансгрессивность в виртуальной социальной коммуникации проявляет себя наиболее отчетливо. Происходит это в связи с наличием в виртуальной коммуникации таких свойств, как 1) онтологическая неполнота (незаконченное, неустойчивое, неравновесное, неравноправное ее положение в бытии); 2) симулятивность (в понимании Ж. Бодрийера как производство симулякров [4], или, выражаясь более современным языком – подмена реальности, рассматриваемой философами как основной социокультурный механизм виртуализации общества [23]); 3) порожденность (виртуальная реальность продуцируется активностью какой-либо другой реальности, внешней по отношению к ней; при этом психологические виртуальные реальности порождаются психикой человека); 4) актуальность (виртуальная реальность существует актуально, только «здесь и теперь», только пока активна порождающая реальность); 5) автономность (в виртуальной реальности свое время, свое пространство и свои законы существования); 6) интерактивность (виртуальная реальность может взаимодействовать со всеми другими реальностями, в том числе и с теми, которые её порождают) [18; 19; 21 и др.].

Очевидно, что трансгрессивность, как основная характеристика игрового поведения, может быть эксплицирована как на общение в Интернете в целом, так и на компьютерные и сетевые игры в частности. Так, любой пользователь может организовать свое общение с незнакомыми ему людьми в любом качестве, в каком диктует его собственная фантазия. Такое общение часто бывает провокационным, служит целям самореализации себя как личности в пространстве виртуальной реальности, иногда по причинам, связанным с невозможностью эффективно репрезентировать себя в офф-лайн. Трансгрессия в Интернет-коммуникации позволяет пользователю выйти за границы собственного Я, виртуализироваться с помощью симуляции, а, вовлекаясь в игру, достигать того самого состояния «головокружения» по Кайуа, когда азарт, опьянение от игры создают иллюзию мнимого бессмертия (физически герой всегда остается жив, игру всегда можно начать заново и т.д.), притупляет ощущение реальности и чувство опасности, подавляет инстинкт самосохранения.

В свете вышесказанного представляет интерес анализ публикаций в СМИ, связанных с темой детских и подростковых суицидов, инициированных так называемыми «группами смерти», получившими толчок к развитию в популярных в молодёжной среде социальных сетях. Напомним, что началом этой истории послужило журналистское расследование, проведенное сотрудниками «Новой газеты» и соответствующая публикация, представленная ее обозревателем Галиной Мурсалиевой 16 мая 2016 года [20]. Статья получила огромный общественный резонанс, дальнейшее погружение в тему, показавшей масштаб данной проблемы, которая ужаснула, прежде всего, родителей возможностью потери собственного ребенка из-за его вовлеченности в суицидальные игры в социальных сетях [22]. 13 февраля 2017 года вице-спикер Госдумы Ирина Яровая на совещании в Думе озвучила цифру: «В России в 2016 году совершили суицид 720 несовершеннолетних» [34]. Спустя месяц, 20 марта 2017 года, на селекторном совещании в МЧС уполномоченный при Президенте по правам ребенка Анна Кузнецова сообщила, что в 2016 году, благодаря «группам смерти» число детских суицидов возросло на 57 %, хотя с 2011 по 2015 год их количество стабильно снижалось на 10 % [32].

Последовали комментарии и рекомендации различных специалистов – психологов, психиатров, социологов, криминологов, политиков, правоохранителей, известных блогеров и др. В настоящее время поисковая система Яндекс на запрос «группы смерти в социальных сетях» дает 79 млн. результатов. Появилась даже страница в Википедии, посвященная этой теме [6]. Нами проанализировано 86 новостных Интернет-публикаций на эту тему за период с августа 2016 по март 2017 года. Общая картина складывается противоречиво: одни авторы говорят о суицидальной опасности как едва ли не национальной катастрофе; ряд экспертов утверждают, что проблема чрезвычайно раздута, и что «синие киты» в социальных сетях – это всего лишь один из немногих аспектов суицидального поведения несовершеннолетних и рассматривают данный феномен как разновидность «городской легенды»; для объяснения привлекаются даже конспирологические теории (заговор против детей со стороны ИГИЛ, украинских террористов, как разновидность гибридной войны, ведущейся враждебными силами против России и т.п.). Однако большая часть аналитиков связывают рост суицидальной активности детей с кризисными явлениями, с которыми сталкивается современное российское общество: отчужденными отношениями между родителями и детьми в семье, школьными

проблемами (ЕГЭ, конфликты с учителями и сверстниками, школьный буллинг и др.). Со стороны последних отчетливо звучит обвинительный тон в адрес родителей, а для преодоления сложившейся ситуации предлагаются исключительно запретительные и репрессивные меры (зачистка суицидального контента в Сети, ужесточение законодательства и т.п.). Многих смутили кажущиеся невозможными для здравомыслящего человека факты, когда в качестве ответных мер на вышеуказанные «профилактические мероприятия» возник повторный всплеск повышенного интереса к данной теме среди подростков в социальных сетях, а число хэштегов с метками #СинийКит, #ТихийДом, #ЯвИгре, указывающих якобы на участие детей в суицидальных флешмобах, возросло в десятки раз [13]; а в одном из описываемых случаев подросток, перед тем, как спрыгнуть с крыши, послал сообщение в сетевое сообщество с вопросом стоит ли это делать, и получил почти стопроцентное подтверждение: прыгай! [33]; оказалось, что в большинстве случаев координаторами таких игр становятся 13-15-летние школьники [1;17].

Больше всего досталось, конечно, Филиппу Будейкину, известному в Сети как Филипп Лис, который получил реальный срок за подстрекательство к самоубийству 15 чел. в социальной сети «ВКонтакте». Психиатрическая экспертиза признала его вменяемым, хотя сам он заявлял, что страдает биполярным расстройством. В мартовском номере в журнала «Интернаука» за 2017 год опубликована статья, в которой выдвинута версия представить Будейкина в качестве серийного убийцы, отнеся его к категории организованного несоциального убийцы с признаками «среднего типа», классифицируемого по преступным мотивам как «миссионер» и «властолюбец» (по американской классификации серийных убийц, используемой в ФБР) [7]. Однако, такого рода «портретная диагностика», составленная исключительно на основе публикаций в сети Интернет, без знакомства с материалами уголовного дела и результатами судебно-психиатрической экспертизы, не выдерживает никакой критики. Как тогда относиться к тем тинейджерам, которые являются координаторами сетевых суицидальных групп (а их, по данным некоторых экспертов, может достигать до 50 %), также считать их маньяками?

Между тем, проблеме влияния Интернет-ресурсов на суицидальное поведение подростков в последние годы начало уделяться пристальное внимание в отечественной научной среде. Среди наиболее серьезных работ можно отметить публикации Н.Ю. Демдоуми, Ю.П. Денисова [8-11], Е.И. Ключко [15],

Е.М. Красновой [16], В.Л. Силаевой [24] и других авторов. Они посвящены, главным образом, анализу контентов, способам подачи информации и методам воздействия на сознание детей с помощью текстовой и аудио-визуальной информации. Полученные результаты подтверждаются социологическими исследованиями. Так, в 2015 году сотрудниками МГППУ рассматриваемая проблема была проанализирована на основе данных фокус-групп с психологами и социальными педагогами общеобразовательных школ, родителями учащихся 10–11-х и 7–8-х классов, анкетного опроса школьников 13–18 лет (выборочная совокупность учащихся составила 3080 подростков). Согласно данным анкетного опроса, 18 % опрошенных учащихся встречали «информацию, содержащую пропаганду суицида» в социальных сетях; при этом установлено, что чаще сталкиваются с подобной информацией девушки и обучающиеся в 8 и 9-х классах, фактически каждый пятый респондент [31].

Представляется интересным рассмотреть проблему детско-подростковых самоубийств с привлечением философской категории трансгрессии. Выдвинутые ниже тезисы не претендуют на глубокую научность, гипотетичны и во многом могут показаться спорными, но они, на наш взгляд, позволяют объяснить некоторые особенности поведения несовершеннолетних, вовлеченных в сетевую суицидальную активность.

Следует, по-видимому, начать с критериев суицида. Их анализ проведен Д.Г. Труновым [26]. К таким критериям автор относит добровольность, самостоятельность, сознательность, намеренность, достаточность, *post hoc* (фактор времени: смерть наступает вскоре после совершения суицидальных действий). Сетевой суицид лишь формально отвечает этим критериям, поскольку о добровольности, самостоятельности, сознательности и намеренности можно говорить лишь с определенной натяжкой, учитывая манипулятивный характер смертельной игры, в которую вовлечен подросток. Остаются только достаточность и *post hoc*, как индикаторы офф-лайновой констатации смерти.

Можно предположить, что сознание подростка, совершающего прыжок с крыши или иное опасное смертельное действие, подвержено трансгрессии, или, говоря более точно – «заражено» трансгрессией. Оно флюктуирует как бы в двух плоскостях: в мире реальности и виртуальном пространстве, но в целом подчинено игре, требующей соблюдения определенных правил. Поэтому, если ты в игре, то следует идти до конца. Такого рода игра представляется иррациональной с точки зрения обыденного ее понимания, но, как отмечает С.М.

Каштанова, само сознание этой иррациональности игры, ее глубинного несоответствия должному поведению делает игру возможной [14]. В этом заключается ее парадокс, объясняющий, в частности, поведение тех подростков, которые одобряют своих сверстников на последний шаг, поскольку их сознание трансgressировано в виртуальную реальность, в той или иной степени вовлеченной в суицидальную игру. Такая «солидарность» не может быть интерпретирована, на наш взгляд, как грубое подстрекательство или проявление исключительного бессердечия и подростковой жестокости, а как некое событие (хэппенинг), происходящее в виртуальном мире («прыгай с крыши, Зай, это весело!»), в терминах трансgressии описываемая как «грандиозный прикол», как повод для смеха, в котором, однако не следует видеть осмеяние или презрение к жертве.

Смех сам по себе также является проявлением трансgressии. Но это не радостный и веселый смех, связанный с переживаниями безмятежности и счастья, а смех, который могут вызывать вещи, восприятие которых сопряжено со смертельной тревогой. Такого рода смех помогает справиться со страхом смерти, который каждый так или иначе испытывает, но обыкновенно старается его подавлять [14]. Так это было в случае с Риной Паленковой, бросившейся под поезд в ноябре 2015 года, предварительно отправившей селфи на фоне проезжающего поезда и выложившей их на страницы в Сети с подписью «ня. пока.». Вскоре в Интернете начали распространяться фотографии и мемы с соответствующим чёрным юмором, использующие слова «Рина» и «Ня. пока» [6].

Совершая акт самоубийства, подросток-суицидент перестает существовать в своем физическом теле, но осуществляет переход в иной мир, который не является в полном смысле «небытием». Он еще длительное время презентуется в виртуальном пространстве, так или иначе заявляя о себе. В Интернете есть публикации, когда молодые люди снимали свою смерть на видео, размещая там уже свое посмертное сообщение. Такие случаи зафиксированы, в частности, во Франции и в Украине. На них следуют комментарии, обсуждения, лайки, иногда появляются сторонники и подражатели. Для совершившего суицид даже смерть – всего лишь продолжение виртуальной игры (ведь после самоубийства он останется в компьютерном мире и станет героем) [11]. Таким способом, пройдя испытание конечностью существования и благодаря трансgressивному переходу, создается иллюзия виртуального бессмертия.

По большому счету нам мало что известно об организаторах суицидальных игр, а еще меньше об их разработчиках. Однако большинство экспертов сходятся во мнении, что координаторами игр являются такие же подростки. Делаются предположения, что имеются определенные психологические особенности у этих детей, испытывающих проблемы в он-лайн общении, для которых организация суицидальных групп в социальных сетях является своеобразной формой гиперкомпенсации, однако в доступной литературе мы не нашли публикаций со ссылками на клинические или психодиагностические исследования. На наш взгляд, их поведение также может быть объяснено с привлечением категории трансгрессии: создавая правила игры, они тем самым обретают власть над своими жертвами, вовсе не собираясь их убивать, достигая в виртуальном пространстве ощущение могущества, нарциссической значимости и собственной грандиозности.

Говоря о потенциальной опасности суицидальных игр в социальных сетях и способах борьбы с ними, следует отметить ряд важных моментов. Суицид как заключительный акт игры осуществляется после выполнения, как правило, 49 последовательных подготовительных заданий. Избежать завершения игры, якобы невозможно, так как организаторы начинают проявлять угрозы убийства родителей или близких, вычисляя IP-адрес и реальное место проживания подростка. Однако, на мой взгляд, именно на этом последнем пункте игра не должна заканчиваться, а начинаться новая игра – в то самое «преследование» и «убийство родителей» (а это уже почти детектив), однако ни одного свидетельства подобной мести зафиксировано не было. Попытки запретить или ограничить игры приводят к известным последствиям, знакомым нам на примерах казино и игорных клубов, которые уходят в подполье. Либо подогревается к ним ажиотаж, свидетелями которого мы являемся, когда Роскомнадзор начал блокировать «группы смерти» в Интернете. Безусловно, ограничительные меры нужны. Необходимо также не обходить стороной обсуждение проблемы смерти в диалоге с подростком. Однако следует учитывать еще один непреложный факт: «Всякая игра кончается тогда, когда она надоедает или когда ее правила перестают соблюдаться» [14]. Научно-технический прогресс остановить невозможно, как и процесс геймеризации в реальном и виртуальном мире, в котором трансгрессия играет колоссальную роль. Отсюда вытекает один очень важный, на наш взгляд, вывод: необходимо разрабатывать новый класс антисуицидальных игр, в которых бы присутствовали

все «адреналиновые эффекты», «головокружение» и явления трансгрессии. Попытки противостоять «синим китам» уже осуществляются энтузиастами (в большинстве случаев теми же подростками) в форме разработки «дельфинных» форумов и сайтов, однако они носят спорадический характер и лишены научной основы. Достигнутый уровень развития компьютерной техники, теории и практики разработки игр позволяет это сделать, чтобы «искушение смертью» в подростковом возрасте не стало общенациональной или даже мировой проблемой.

1. 13-летнюю школьницу подозревают в администрировании «суицидальных групп» в соцсетях [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravmir.ru/13-letnyuyu-shkolnitsu-podozrevayut-v-administrirovanii-suitsidalnyih-grupp-v-sotssetyah/> (дата публикации 25 мая 2016 г.)

2. Батай Ж. Запрет и трансгрессия [Текст] /Ж.Батай [Электронный ресурс]. – URL: <http://vispir.narod.ru/bataj2.htm> (дата обращения 29.01.2017).

3. Батай Ж. Литература и Зло: Сборник эссе. М. : Изд-во МГУ, 1994. 166 с.

4. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула, 2013. 204 с.

5. Громова Е.А. Трансгрессирующее общество: о метаморфозах социального порядка // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7, Философия. 2015. № 3 (29). С. 58-63.

6. Группы смерти [Электронный ресурс].– URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Группы_смерти (дата обращения 11.03.2017)

7. Давыдов А.Б. Исследование новых форм серийных убийств путем доведения до самоубийства с помощью сети Интернет / А.Б. Давыдов, И.С. Гвоздева, А.Л. Южанинова //Интернаука: научный журнал. № 5(9). Часть 1. М.: Изд. «Интернаука», 2017. С.42-45.

8. Демдоуми Н.Ю. «Контент смерти»: проблема пропаганды суицида в русскоязычном интернете [Текст]/ Н.Ю. Демдоуми, Ю.П. Денисов // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 4. [Электронный ресурс]. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=9624> (дата обращения: 23.03.2017).

9. Демдоуми Н.Ю. Проблема распространения «суицидального контента» в социальных сетях русскоязычного Интернета / Н.Ю. Демдоуми, Ю.П. Денисов //Наука и образование XXI века: сб. статей Междунар. научно-практ. конфер. 31 мая 2013 г. В 5 частях. Ч.5. /отв. ред. Р.Г. Юсупов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. С.78-83.

10. Демдоуми Н.Ю. Распространение «суицидального контента» в киберпространстве русскоязычного интернета как проблема мультидисциплинарных исследований/ Н.Ю. Демдоуми, Ю.П. Денисов // Суицидология. 2014. Т.5. № 2. С. 47-55.

11. Денисов Ю.П. Суицидальный контент в глобальной информационной сети: на основе анализа русскоязычного сегмента Интернета // Омский психиатрический журнал. 2014. № 1(1). С.17-22.

12. За последние 5 дней активность суицидальных групп в соцсетях возросла в 100 раз [Электронный ресурс]. URL: https://ivan4.ru/news/society/over_the_last_5_days_of_suicidal_activity_groups_in_social_networks_has_increased_in_100_times/ (дата публикации 14 февраля 2017 г.)

13. Кайуа Р. Игры и люди // Игры и люди; Статьи и эссе по социологии культуры. М.: ОГИ, 2007. 304 с.

14. Каштанова С.М. Трансгрессия как социально-философское понятие: автореферат дис. ...канд. филос. наук. СПб., 2016. 24 с.

15. Ключко, Е.И. Воздействие интернета на суицидальное поведение молодежи // Общество. Среда. Развитие. 2014. № 1. С. 69-72.

16. Краснова, Е.М. Воздействие Интернет-ресурсов на суицидальное поведение подростков // Успехи современной науки. 2016. Т.7. № 11. С.88-90.

17. Куратор «группы смерти» в соцсети пыталась покончить с собой на Кубани [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax.ru/russia/553015> (дата публикации 10 марта 2017 года)
18. Леушкин Р.В. Трансгрессивность виртуальной коммуникации // Социодинамика. 2015. № 11. С.158-167.
19. Маслов В.М. Высокие технологии и феномен постчеловеческого в современном обществе: монография. Нижний Новгород, 2014. 130 с.
20. Мурсалиева Г. Группы смерти. С детьми в социальных сетях работают системно и планомерно, шаг за шагом подталкивая к последней черте. Как родителям распознать надвигающуюся беду/Г. Мурсалиева // Новая газета. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/05/16/68604-gruppy-smerti-18> (дата публикации 16 мая 2016 года).
21. Носов Н. А. Виртуальная психология . М. : Аграф, 2000. 432 с.
22. Самоубийства подростков и таинственные группы смерти во «ВКонтакте» [Электронный ресурс]. – URL: <http://trinixy.ru/129788-detskie-samoubiystva-i-tainstvennyye-gruppy-smerti-vo-vkontakte-31-foto-tekst.html> (дата публикации 17 мая 2016 г.).
23. Силаева В.Л. Подмена реальности как социокультурный механизм виртуализации общества: дис. ... канд. филос. наук. Москва, 2011. 115 с.
24. Силаева В.Л. Суицидальные практики в Интернете // Человек. 2008. № 6. С. 132-137.
25. Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. Сб. статей А. Бретона, Ж. П. Сартра, Г. Марселя, М. Бланшо, Р. Барта и др., а также избр. работы самого Ж.Батая. СПб. : Мифрил, 1994. 346 с.
26. Трунов Д.Г. Определение суицида: поиск критериев //Суицидология. 2016. Том 7. № 1 (22). С.64-67.
27. Узлов Н.Д. Трансгрессия сексуальности: экзгибиционирующие женщины в Сети и психологическая кастрация мужчин // Отклоняющееся поведение человека в современном мире: проблемы и решения: матер. Междунар. заочной научно-практ. конфер., г. Владимир, 12 мая 2010 г. – Владимир: Изд. Владимирского госуниверситета, 2010. С.98-106.
28. Фаритов, В.Т. Трансгрессия и трансценденция как онтологические перспективы дискурса: дис. ...докт. филос. наук. Ульяновск, 2016. 318 с.
29. Фуко М. О трансгрессии [// Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб., 1994. С. 116-117.
30. Хейзинга Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры. М.: Прогресс - Традиция, 1997. 416 с.
31. Хуснутдинова М. Р. Основные причины суицида среди российских подростков //Дети и общество: традиции и современность: Материалы Всероссийской заочной научной конференции (г. Элиста, 1 июня 2016 г.). Электронное издание. – Элиста: КИГИ РАН, 2016. С.206-216.
32. Число детских суицидов в России в 2016 году выросло почти на 60% [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.e-news.ru/in-russia/163579-chislo-detskih-suicidov-v-rossii-v-2016-godu-vyroslo-pochti-na-60.html> (дата публикации (дата публикации 20 марта 2017 г.)
33. Школьник в Челябинской области перед самоубийством спросил друзей, прыгать или нет [Электронный ресурс]. – URL: <http://megatyumen.ru/society/post/191930/> (дата публикации 19 марта 2017 г.)
34. Яровая назвала число совершивших суицид в 2016 году детей [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/58a18e939a794724ef11f3f1> (дата публикации 13 февраля 2017 г.).

ДИАЛЕКТИКА ЦЕЛИ И МЕЧТЫ КАК МЕТОД ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КРИЗИСА ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ ЛИЧНОСТИ

О.П.УТРОБИНА

В статье разводятся понятия «мечта», «цель». Рассматривается человек как проект самого себя, который он разворачивает через мечту и через целеполагание. Обозначено творческое значение мечты и стратегическое значение цели в жизни субъекта. Показано, что диалектическое взаимодействие мечты и целеполагания оказывает фундаментальное влияние на результат жизненного выбора.

Ключевые слова: мечта, цель, желание, стремление, кризисная ситуация, саморазвитие.

В условиях перманентно разворачивающегося кризиса общественного развития в целом и реформирования образования в частности значительно осложняется процесс реализации личности. Субъект оказывается в сложном состоянии, оставаясь без гарантированной опоры в лице общества, государства, учебного заведения, что, в свою очередь, актуализирует процессы самоанализа и саморазвития. Способность удерживать согласие между дерзновением мечты и реалистичностью цели даётся современному российскому человеку особенно тяжело. Уже в контексте педагогического анализа исследователи видят причины этой проблемы в несовпадении целей участников образовательного процесса, различного понимания того, что такое «образованность» [4], в разрушении системы межличностного общения [1], в студенческой неуверенности в своём профессиональном выборе, а значит – и в своем будущем [2, 5], в фрагментарности воспитательной работы [3] и пр. Результатом этих процессов становится формирование человека, лишённого видения перспектив. Чтобы разобраться в причинах и методах преодоления конфликта мечты и целеполагания, оказывающего непосредственное влияние на деформацию жизненных стратегий субъекта, утрату перспективного видения, результатом чего является появление человека в личностной кризисной ситуации, проанализируем сущность понятий «мечта» и «цель» через их внутреннюю и внешнюю диалектику.

Используя отношение Витгинштейна к мыслящему человеку как создателю своей системы, отметим, что человек разворачивает возможное будущее из того, чем он является на данное время, как он уже состоялся. При этом он опирается на ощущения неполноты бытия, чувствует потребность наполнения пустоты, создавая идеализацию, способную осуществиться при появлении возможностей. Формирование и осуществление мечты и цели

происходит через деятельность, реализуемую либо самим субъектом, либо социумом. Важно, что цель «требует» поиска средств, в то время, как мечта не останавливает отсутствие средства, и она может быть совершенно оторвана от действительности. Достижимость Мечты маловероятна, поэтому она располагается над возможностью. В контексте возможности интересной представляется китайская пиктограмма слова «кризис», которая отражает идею кризиса именно в плоскости «возможности». Пиктограмма состоит из двух радикалов: один изображает «возможность», другой – «опасность». Уже онтологически «возможность» включает в себя опасность реализации/недостижимости. То есть и «мечта» и «цель» уже в первичных смыслах включены в смысловое поле «кризиса».

Цель, обладая потенцией к реализации возможностей, являясь осуществляемой необходимостью, побуждает к своей реализации. Мечта удалена от действительности, что позволяет человеку быть свободным в процессе целеполагания. Идеал выражает стремление человека к совершенству и совершенному, но так как совершенствование бесконечно, кажется, что идеал недостижим. Тем не менее, человек, стремится к идеалу и опирается на идеал. Мечта может быть определена как прообраз цели, дополняющий действительность через мысль о будущем, побуждающий выстраивать планы, программы, задачи, стратегии и пр... План – это конкретизация цели с точным пониманием этапов достижения. Программа – это цель-средство. Она включает в себя общие алгоритмы деятельности, но не детализирует средства.

Формирование деятельности выглядит как матрица, что позволяет включать мечту в сферу синергетики и информационных систем. Действительно, человек в этой связи – это генератор идей самого себя и своего проживания себя. Человек – проект самого себя, который он разворачивает через мечту и через целеполагание, ведь от того, какой выбор себя будущего человек делает сейчас, зависит его образ себя-иного завтра, и этот иной «Я», который случится завтра, он тоже может продолжать строить уже новое будущее, для себя-нового, себя-иного. Ф.А. Хайек ссылается на слова Ж.Пиаже о том, что для ребёнка везде присутствуют цели, «и лишь затем сознание замечает разницу между целями самих вещей (анимизм) и целями тех, кто их создаёт (артифициализм) [8, С. 186]. Мечты, как и цели,

также могут быть вызваны извне, но, как правило, они являются следствием уникальной творческой деятельности субъекта.

Итак, обозначим объёмы понятий. Наиболее точна среди прочих словарных статей Энциклопедия эпистемологии и философии науки, где «мечта» определена как созданный воображением образ чего-либо ценностно-важного и желанного, однако в данный момент недоступного. В психологии мечта часто толкуется как разновидность воображения, обращенная к сфере желаемого отдаленного будущего. (заметим, что здесь опять присутствует оттенок значения цели). А цель – конечный результат деятельности человека (или коллектива людей), предварительное идеальное представление о котором (совместно с желанием ее достигнуть) предопределяет выбор соответствующих средств и системы специфических действий по его достижению.

Разведение понятий «мечта» и «цель» через критерий конечного результата, на наш взгляд, не является корректным в силу того, что не все цели, в итоге, достигаются. Отметим в качестве характерных отличий между понятиями, следующее. Специфика мечты возникает на пересечении таких понятий, как воображение, фантазия, желание и ценность, смысл, счастье, т.е. с понятиями, напрямую связанными с человеком. Использование же позиции «цель» возможно за пределами собственно человеческой деятельности, например, в мире живых организмов, а тем более природных объектов и процессов в целом. Но следует отметить, что цель человека отличается от целей других организмов: целью человека всегда является идеальный образ, к которому его движет вера в достижение цели, но эта вера опирается на положительный опыт человеческой деятельности, который субъект транслирует на новые виды деятельности, используя наиболее продуктивные механизмы взаимодействия. От категории «цели» мечту отличает индифферентность по отношению к вопросам прагматической реалистичности: объектом мечты может быть, в принципе, недоступный предмет желания, недостижимость которого осознается мечтающим и который, в силу этого, не является ориентиром человеческой деятельности. При этом, если такие понятия, как «желание» или «потребность», лежащие в основе целеполагания, опираются исключительно на телесный опыт, то мечту дополняет, во-первых, обязательное участие воображения в создании

образа желаемого и, во-вторых, высокий ценностный статус желаемого, близкий к понятию идеала.

Недостижимость мечты находится в тесной связи с высокой ценностью предмета мечтания, важно, что мечта возникает без оглядки на реальность и потому несет в себе заветные и смелые человеческие желания. Опираясь на это положение, выведу следующую позицию: мечта – идеальный образ личностного Я; цель – идеальный образ общественного Я. Цели строятся в системе (сетке) практической рациональности, которая детерминирована реальностью, субъектно-преобразуемой в ходе восприятия и поэтому целеполагание это не только планирование будущего, но и конструирование настоящего. Сознание человека нацелено на творчество, в том числе и на творчество возможностей. Эксперименты показали, что в процессе мечтания человек интенсивно задействует те же области коры головного мозга, что и для сложной творческой деятельности. Таким образом, мечта – процесс творения образа бытия.

Люди выстраивают настоящее так, чтобы будущее, в котором они заинтересованы, и планы которого они строят, случилось. Для того чтобы представления человека о возможном будущем не были ложными, человек использует личностные конструкты – идеи или мысли. Эти идеи и мысли могут в осознании ими субъекта восприниматься как личные, но зачастую это оформленные в индивидуальную оболочку комплексные установки сообщества. Таким образом, при целеполагании человек всегда опирается на специфику им воспринимаемой реальности. Мечта может быть уникальной индивидуальной конструкцией, абсолютно оторванной от объективных закономерностей. Именно через мечты человек проявляет высокую степень своей свободы самотворчества. Формулируя предсказания, используя установленные конструкты, человек регулирует свои взаимоотношения с миром, имеющим адекватные человеку законы существования. А что формирует наши фантазийные мечты – устремления? Насколько этот запрос опирается на опыт настоящего и прошедшего.

Если в постановке целей лидирующую роль играют наше сознание и рациональное мышление, то мечта, это духовное устремление личности. При формировании мечты, мы «думаем и планируем» через воображение, чувства, интуицию – всё то, что встроено в систему иррационального, творческого. Не случайно Омельченко сопоставляет мечту с верой [6, С. 5-8].

При преобладании рационального мышления цели и мечты субъекта могут совпадать, так как образ будущего в мечте будет соразмерен привычной реальности. Мечта не требует временной и пространственной точки. Эльчин Сафарли выразил это так: «У мечты нет срока годности». Образ несуществующей реальности может так и не получить возможность реализации [9, С. 43]. Мечта вневременна, так как выражает интенцию субъекта к счастью, при этом она не всегда является жизненной стратегией. Но есть и единство мечты и цели, оно достигается только при наличии возможностей создания реальных условий осуществления мечты субъекта. Яркий пример единства мечты и цели и их успешной реализации жизнедеятельность К. Циолковского. И здесь вопрос соотношения мечты и цели можно развернуть во внешнюю плоскость: насколько возможно моделирование субъектно-адаптированной или ориентированной на субъекта-творца реальности, то есть, в какой степени сообщество готово ответить на запрос субъекта-мечтающего и при этом осмысленно мечтающего. Не случайны в свете этого социальные утопии, которые предлагают некоторые механизмы создания счастливого сообщества, при этом степень возможности осуществления этих сообществ, при данных составляющих организации социума, близка к нулю.

Есть ли какие-либо тематические закономерности в формировании мечты? При анализе созданных субъектом образов несложно установить, что часть из респондентов выстраивают свои мечты, ориентируясь на Эго, т.е. направляя их на себя, в значении для себя; другая часть (вне зависимости от возраста) формирует мир мечты вне себя, т.е. для других.

Как же влияет соотношение мечты и цели на выбор жизненных стратегий человека?

Мы решили обратиться к опыту человека и провели опрос среди 150 респондентов. Оказалось, что 12 % считают, что мечта не нужна человеку. 53% определяют мечту как необходимость, 27% считают, что мечты надо переводить в цели, и 20 % считают, что мечту надо ограничивать. Это не совпадает с утверждением Стерледевой Т. Д., что человек не может жить без мечты [7]. Вероятно, из множества совокупностей индивидуальных свойств, с которыми рождаются люди, возможны и такие, которые вполне совместимы с социально-политической реальностью. Люди воспринимают осуществляемые ими действия и события, в которые они включены, как

естественные, т.е. как личные и достаточные. Не исключено также и отсутствие в некоторых людях способности к мечте, так же как и к творчеству (см. выше). Потенциально близкими к переживанию кризисных жизненных ситуаций становится именно эта категория.

Разведя понятия и установив творческое значение мечты и стратегическое значение цели в жизни человека, обозначим возможные соотношения мечты и цели, которые в ходе опроса определили следующие личностные стратегии: нет мечты, но есть цели; нет цели, но есть мечты; нет ни мечты, ни цели; есть и цели и мечты и они разнятся; есть и цели и мечты и они совпадают. Точки экстремума: человек только мечтает, человек ни о чём не мечтает, человек не имеет никаких целей. Идеальная комбинация – совпадение мечты в самом высоком её смысле, цели и условий достижения.

Исследования показали, что большинство людей различают мечты и цели. Чаще отсутствие мечты и цели встречается у мужчин и юношей. У мужчин больший процент в стратегии совпадения мечты и цели, что свидетельствует либо об умении выстраивать жизненные стратегии, либо о том, что социум не ориентирован на мечтания женщин. Причём у мужчин со взрослением наблюдается динамика процента совпадения мечты и цели, а у женщин соотношение не изменяется. Юные девушки обладают большей мечтательностью, чем юноши, но к зрелому возрасту рационализируют свои мечты и цели, так как современные технологии убеждения, традиционные ценности в виде общепринятых норм влияют на мечты человека, который перестаёт понимать потребности своего тела и принимает чуждые ему мечты за свои. Так данные письменного опроса выпускников школ и студентов показывают, что мечты, как правило, социо-культурно обусловлены: выпускники мечтают сдать экзамен, студенты-юноши мечтают купить машину, таким образом, мечта перестаёт быть уникальной характеристикой человека, поэтому некорректно полагать, что человека нельзя заставить мечтать. Представляется более точной следующая формулировка: человека нельзя заставить не мечтать. Так, например, утопия как мечта о противоположной современному строю социально-политической организации отражает суть этой человеческой особенности. Конечно, она формируется на основе признанных идеалов, но противостоит существующей системе, предлагая Другому иное понимание образа будущего. Но, надо отметить, в мечтах опрошенных студентов не отражены

новые социальные идеалы. Ни один из респондентов не обозначил в качестве своей мечты создание идеального государства. Впрочем, и интернет-опрос, который предполагал общение с людьми разных направлений деятельности и разного возраста, не выявил такой группы людей. Но утопии как поиск идеализированного места субъектом всё-таки нашли место в ответах студентов: мечта о выезде за границу, которая является следствием веры в то, что в ином месте все сложности будут решены. В том случае, если в ходе реализации подобного проекта будущего человек обнаружит отсутствие идеальных условий, ему придётся либо искать новую «нигдею», соответствующую его потребностям, либо поменять потребности, что изменит образ мечты.

На основании способности верить, очень небольшая часть респондентов обозначила в качестве мечты достижение совершенства. То есть нацеленность на некий недостижимый идеал в современном обществе минимальна. При этом, представляется интересным, что целеполагание, при такой высокой мечте, является адекватным к условиям, в которых находится человек.

Таким образом, конфликт мечты и целеполагания ведёт к деформации жизненной стратегии субъекта, к кризису развития.

Учитывая выше обозначенные характеристики мечты и целеполагания, в целях предупреждения ситуации экзистенциального кризиса предлагается: широкое внедрение в образовательной среде методов развития творческой активности, технологий пересмотра жизненных стратегий, продуктивного общения; методов определения путей реализации стратегических планов, развития личной ответственности в формировании и понимании своей социальной роли. В контексте обозначенных жизненных стратегий важной предоставляется разработка методик, позволяющей на первоначальных стадиях корректировать соотношение мечты и целеполагания субъекта, приводя эти стратегические основы в состояние оптимального баланса: совпадение мечты (в высоком её смысле), цели и условий достижения, который как показали исследования в современном обществе возможен и является стратегией, способствующей достижению человеком счастья.

1. Гришина Е.С. Зависимость от компьютерной игры: кризис или момент развития личности? // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности: сб. науч. тр. Владивосток: мор. гос. ун-т, 2016. С. 27-33.

2. Гришина Е.С., Царева Н.А. Проблема трудоустройства выпускников вузов в приморье // Личность, творчество, образование в социокультурном пространстве Дальнего

Востока России материалы заочной Всероссийской научно-практической конференции. ФГБОУ ВПО «Хабаровский государственный институт искусств и культуры». 2014. С. 103-109.

3. Котлова Т.Б. «Воспитание и обучение - две грани образования...» // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т. 2. № 4. С. 331-333.

4. Котлова Т.Б., Гришина Е.С. Исторические метаморфозы формулы «человек образованный» // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 3. № 3. С. 209-214.

5. Котлова Т.Б., Гришина Е.С. Нужна ли будущему инженеру гуманитарная подготовка? // Научная мысль. 2016. № 2. С. 95-100.

6. Омельченко Н. В. О значении мечты // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер.7, Философия. Социология и социальные технологии. 2006. N 5. С. 5-8

7. Стерледева Т.Д. Мечта как атрибут человека //Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (9). Ч. III. С. 155-158.

8. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность: Ошибки социализма. М.: Новости, 1992. 302 с.

9. Эльчин Сафарли. Я вернусь. Издательство АСТ, Астрель. 2012. 91 с.

ВИРТУАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК В КУЛЬТУРЕ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Н.А.ЦАРЕВА

Рассмотрен феномен виртуальности как искусственности реального мира. Человек постиндустриального мира меняет статус «человека культуры» на состояние «человека в культуре». В современном постиндустриальном обществе, массовая культура формирует материально-гедонистические ценности. Виртуальный человек сосредоточен на вещах, создающих комфортное благополучие его повседневного существования. В обществе потребления виртуальные ценности не позволяют человеку выделить себя среди других, занять критическую позицию по отношению к обществу и к самому себе. Состояние экзистенциального кризиса личности вызвано гонкой за удовольствиями, которая ведет к внутренней опустошенности.

Ключевые слова: виртуальность, материально-гедонистические ценности, кризис личности, «человек в культуре».

Процессы глобализации втягивают Россию в круг основных проблем постиндустриального общества. Очевидным следствием глобализации является антропологический кризис. В постсоветский период обвала ценностей русский человек, в силу своей исторической близости к европейской культуре, интенсивно стал ориентироваться на западную систему ценностей. И в настоящий период в российском обществе продолжается процесс трансформации коллективно ориентированной личности к индивидуализму, стремящемуся к личному успеху.

В современной философии анализ влияния культуры постиндустриального общества на кризис личности связан с понятием виртуальная реальность. Современные философы Ж. Бодрийяр, Ж., Деррида, Ж. Делез и др. [1, 2, 3, 4] определяют феномен искусственности реального мира как виртуальность, гиперсимуляция, гиперреальность. Концепт виртуальности, выражает специфическое кризисное состояние современной эпохи, культуры и личности, в которой виртуальная реальность уравнивается в правах с объективностью.

Само слово «virtualis» появляется в XVI веке в математике и физике и означает временное состояние, эксперимент, означающий чистую возможность, потенцию. В настоящее время, понятие «виртуальная реальность» – это социально значимый феномен информационного общества, охватывающий все сферы жизни человека. В современной философской литературе подход, основанный на признании множественности миров и осуществляющий в таком контексте реконструкцию природы, получает наименование «виртуалистика» (Н.А. Носов, С.С. Хоружий и др.).

Выделяются различные типы виртуальной реальности: психологическая, компьютерная, социальная, художественная, этическая, гносеологическая и т.д.

Современный период называют эпохой «технологий виртуальной реальности». Трансформации, произошедшие в современном постиндустриальном обществе, вызваны, прежде всего, распространением информационных технологий и усилением роли средств массовой информации. Техника становится основным принципом нового поколения смыслов. Новые технологии, по словам Ж.-Ф. Лиотара, «трансформируют то, что называется культурой, в индустрию» [5, С. 108]. Тенденцией современной культуры становится постепенное замещение реальности виртуальным миром. Развитие современной массовой культуры представляет процесс умножения мертвой опустошенной формы, образов, не подкрепленных реальностью - симулякров. Виртуализация современной культуры ведет к утрате жизненных ориентиров. Информационно-коммуникативное поле, реклама, массовая культура представляют собой сферу симулякров и кода, где определяются общие процессы развития общества. Знаки кода не допускают никакой интерпретации, они создают программу, в которой человек является всего лишь детерминированным элементом.

Эмпирическая сторона жизни человека подвергается систематическому искусственному воздействию знаком, письмом, благодаря которому в сознании постепенно формируются нормы и стереотипы, согласно которым воспринимаемая реальность уже модифицирована. Иначе говоря, реальность виртуализируется в сознании человека, он видит мир не таким, какой он есть, а сконструированным и представленным ему. И процесс познания человека есть не что иное, как процесс виртуализации реальности, поскольку включает новую информацию в уже существующие схемы. Человек начинает жить в искусственно созданном мире, искренне принимая его за природный, естественный. С точки зрения субъектно-объектных отношений, «Человек культуры», активный, самодостаточный, творец себя и мира, постепенно, незаметно для себя превращается в «человека в культуре», пассивного, инертного исполнителя.

Манипулирование знаками (словами, вещами, поступками) используется социальными инстанциями для господства над сознанием

человека. По мнению многих философов XX столетия, симулятивное пространство культуры создается властными структурами, чтобы навязывать индивидам определенные модели поведения, формировать посредственность. По словам Х. Ортега-и-Гассета, посредственный человек – это «всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, а ощущает таким же, «как и все», и не только не удручен, но доволен собственной неотличимостью» [7, С. 310]. Г. Маркузе называет человека, имеющего стандартные потребности, «одномерным». Можно сказать, что система симулякров создает «... модель одномерного мышления и поведения, в которой идеи, побуждения и цели, трансцендирующие по своему содержанию, утвердившийся универсум дискурса или поступка, либо отторгаются, либо приводятся в соответствие с терминами этого универсума...» [6, с. 16].

В постиндустриальном обществе наиболее востребованной становится массовая культура, которая создает новую индустрию гедонистического досуга. Современный представитель массового общества стремится не к труду, а к желанному досугу. Достижение жизненного успеха и материального благополучия личности подразумевает получение наслаждения от жизни. Но смысл жизни личности, ориентированной на принцип удовольствия «бери от жизни все, что можешь» подвержен инфляции: постоянное увеличение гедонистических ценностей обесценивает их. Анализируя этот процесс, Ж. Бодрийяр характеризует современное состояние общества как «состояние после оргии» [1, С. 7]. Настоящий период оценивается философом как общий кризис общества. Взлет материального и рационального во всех сферах жизни, сопровождавшийся политическим, экономическим, культурным и сексуальным освобождением прошел свой высший пик. Теперь, когда все цели освобождения достигнуты, в каком направлении двигаться человечеству? Когда нет центра, который определяет систему ценностей и траекторию дальнейшего развития, наступает фрактальная стадия, характеризующаяся отсутствием самого закона ценности. «Ценность распространяется во всех направлениях, без какой-либо логики, присутствуя в каждой скважине и щели» [1, С. 10]. Виртуальный мир заменяет реальность.

Обмен личностью самой себя на симулякры смысложизненных целей приводит к кризису самоидентичности, подмена индивидуальности – к

духовной смерти. Рождается виртуальный человек, ориентированный на ценности, создаваемые симулякрами общества потребления. Жизненной стратегией виртуального человека становится достижение материального благополучия. Формами выражения материального благополучия для виртуального человека выступают не только вещи, предметы, но и досуг.

Тенденции глобализации обусловили коммерциализацию досуга, и в обществе постмодерна создана новая отрасль экономики - индустрия досуга. Досуговые программы, внешне привлекательные, технически оснащенные, представляют одну из форм выражения гедонистических благ. Имущественный признак становится критерием ценности объектов досуговой программы. Престижность дорогого круиза, шоу и т.д. указывает на социальный статус человека. Участие в дорогостоящей досуговой программе убеждает человека в его свободе, достоинстве. Материальный успех, полученные средства тратятся не на самосовершенствование, а на увеличение объема и повышения качества удовольствий. При этом человек убежден, что в процессе достижения целей он опирается на традиционные ценности. Но при достижении сиюминутных меркантильных целей общечеловеческие ценности становятся для него симулякрами. Человеку кажется, что он свободен в своем выборе, но его свобода ограничена стандартами общества потребления. Так человек теряет не только подлинную свободу, но и тождественность самому себе, способность осуществлять рефлексию своего Я. Он становится «человеком в культуре». Лишенный своего «Я», подчиненный нормам и ценностям общества симулякров, индивид становится виртуальным человеком, одним из многих. Общество потребления обесценивая традиционные ценности, оставляет только иллюзию их присутствия.

Кризис личности в постиндустриальном обществе имеет следующие важные аспекты. Прежде всего, виртуальный человек выбирает материальные вещи, предметы в качестве наиболее достоверного доказательства собственного существования. Цель и задачи существования заключаются в стремлении потреблять и получать. Формы проявления массовой культуры от вещей до индустрии досуга приобретают антиличностный, антисоциальный эффект. И материальные ценности, и искусство не формирует возвышенные образы, к которым должен стремиться индивид, все ограничивается созданием стандартного банального образа,

лишенного высших гуманистических ценностей. Формы не создаются, но лишь варьируются. Стереотипные повторения переживаются человеком в самом себе и вокруг себя, и создают только небольшие различия и варианты остающихся нетронутыми повторений, т.е. подобия или полную равноценность.

Искажается общечеловеческая ценность свободы как способности быть самостоятельной причиной самого себя и собственных поступков. Да, человек достигает поставленных целей, но сиюминутных, проходящих. Вещи, предметы, досуг, удовлетворяя невзыскательные запросы массового потребителя, служат средством психологической релаксации человека, перегруженного сложным ритмом социальных процессов. Но потребности материальных благ возрастают по мере их достижения. Гедонистические потребности растут и определяют деятельность человека, который оказывается в ситуации постоянного бега к материальному процветанию. В обществе доминирует выбор «Иметь», а не «Быть». Материально-гедонистические ценности переносят человека в виртуальное измерение: свобода, любовь, достоинство и другие значимые атрибуты субъекта становятся симулякрами.

Кризис личности заключается в отсутствии осознания того, кто и что эту свободу ограничивает. Отсюда невозможность реализовать истинную свободу. Человеку общества потребления сложно выделить себя среди других, занять критическую позицию по отношению к природному миру, к обществу и к самому себе. Массовое сознание общества потребления становится репрессивным по отношению к личности, очерчивая для нее внутреннее и внешнее пространство, контролируемое властью принуждения. Личность становится зависимой, если ее сущность сводится только к практическим актам, которые она осуществляет, и символическим формам, которыми она пользуется.

Явления окружающего мира, события, люди, судьбы утрачивают реальность и не затрагивают виртуального человека, сосредоточенного на вещах, создающих комфортное благополучие его повседневного существования. Его мало интересует геополитическая ситуация, но для него трагедией становится низкая оценка его фотографий в соцсетях или потеря гаджета. Так, современная личность, сосредоточенная на потребительских

ценностях, утрачивает свою целостность, гонка за удовольствиями ведет к внутренней опустошенности, к «экзистенциальному вакууму»

Для того, чтобы человек оставался «человеком культуры», важно не просто удовлетворять витальные потребности, ориентируясь на биологические элементы своей природы. Главное для человека способность мыслить от первого лица, находиться в постоянном процессе самоопределения, в реализации себя как «человека культуры». Одним из основных свойств личности является стремление развиваться и самосовершенствоваться. Если личность не использует потенциальные возможности своего саморазвития, то она в современной динамично меняющейся реальности не сможет адекватно реагировать на ситуации, требующие для решения личных проблем изменения отношения к себе и миру. Это состояние экзистенциального кризиса личности, которое требует выхода из зоны комфорта, перехода к иным жизненным ценностям, иного отношения к бытию.

В русской культуре стремление к личному удовольствию было несовместимо с принципом соборности, утверждающей идею невозможности человека быть счастливым в одиночестве. В представлении о личном счастье всегда доминировал не материальный, но нравственно-моральный аспект. Антропологическая модель субъекта в русской культуре представляет собой не «человека в культуре», но «человека культуры», творческого, активного, реализующего свой личностный потенциал, изменяющего и направляющего внешнюю действительность. Геополитическая ситуация последних лет в России (подъем патриотизма, стремления к знаниям, укрепление семьи и др.) показывает, что большинство россиян зрелого возраста в ценностной основе своего бытия четко разделяют преходящие и фундаментально нравственно ценности, т.е. живут настоящей, а не виртуальной жизнью.

Но, к сожалению, этот процесс не касается нового поколения. Поколения Z называют «цифровым поколением», поскольку сознание и мировоззрение молодых людей, родившихся в конце 90-х XX - начале XXI в. формируется в период компьютеризации и информатизации общества [8]. Интернет широко входит в жизненное пространство человека. У поколения Z стирается граница между реальным и виртуальным миром. Социальная жизнь молодежи протекает в интернете: в социальных сетях они общаются, через интернет-технологии делают покупки, учатся, работают, имеют друзей.

Социализация молодежи проходит в искусственном мире, в онлайн режиме. Поколение «лайков» обходится без живого общения. В кафе, на природе, на свидании спутники общаются не друг с другом, а со своими телефонами. В школах на переменах нет беготни и шума – все смотрят на экраны своих мобильных. Жизнь превращается в компьютерную игру, и ценности нового поколения имеют виртуальный характер. Ситуация сложна тем, что мир симулякров воспринимается как реальный, а ценности поколения родителей, не только подлинные традиционные нравственно-моральные ценности, но и материально-прагматические, далеки и не интересны. Поколению, выросшему с гаджетами, не интересны литература, искусство, наука, физический труд, профессиональный рост и личностное развитие. И багаж знаний не нужен, поскольку есть Сеть, которая содержит необходимую информацию.

Философы, определившие тенденцию движения человечества к виртуальному существованию, возможно, и не предвидели высокую динамику этого процесса. Но для нового поколения виртуальный мир уже стал реальностью. Что с этим делать? Как выйти из виртуального мира? Кто и как скажет об истинных ценностях? Или ничего нельзя, или не нужно делать и следует воспринимать новое поколение как поколение людей нового цивилизационного этапа развития? В любом случае осмысление проблемы виртуализации человека есть начало возвращения к духовным усилиям и измерениям человеческого бытия в пространстве постиндустриальной культуры.

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М. : Добросвет, 2000. 253 с.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. Философия эпохи постмодерна: сб. переводов и рефератов. Минск: Красико, 1996. С. 54- 79.
3. Делез Ж. Марсель Пруст и знаки. СПб. : Алетейя, 1999. 186 с.
4. Козловски П. Культура постмодерна М.: Республика, 1997. 237 с.
5. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. 159 с.
6. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994. 186 с.
7. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Эстетика. Философия культуры. М., 1991. С. 310–311.
8. Фомкина Е. Поколение Z и его место в истории // Образование. Наука. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://fb.ru/article/210221/pokolenie-z-i-ego-mesto-v-istorii-teoriya-pokoleniy-pokoleniya-x-u-i-z>. Дата обращения 02.03.2017.

Раздел II

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ И КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЯХ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ИССЛЕДОВАНИЕ УРОВНЯ РАДИКАЛЬНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ, ИМЕЮЩИХ РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЗГЛЯДЫ

К.Ж.АЛИНА, Н.Ф.ФЕСЕНКО

В статье представлено исследование уровня религиозной радикальности среди осужденных по статьям связанным с экстремистской и террористической деятельностью, отбывающих наказание в исправительных учреждениях Павлодарской области Республики Казахстан. Приводятся разработанные индикаторы и уровни религиозной радикальности.

Ключевые слова: уровни радикальности, религиозная радикальность, личностные индикаторы, религиозные индикаторы, экстремизм, осужденные, пенитенциарные учреждения.

Введение. На данный момент в пенитенциарных учреждениях Республики Казахстан содержатся свыше 2000 осужденных по статьям связанным с религиозным экстремизмом и терроризмом, имеющих радикальные религиозные взгляды. В Павлодарской области 63 осужденных по данным статьям, чьи сроки пребывания в исправительном учреждении варьируются от 6 до 12 лет. Острой проблемой является деятельность данной категории осужденных, как в стенах исправительных учреждений, так и после освобождения из мест лишения свободы. Из-за высокого риска дальнейшей пропаганды и распространения радикальных религиозных идей в гражданском обществе. Наличие судимости по статьям связанным с религиозным радикализмом придает этим людям ореол «пострадавших за веру», что усиливает их авторитет. Правоохранительные органы и сотрудники пенитенциарной системы проводят работу по дерадикализации с целью недопущения распространения радикальных религиозных идей в стенах ИУ. Но возникает сложность в определении – насколько радикален тот или иной осужденный и как выстраивать дальнейшую реабилитационную работу с ним. В связи с этим, возникла необходимость разработать индикаторы для определения уровня религиозной радикальности данных осужденных.

Радикализм — крайняя, бескомпромиссная приверженность каким-либо взглядам, концепциям. Чаще всего употребляется в отношении идей и действий в социально-политической сфере, особенно направленных на решительное, коренное изменение существующих общественных институтов. Феномен часто получает распространение в кризисные, переходные исторические периоды, когда возникает угроза существованию, традициям и привычному укладу общества или определённых его слоёв и групп. «Этим термином обозначается стремление доводить политическое или иное мнение до его конечных логических и практических выводов, не примиряясь ни с какими компромиссами»[1].

Радикальный ислам — выражение, указывающее на то, что приверженцы ислама часто любят решать разнообразные проблемы радикальным, часто необратимым способом — массовым и индивидуальным террором, похищениями людей, убийствами и т. д. Выражение запущено в широких обиход западными политиками и подхвачено журналистами [2].

В рамках работы проводимой прокуратурой Павлодарской области в пенитенциарных учреждениях, нами были условно выделены индикаторы для определения уровня радикальности осужденных и предложена градация данных уровней. Как известно, психологическое исследование включает ряд обязательных этапов: от планирования до анализа полученных данных.

Цель исследования: определение уровня религиозной радикальности на данный, текущий момент, осужденных по статьям связанным с религиозным экстремизмом и терроризмом.

Методы и организация исследования. Для удобства дальнейшей работы с контингентом исследованных лиц, было предложено условное разделение осужденных, приверженцев религиозных взглядов, на *три уровня по степени радикальности:*

1. Высокий – радикальный.
2. Средний – имеет две разновидности: адаптивный и умеренный.
3. Низкий - каузальный.

1. Радикальный: высокий уровень радикальности. В эту категорию входят лица, глубоко погруженные в религиозную зависимость (в том числе и во временном контексте), и имеющие склонность к девиантному, асоциальному и аддиктивному поведению.

2. *Адаптивный*: средний уровень радикальности. Характеризуется высокой социальной адаптивностью, низким уровнем ответственности, лживостью, готовностью подчиниться силе и авторитету, отсутствие принципов.

3. *Умеренный*: средний уровень радикальности. Характеризуется наличием религиозного чувства, с отсутствием острых религиозных радикальных принципов и взглядов. Социализируем в обществе без конфликтов, но с соблюдением собственных границ.

4. *Каузальный*: низкий уровень радикальности. Является проявлением конформности и не представляет собственной радикальной религиозной позиции.

Этапы проведения исследования:

1. Разработка рабочей программы исследования;
2. Проведение работы с заключенными – на одного осужденного 90 минут;
3. Опрос персонала ИУ;
4. Анализ полученных результатов;
5. Разработка рекомендаций по работе с осужденными.

Принцип включения в программу исследования: 63 осужденных по статьям связанным с религиозным экстремизмом и терроризмом, имеющие радикальные религиозные взгляды.

Наиболее известными методами исследования личности являются: наблюдение, беседа, анкетирование, тестирование и сбор биографических данных. Соответственно процедура опроса осужденных состояла из:

- 1) опросника для осужденных (который они заполняют самостоятельно);
- 2) полуструктурированного интервью (который заполняет специалист в беседе с осужденным);
- 3) методики феноменологического подхода и работы с проективной методикой САТ и ТАТ (виды тематического апперцептивного теста);
- 4) сбор биографических данных.

Процедура опроса персонала ИУ состояла из:

- 1) списка фамилий осужденных (ФИО), которые, по мнению сотрудника ИУ будут проранжированы на две категории (радикальный и нерадикальный).

Таким образом, исследование состоит из следующих компонентов:

1. Субъективная оценка осужденным себя и своего состояния.
2. Объективная оценка осужденного специалистом на момент опроса с фиксацией меняющегося эмоционального фона.
3. Субъективная оценка сотрудников ИУ.
4. Отслеживание движущих сил личности — внутренних конфликтов, влечений, интересов и мотивов.
5. Сопоставление оценок, конгруэнтности ответов и физиологических сигналов для определения уровня искренности.

Результаты исследования. По результатам проведенного исследования была дана психологическая характеристика осужденного. Где учитывались личностные особенности: мышление, суждения, девиантное/делинквентное/аддиктивное/агрессивное поведение, лживость, зрелость/инфантильность личности, анамнез заболеваний и травм, отрицательное влияние среды и ошибки в воспитании, суицидальное поведение, планирование собственной жизни.

Индикаторами определяющими уровень религиозной радикальности стали следующие параметры: неприемлемость поли- и атеизма, отрицание светскости, приоритеты и ценности, уводящие от идентичности: национальной, семейной, гражданской и выбор в пользу религиозной, пребывание в радикальной религиозной среде до заключения, комфорт/ресурс от нахождения в радикальном религиозном сообществе, негативное отношение к традиционному духовенству, присутствие вины за религиозные проступки (пропуск чтения намаза и т.д.), зависимость от лидера, теория избранности, активное вовлечение окружающих, наличие религиозного имени, отказ в общении на религиозные темы.

Таким образом, психологический портрет осужденного, составленный из личностных и религиозных индикаторов, был соотнесен к уровням религиозной радикальности следующим образом:

- высокий уровень, радикальный – наличие более 8 религиозных индикаторов;
- к среднему уровню, в зависимости от личностных особенностей, относятся адаптивный и умеренный – наличие от 5 до 8 религиозных индикаторов;

➤ низкий уровень, каузальный – определяется наличием менее 5 религиозных индикаторов.

В качестве примера, приведем вариант заполнения таблицы осужденного У. 1977 г.р., уроженца города Атырау.

Таблица №1.

№	Личностные индикаторы	Баллы	№	Религиозные индикаторы	Баллы
1.	Проявление черно-белого мышления.	+	1.	Неприемлемость поли- и атеизма.	-
2.	Крайность суждений.	-	2.	Отрицание светскости.	-
3.	Наличие девиантного/делинквентного/аддиктивного поведения или тенденций.	+	3.	Приоритеты и ценности, уводящие от идентичности: национальной, семейной, гражданской и выбор в пользу религиозной.	-
4.	Лживость.	-	4.	Пребывание в радикальной религиозной среде до заключения.	-
5.	Нарушения закона, нахождение в криминальных сообществах до момента заключения.	+	5.	Комфорт/ресурс от нахождения в радикальном религиозном сообществе.	+
6.	Имеющиеся в анамнезе черепно-мозговые травмы, психотравмирующие события.	+ -	6.	Негативное отношение к традиционному духовенству.	-
7.	Отсутствие вины за содеянное преступления.	+	7.	Присутствие вины за религиозные проступки (пропуск чтения намаза и т.д.).	-
8.	Педзапущенность.	-	8.	Зависимость от лидера.	-
9.	Витальность.	+	9.	Теория избранности.	+
10.	Агрессия.	+	10.	Активное вовлечение окружающих.	-
11.	Суицид.	-	11.	Наличие религиозного имени	+
12.	Наличие жизненного сценария.	+	12.	Отказ в общении на религиозные темы	-

В процессе работы с осужденным и последующим анализом полученных данных, определились следующие личностные качества:

➤ Принципиален, но умеет слышать доводы, считает, что у других может быть своя точка зрения и свои принципы;

➤ Имеет собственную шкалу справедливости, которая может отличаться от шкалы справедливости других, но своя шкала справедливости для него всегда выше;

➤ Приоритет – семья. Испытывает гордость за достижения своих детей, уважительно относится к своей супруге и матери;

➤ Наличие ригидности мышления (дихотомность). Ригидность мышления обуславливает резкость высказываний и сложность выйти за рамки привычных паттернов поведения;

➤ Присутствует страх перемен;

➤ Интроверт;

➤ Импульсивен;

➤ Автономен, индивидуалист;

➤ В прошлом занимался боксом, умеет сублимировать вспышки агрессии через занятия спортом.

Осужденный не является радикальным адептом, уровень радикальности – низкий (каузальный, причинный – 3 балла по шкале); верующий. Нужно отличать его возможную аффективную реакцию на несправедливость, от религиозной радикальности.

На данный момент в Республике Казахстан определением является ли человек религиозным радикалом или нет, занимаются только теологи или священнослужители. Критерием соотнесения они считают принадлежность адепта к традиционным религиозным течениям или нетрадиционным, - в таком случае адепта признают радикальным. Еще один критерий – личная симпатия или антипатия. Т.е. объективные критерии отсутствуют.

Выводы. Таким образом, вышеприведенные уровни религиозной радикальности, религиозные и личностные индикаторы, являются первым примером научной классификации религиозной радикальности. По полученным выводам и рекомендациям работа с осужденными, имеющими религиозные взгляды, продолжается. Соответственно, будут вноситься изменения, дополнения и корректировка в процессе проведения исследования.

1. Водовозов В. В. Радикализм и радикальная партия. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1899. Т. XXVI. С. 73—75.

2. Белояр А. Толковый словарь демократического новояза и эвфемизмов. <http://www.xpomo.com/ruskolan/liter/slovník.htm>

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОГРАММНОГО КОМПЛЕКСА «КОНСТРУКТОР ПЕРЕЖИВАНИЙ» В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ КОНСУЛЬТИРОВАНИИ КЛИЕНТОВ, НАХОДЯЩИХСЯ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ

Р.М. АЙСИНА

В статье обсуждаются возможности оптимизации психотерапевтических и консультативных интервенций на основе современных компьютерных технологий. Представлены результаты экспериментальной оценки эффективности применения программного комплекса «Конструктор переживаний» в психологическом консультировании лиц, перенесших травматические жизненные события. Приведены данные, согласно которым использование данного программного комплекса ведет к статистически значимым улучшениям в эмоциональном состоянии клиентов и способствует восстановлению их психологического здоровья.

Ключевые слова: стресс, трудная жизненная ситуация, когнитивно-бихевиоральная терапия, компьютерные технологии, техники релаксации и саморегуляции

Введение. В современном мире компьютерные технологии успешно используются для улучшения психосоциальной адаптации людей, попавших в трудную жизненную ситуацию или переживающих последствия стресса [1; 7; 9; 15; 16; 18], оптимизации психологического сопровождения детей и взрослых с ограниченными возможностями здоровья [2; 6; 12], а также получают все большее распространение в медико-социальной реабилитологии [4; 5; 11; 13; 17] и психотерапии [8; 10; 14].

Несмотря на данные зарубежных исследований, свидетельствующие о положительном влиянии специализированных компьютерных тренажеров и программируемых виртуальных сред на качество жизни людей, которые нуждаются в помощи психолога и/или психотерапевта [10; 11; 13; 17; 18], в Российской Федерации они практически не используются в консультативном и терапевтическом контексте. Между тем, инфокоммуникационные технологии могли бы существенно повысить эффективность интервенций, направленных на решение широкого спектра проблем, по поводу которых наши соотечественники обращаются за психологической помощью. К их числу относится, на наш взгляд, и проблема преодоления неблагоприятных эмоциональных состояний, возникших под воздействием стрессовых жизненных обстоятельств.

В данной статье представлены результаты исследования, направленного на оценку эффективности программного комплекса «Конструктор переживаний», который был разработан сотрудниками лаборатории виртуалистики ФГАОУ ВО СКФУ и предназначен для обучения людей, перенесших травматические жизненные события, навыкам стресс-менеджмента: концентрации внимания, контроля дыхания, мышечной и эмоциональной релаксации [14].

Методы и процедура исследования. Программный комплекс «Конструктор переживаний» представляет собой компьютерный тренажер, включающий набор модулей для освоения техник саморегуляции и релаксации. Каждый из модулей работает в режиме обучения: пользователь получает четкие инструкции по последовательному выполнению упражнений, при этом правильность их выполнения контролируется программой. Для достижения положительного эффекта в обучении используются аудио-визуальные средства: ресурсные изображения живой природы в 3D-формате и специализированные музыкальные треки. Эффект погружения пользователя в виртуальную среду и присутствия в ней обеспечивается с помощью стереонаушников и шлема виртуальной реальности, совместимых с программным комплексом. Для оценки динамики состояния пользователя в процессе обучения и обеспечения эффективной обратной связи используются датчики фиксации физиологических состояний (ЧСС, КГР, АД) [14].

С целью оценки практической эффективности программного комплекса «Конструктор переживаний» было предпринято экспериментальное исследование с участием испытуемых, которые выбирались из числа добровольцев. Исследование проводилось на базе лаборатории виртуалистики ФГАОУ ВО СКФУ (представительство в г. Москве). Гипотезами исследования явились следующие предположения:

- после окончания психокоррекционной работы, проводимой на основе использования программного комплекса «Конструктор переживаний», испытуемые будут испытывать больший эмоциональный комфорт и меньшее психоэмоциональное напряжение в процессе обсуждения в беседе с психологом стрессовых ситуаций, по поводу которых они обратились за психологической помощью;

- после завершения обучения навыкам саморегуляции и релаксации с помощью программного комплекса «Конструктор переживаний» произойдут статистически значимые положительные изменения в самооценивании испытуемыми своего текущего эмоционального состояния.

На первом этапе исследования со всеми потенциальными участниками экспериментальной процедуры проводился семинар, в ходе которого они были ознакомлены с современными тенденциями в области стресс-менеджмента и профилактики неблагоприятных эмоциональных состояний. Далее участникам было предложено принять участие в психокоррекционных мероприятиях,

способствующих улучшению саморегуляции и самоконтроля и преодолению психоэмоционального дискомфорта, вызванного стрессогенными событиями. Первоначально, желание участвовать в исследовании высказали 33 человека. С каждым из них было проведено структурированное интервью, в ходе которого оценивалось психоэмоциональное состояние потенциальных участников эксперимента и определялся характер психотравмирующего события и его последствий. Интервью включало следующие вопросы:

1. Расскажите, пожалуйста, какое событие в Вашей жизни вызвало ухудшение Вашего эмоционального состояния?
2. Когда это случилось?
3. Расскажите подробнее о Вашем самочувствии в течение последней недели.
4. Как именно изменилась Ваша жизнь после этого события?
5. Охарактеризуйте себя до и после этого события.
6. Какие приемы саморегуляции Вы используете для улучшения Вашего эмоционального состояния?
7. Опишите Ваши планы на будущее.

Кроме того, перед началом интервью на каждом участнике был закреплен специальный датчик (пульсометр), который позволял фиксировать частоту сердечных сокращений (ЧСС) в процессе интервью. После завершения интервью нами были рассчитаны средние показатели ЧСС за все время интервью для каждого участника. Дополнительно все участники, прошедшие интервью, сразу же после его завершения заполнили разработанную нами «Шкалу эмоционального комфорта» - методику самоотчета об актуальном психоэмоциональном состоянии, состоящую из семи утверждений, каждое из которых необходимо было оценить по 10-балльной шкале. Далее оценки по всем семи пунктам суммировались и рассчитывался итоговый балл для каждого испытуемого, отражающий субъективный уровень его эмоционального комфорта.

По итогам беседы четверо потенциальных участников исследования сообщили о том, что их отношение к событию, вызвавшему стресс, изменилось в «лучшую сторону» после прохождения интервью. Обобщая их устные сообщения, можно предположить, что сам процесс вербального описания стрессовой ситуации и выражение связанных с ней чувств, переживаний, способствовали улучшению рефлексии и активизации внутренних ресурсов

личности, появлению способности оценить пережитое в новой перспективе и принятию решения о дальнейшем самостоятельном преодолении последствий стресса. Вместе с тем, нельзя отрицать и возможность актуализации защитных механизмов, вызвавших сопротивление психологическому вмешательству и обусловивших решение отказаться от последующей психокоррекционной работы.

Помимо четверых добровольно выбывших участников, еще одному добровольцу, прошедшему интервью и заполнившему лист самоотчета, была предложена работа в формате индивидуальной психотерапии, так как высокий уровень тревожности, психоэмоционального напряжения и ярко выраженные депрессивные чувства были оценены нами как противопоказание к участию в исследовании. Таким образом, в итоговую выборку вошли 28 испытуемых, из них 5 мужчин и 23 женщины в возрасте от 29 до 52 лет (среднее – 37,4). Все испытуемые имели высшее образование. Среди актуальных трудных жизненных ситуаций, вызвавших психологический стресс, испытуемые указали увольнение с работы (13 человек), развод (9 человек), семейные проблемы - ссоры с супругом, сложные отношения с детьми, конфликтные взаимоотношения с собственными родителями (6 человек). Для проведения экспериментального исследования была осуществлена процедура рандомизации с использованием таблицы случайных чисел и сформированы экспериментальная (n=15) и контрольная (n=13) группы.

На втором этапе исследования с экспериментальной группой была проведена серия из 8 индивидуальных сессий по 45 минут каждая с использованием программного комплекса «Конструктор переживаний», с частотой два раза в неделю. С контрольной группой был проведен тренинг психической саморегуляции в традиционном формате: 4 групповые сессии по 1,5 часа каждая, с частотой один раз в неделю. Испытуемые контрольной группы были обеспечены методическими материалами по стресс-менеджменту для самостоятельного ознакомления и последующего обсуждения на тренинговых сессиях.

После завершения указанных процедур с участниками контрольной и экспериментальной групп вновь было проведено структурированное интервью, пункты которого полностью совпадали с пунктами интервью, предваряющего экспериментальное воздействие. Так же как и на первом этапе исследования, в ходе итогового интервью фиксировались индивидуальные показатели ЧСС

испытуемых. Перед началом интервью испытуемые вторично заполнили методику самоотчета «Шкала эмоционального комфорта».

Одна из испытуемых, вошедших в контрольную группу, не завершила тренинг и не участвовала в итоговых оценочных процедурах по личным обстоятельствам. В связи с этим, численность контрольной группы сократилась до 12 участников, и все статистические результаты были скорректированы с учетом данного факта.

Результаты и их обсуждение. Учитывая малочисленность выборки, была проведена процедура определения различий между экспериментальной и контрольной группами в показателях ЧСС и уровня эмоционального комфорта с использованием *t*-критерия Стьюдента для независимых выборок. Результаты сравнительного анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1 - Сравнительные характеристики экспериментальной и контрольной группы до экспериментального воздействия

Переменные	Экспериментальная группа (n =15)	Контрольная группа (n = 12)	<i>t</i> -критерий	Уровень значимости
ЧСС (уд./мин.) (ср., ст.откл.)	76.73 (6.39)	79.83 (8.55)	1.07	0.302
Уровень эмоц. комфорта (ср., ст.откл.)	34.60 (7.36)	33.92 (7.37)	-0.06	0.949

Как видно из таблицы 1, значимых различий между экспериментальной и контрольной группами по показателям ЧСС и уровню эмоционального комфорта не наблюдалось (все $p > 0,05$).

Для того, чтобы определить эффективность применения программного комплекса «Конструктор переживаний» как интервенции, направленной на преодоление неблагоприятных эмоциональных состояний, возникших вследствие стрессогенных обстоятельств, был произведен расчет *t*-критерия Стьюдента для зависимых выборок, что позволило выявить направленность и выраженность изменений под влиянием экспериментального воздействия (табл. 2). Дополнительно была рассчитана величина эффекта (Cohen's *d*) (табл. 2).

Как видно из таблицы 2, в экспериментальной группе был выявлен значимый сдвиг в показателях ЧСС: снижение по сравнению с первым интервью. Таким образом, можно говорить о том, что испытуемые, к которым было применено экспериментальное воздействие, чувствовали меньшее эмоциональное напряжение, обсуждая в беседе с психологом недавно пережитую стрессовую ситуацию, по поводу которой они обратились за психологической помощью. Показатели эмоционального комфорта по

результатам самоотчета в экспериментальной группе также изменились: после экспериментального воздействия они стали значительно более высокими.

Таблица 2 - Динамика исследуемых показателей в экспериментальной и контрольной группе

Переменные	Первичная оценка	Итоговая оценка	<i>t</i> -критерий	Величина эффекта (Cohen's <i>d</i>)	Уровень значимости
Экспериментальная группа (n = 15)					
ЧСС (уд./мин.) (ср., ст.откл.)	76.73 (6.39)	69.26 (5.79)	8.07	2.07	< .001
Уровень эмоц. комфорта (ср., ст.откл.)	34.60 (7.36)	46.20 (5.24)	-10.95	-1.93	< .001
Контрольная группа (n = 12)					
ЧСС (уд./мин.) (ср., ст.откл.)	79.83 (8.55)	81.00 (7.83)	-1.32	-0.37	0.215
Уровень эмоц. комфорта (ср., ст.откл.)	33.92 (7.37)	34.85 (7.90)	-1.90	-0.54	0.083

В контрольной группе по результатам расчета *t*-критерия Стьюдента значимый сдвиг в показателях ЧСС во втором интервью по отношению к первому отсутствует. Статистически значимых изменений в самооценке испытуемыми своего текущего эмоционального состояния в данной группе также не произошло.

Таким образом, обе исследовательские гипотезы были подтверждены, что свидетельствует о практической эффективности программного комплекса «Конструктор переживаний» в консультативной работе, направленной на преодоление неблагоприятных эмоциональных состояний, возникших под воздействием психотравмирующих жизненных обстоятельств.

Полученные результаты согласуются с данными ряда зарубежных исследований, в которых показано, что компьютерные тренажеры с использованием аудио-визуальных средств и 3D-моделирования с успехом применяются как средства оптимизации психологической помощи при профессиональном [9; 15] и экзаменационном [16] стрессе, а также как инструменты когнитивно-бихевиоральной терапии (КБТ) клиентов, переживающих последствия травматических жизненных событий [18]. Отметим, что предложенная нами компьютерная разработка и апробированный алгоритм ее применения в формате индивидуального консультирования базируются именно на принципах когнитивно-бихевиорального подхода к оказанию психологической помощи, таких как: активное участие, а не пассивное

наблюдение, обратная связь в режиме реального времени, безопасность, эмпиризм сотрудничества, моделированное обучение, самоэффективность. Эти принципы являются чрезвычайно важными, так как помогают достичь устойчивых изменений в поведении и способствуют активизации ресурсного потенциала личности [3; 8].

Выводы. Применение информационно-коммуникационных технологий в различных направлениях психологической помощи с каждым днем набирает силу и имеет огромный потенциал для оптимизации традиционных терапевтических и консультативных интервенций. Проведенное исследование является одним из примеров, подтверждающих, что ИКТ могут быть успешно использованы в психологической практике: в данном случае, в обучении навыкам стресс-менеджмента лиц, переживающих эмоциональный дисбаланс, возникший вследствие травматических жизненных обстоятельств.

В дальнейшем планируется совершенствование представленного здесь программного комплекса «Конструктор переживаний» с целью обеспечения возможностей его использования в психотерапии посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). Предполагается дополнение тренажера программными средствами для реконструкции в виртуальной реальности контекстных ситуаций, в которых клиент может функционировать посредством аватара, контролируя с помощью и при участии психолога степень интенсивности стимулов, воспроизводящих травматическое событие. В результате, будет создана основа для аффективной переоценки клиентом травматического опыта, что в дальнейшем позволит ему научиться воспринимать окружающий мир и себя самого в нем в новой перспективе и выработать успешные способы адаптации к реальной действительности.

1. Айсина Р. М. Возможности применения виртуальных технологий в процессе формирования навыков самоменеджмента у безработных граждан с длительным перерывом в трудовой деятельности // Современные методы диагностики и технологии оказания психологической помощи людям, оказавшимся в кризисной ситуации: Сборник научных статей по материалам Всероссийской конференции / Редактор: А. А. Нестерова. М.: РИТМ, 2014. С. 112–126.

2. Айсина Р. М., Максименко Ж. А. Перспективы применения виртуальных компьютерных технологий в психолого-педагогическом сопровождении детей с расстройствами аутистического спектра на ступени полного общего образования // Психология образования: психологическое обеспечение общего образования в контексте введения профстандарта «Педагог-психолог». XI Всероссийская научно-практическая конференция, статьи и материалы. М.: Федерация психологов образования России, 2015. С. 3-5.

3. Бандура А. Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000.

4. Краснова-Гольева В. В., Гольев М. А. Виртуальная реальность в реабилитации после инсульта // Современная зарубежная психология. 2015. Том 4. № 4. С. 39-44.
5. Лучанинова В. Н. Эффективность реабилитации детей-инвалидов, страдающих детским церебральным параличом // Фундаментальные исследования. 2011. № 9. С. 431-434.
6. Халак М. Е. Психологическое сопровождение восстановительного лечения лиц с ограниченными возможностями и низким психологическим реабилитационным потенциалом: дис. ... канд. психол. наук. Н. Новгород, 2012.
7. Aysina R. M., Maksimenko Z. A., Nikiforov M. V. Feasibility and Efficacy of Job Interview Simulation Training for Long-Term Unemployed Individuals // PsychNology Journal. 2016. Vol. 14. №1. P. 41 – 60.
8. Botella C., Garcia-Palacios A., Baños R. M., Quero S. Cybertherapy: Advantages, Limitations, and Ethical Issues // PsychNology Journal. 2009. Vol. 7. № 1. P. 77 – 100.
9. Carissoli C., Villani D., Riva G. Does a meditation protocol supported by a mobile application help people reduce stress? Suggestions from a controlled pragmatic trial // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2015. Vol. 18. № 1. P. 46–53.
10. Eichenberg C., Wolters C. Virtual Realities in the Treatment of Mental Disorders: A Review of the Current State of Research // Virtual Reality in Psychological, Medical and Pedagogical Applications / C. Eichenberg (Ed.). InTech, 2012. P. 35-64.
11. Kandalaf M. R., Didehbani N., Krawczyk D. C., Allen T. T., Chapman S. B. Virtual reality social cognition training for young adults with high-functioning autism // Journal of Autism and Developmental Disorders. 2013. Vol. 43. № 1. P. 34–44.
12. Nesterova A. A., Aysina R. M., Suslova T. F. Recent technologies to improving social and communication skills in children with ASD: systematization of approaches and methods // Modern Applied Science. 2015. Vol. 9. № 11. P. 38-50.
13. Persky S. Employing Immersive Virtual Environments for Innovative Experiments in Health Care Communication // Patient Education and Counseling. 2011. Vol. 82. № 3. P. 313–317.
14. Petrova I. V., Aysina R. M., Maksimenko Zh. A., Shagurova A.A. Application of virtual computer technologies in psychotherapy: review of researches // Последние тенденции в области науки и технологий управления. 2015. № 2. С. 26-38.
15. Riva G., Preziosa A., Grassi A., Villani D. Stress management using UMTS cellular phones: a controlled trial // Studies in Health Technology and Informatics. 2006. Vol. 119. P. 461-463.
16. Riva G., Grassi A., Villani D., Gaggioli A., Preziosa A. Managing exam stress using UMTS phones: the advantage of portable audio/video support // Studies in Health Technology Informatics. 2007. Vol. 125. P. 406-408.
17. Smith M. J., Ginger E. J., Wright M. A., Wright K., Humm L. B., Olsen D. E., ... Fleming M. F. Virtual Reality Job Interview Training for Individuals with Psychiatric Disabilities // Journal of Nervous & Mental Disease. 2014a. Vol. 202. № 9. P. 659-667.
18. Villani D., Cipresso P., Gaggioli R., Riva G. Positive Technology for Helping People Cope with Stress // Positive Technology: The Use of Technology for Improving and Sustaining Personal Change / D. Villani, P. Cipresso, R. Gaggioli, G. Riva (Eds.). Hershey, PA: Information Science Reference (IGI Global), 2016. P. 320-347.

ЗНАЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА ДЛЯ УСПЕШНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В СОЦИУМЕ ВНУТРЕННЕ ПЕРЕМЕЩЕННЫХ ЛИЦ

Е.Е. БЛИНОВА

Статья посвящена проблеме социально-психологической адаптации внутренне перемещенных лиц в современных социально-политических и экономических условиях украинского общества. Проанализирован феномен социального капитала, показаны возможности доступа к ресурсам приватной и публичной сфер для обеспечения успешной интеграции мигрантов в принимающем сообществе.

Ключевые слова: внутренне перемещенные лица, вынужденная миграция, социально-психологическая адаптация, социальная идентификация, социальный капитал.

Введение. В украинском обществе вследствие конфликтной ситуации на востоке страны остро стоит проблема, связанная с потоками вынужденных переселенцев. Такого количества внутренних мигрантов в Украине не было с момента трагедии в Чернобыле, хотя масштабы, конечно, не сопоставимы. Поэтому украинское общество, находясь в сложной социально-политической и экономической ситуации, оказалось не готово к разрешению вопросов, связанных с социальной интеграцией внутренних переселенцев в новых регионах проживания. В официальных документах вынужденных мигрантов определяют как «внутренне перемещенных лиц» (ВПЛ), что закреплено в «Руководящих принципах по вопросу о перемещении лиц внутри страны» ООН.

На основе результатов социологического опроса, проведенного Украинским институтом социальных исследований имени А. Яременко, выявлено, что более 80% респондентов считают, что переселенцы должны по возможности вернуться на места их постоянного проживания, и более половины опрошенных отмечают неблагоприятное положение вынужденных мигрантов, обусловленное их статусом [9]. Принимая во внимание эти данные, можно утверждать, что разрешение проблемы внутренне перемещенных лиц имеет два основных вектора – обеспечение их безопасного возвращения (пока никто не берется обозначить, когда это станет возможным реально) и системная разноплановая работа по интеграции мигрантов в принимающем сообществе.

Таким образом, приоритетным направлением психологического анализа миграционных процессов остается проблема социально-психологической адаптации мигрантов к новым условиям жизни.

С целью выработки целостного взгляда на существующую проблему с учетом специфики и уникальности современной социально-политической и

экономической ситуации Украины, нужно обратиться к научным разработкам отечественных и зарубежных ученых.

Результатом адаптации считают состояние адаптированности личности или группы, которая определяется как состояние субъекта (в том числе, коллективного субъекта), позволяющее ему чувствовать себя благополучно в новой среде и уверенно включаться в основную деятельность. Среди критериев адаптации исследователи выделяют объективные и субъективные (внешние и внутренние, социокультурные и психологические) (В.В. Гриценко, В.В. Константинов [2], Т.Г. Стефаненко, Г.У. Солдатова, Н.С. Хрусталева и др.).

Традиционной для характеристики типов аккультурации мигрантов считается классификация, предложенная Дж. Берри: ассимиляция, сепарация, маргинализация, интеграция. В научных работах Н.М. Лебедевой показано, что наиболее успешной является «адаптация по типу интеграции», что в особенности касается вынужденных мигрантов, а неуспешной – «адаптация по типу психологической защиты или изоляции» [4]. На основе результатов собственных исследований и данных зарубежных авторов А.Н. Татарко утверждает: ««Интеграция» – стратегия сохранения своей культуры и принятия некоторых элементов новой культуры – является наиболее эффективной для мигрантов. Доверие между принимающим населением и мигрантами способствует интеграции последних в новую культуру и их принятию коренным населением» [10, С.78].

Социальные связи и отношения между переселенцами и жителями принимающего сообщества, позволяющие мигрантам активно включаться в общественную жизнь, наличие у них постоянной работы, тесные контакты с друзьями, коллегами, рассматриваются как значимый показатель успешной социально-психологической адаптации мигрантов. В нашем исследовании трудовой миграции подтверждена весомость этих факторов [1].

Среди разных видов поддержки, в которой нуждается мигрант, наиболее значимой является социальная поддержка, снижающая риск психических расстройств, повышающая уровень психологического благополучия, обеспечивающая условия для интеграции вынужденных мигрантов в принимающем сообществе. Учитывая эти моменты, считаем возможным обратиться к анализу концепции «социального капитала». Т. А. Нестик указывает, что социальная психология нуждается в понятии социального капитала как в общем интегральном обозначении для совокупности различных

групповых характеристик, отражающих уровень социальной интеграции групп, организаций и общества [6, С.54].

В работе А.Н. Татарко социальный капитал непосредственно связывается с адаптацией мигрантов и определяется как «совокупность психологических отношений, которые могут быть конвертированы в другие формы капитала, либо приводить к каким-либо позитивным эффектам, одним из которых может являться более успешная адаптация мигрантов» [10, С. 76]. А.Л. Свенцицкий и его коллеги характеризуют социальный капитал личности или группы через объем и качество ее связей с другими людьми и группами. Помимо этого, для целей нашего исследования важным является положение о том, что разные социальные связи имеют разную ценность для субъекта [8].

С точки зрения социальной психологии П.Н. Шихирев характеризует социальный капитал как «качество социальных связей», при этом считает, что обязательно следует учитывать и количественный показатель – включенность, экспансию социального капитала субъекта (личности или группы) в социальные отношения [11].

Кроме этого, отметим точку зрения Дж. Коулмана, согласно которой социальный капитал является ресурсом, дающим возможность включения в более широкие социальные сети, где взаимоотношения основаны на высокой степени доверия и общих ценностях [3].

На начальных этапах аккультурации социальный капитал помогает вынужденным переселенцам адаптироваться, приспособиться. При этом, по мнению Р. Патмана, важно разделять социальный капитал внутри группы мигрантов (*bonding*) и социальный капитал, который выходит за пределы их сообществ и характеризует включенность мигрантов в жизнь принимающего общества (*bridging*). Можно с высокой долей вероятности предположить, что для успешной адаптации мигрантов им необходимо уметь доверять и налаживать связи не только с членами своей группы, но и с представителями инокультурных групп, это положение подтверждается результатами исследования А.Н. Татарко: «Для успешной аккультурации и адаптации мигрантов в принимающем обществе важен, прежде всего, социальный капитал, выходящий за пределы их сообществ и связывающий их с принимающим обществом» [10, С. 77].

Для адаптации значима социально-психологическая мобилизация личностных ресурсов, направленная на поиск возможностей для удовлетворения насущных потребностей. При этом социальный капитал, ориентированный на

более широкий социальный контекст, оказывается наиболее продуктивным, т.е. включенность в общение в микро- и макрогруппах приводит к успешной интеграции вынужденных мигрантов, и к ориентации на долгосрочные цели в принимающем сообществе, что свидетельствует о принятии ценностей и формировании позитивной идентичности с более широкими социальными категориями. В исследовании Н.Р. Маликовой указано, что дезадаптация характеризуется чувствами утраты ценностей прошлой жизни, эмоциональной неустойчивостью, неуверенностью в настоящем и будущем, замкнутостью в узком кругу коммуникации, ограниченностью контактов с представителями принимающего сообщества [5, С. 116].

Интересным является поиск связей социального капитала (ориентирован на «свою» группу или выходит за ее пределы) и социальной идентичности, учитывая многоаспектность и многоуровневость обоих феноменов. Социальную идентичность определяем через отождествление индивидом себя с определенной социальной позицией, социальным статусом, в основе чего лежит его восприятие ролевых ожиданий. Социальная идентичность дает возможность личности или группе становится субъектом социальных отношений.

Социальный капитал представлен А.Л. Свенцицким на разных уровнях – личности и межличностных отношений, группы и межгрупповых отношений, всего общества. Для каждого из этих уровней упорядочены компоненты и показатели социального капитала, среди которых на уровне межличностных отношений выделены: уровень межличностного доверия, вовлеченность и ответственность, прочность и качество отношений. На уровне межгрупповых отношений – групповое доверие, нацеленность на длительное сотрудничество; на уровне общественных отношений – генерализованное доверие, вовлеченность граждан в добровольные объединения и ассоциации, социальная активность [8, С. 145-146].

Социальный капитал определяется А.Л. Свенцицким и его коллегами как сеть (сети) доверительных отношений, которыми располагают те или иные индивиды, группы, организации, общество в целом. Социальный капитал, существуя в форме социальных структур, облегчает субъектам (отдельным гражданам, группам, корпорациям), находящимся внутри этих структур, те или иные действия. Зачастую социальный капитал является результатом воздействия нерациональных факторов: общей религии, общей этнической принадлежности,

общего травматического опыта, который получила та или иная социальная группа или сообщество.

Интеграция, как наиболее эффективная стратегия адаптации вынужденных мигрантов в принимающем сообществе, ориентирована на «выход» за пределы своего «микросоциума» и более активное включение в широкие социальные сети, задействуя их ресурсы для решения своих проблем. То можно предположить, что это связано с более широкой социальной категоризацией переселенцев и отождествлением себя с региональным и национальным (общественным) измерением.

Социальный капитал, как воспроизводящиеся связи между людьми, основан на объединяющих их традициях и обычаях. Социальный капитал способствует налаживанию социальных связей между отдельными группами социума (например, мигрантами и принимающим населением), тем самым приводит к формированию общей идентичности. Катализатором этого процесса и его необходимым условием является наличие доверия между этими группами. Ответственность и взаимодействие в целях всего общества оценивается как социальный капитал при условии непротиворечивости отдельных интересов отдельных групп общим интересам общества.

Таким образом, цель эмпирического исследования, показать, что расширение (укрупнение) социальной категоризации вынужденных мигрантов, их социальная идентификация, связанна не только с отождествлением себя с группой «переселенцы», но и с жителями определенного села или города, далее – с гражданами страны, активизирует ресурсы социального капитала на разных уровнях, и, в свою очередь, способствует успешной интеграции мигрантов в принимающем сообществе. И наоборот, фиксация на своей временной идентичности «переселенец», боязнь выхода за ее пределы, погруженность в негативные переживания, связанные именно с этим социальным статусом, оказываются выраженным дезадаптирующим фактором.

Методы и процедура исследования. Для измерения социального капитала как определенной совокупности ресурсов, которые человек может получить от своей социальной сети, использовали методику «Опросник измерения индивидуального социального капитала» польского автора Р. Стылы (Styla) в адаптации украинского исследователя И. Семкив [7]. Эта методика, предназначенная для исследования социального капитала на индивидуальном уровне, определяет степень использования социального капитала на основе

возможностей доступа к социальным ресурсам приватной или публичной сфер. Методика включает в себя 64 утверждения, в которых испытуемому предлагается определить степень знакомства с человеком, обладающим определенным ресурсом, в диапазоне 4 баллов от «не знаю такого человека» до «знаю такого человека очень хорошо». В методике выделено шесть шкал, среди которых продуктивные умения, эмоциональный ресурс (личные связи с другими), ресурс проведения досуга (отдых и свободное время), социально-профессиональный ресурс, ресурс социальных институтов, международный ресурс, общий показатель социального ресурса в публичной сфере.

Для исследования особенностей самокатегоризации (для нас особенно интересным были ранги принадлежности к группе «переселенцы», к жителям города, к гражданам Украины) был использован модифицированный вариант текста Куна-Макпартленда «Кто Я?». Испытуемым предложено дать 20 ответов на вопрос «Кто Я»; отвечать нужно таким образом, как будто человек дает ответ самому себе, и располагать в том порядке, в котором они появляются в памяти без всякой логической связи.

Актуальность принадлежности к узкогрупповой, региональной или общественной, национальной категории нами определялась как значимость этой категории для респондентов, т.е. использован принцип «интраиндивидуального» сравнения – с точки зрения наличия / отсутствия, частоты, с которой она встречается, места среди других категорий. Для получения количественного показателя использована обратная «зеркальная» шкала, т.е. чем ближе категория к началу ряда, тем более высоким является ее ранг (например, если респондент на первом месте указывает «гражданин Украины», то ответ получает 20 баллов, если на втором – 19 баллов и т.д.).

В исследовании приняли участие 22 студента, переселенных из восточных областей Украины, и 20 студентов – жителей г. Херсона. Нами проведен сравнительный анализ между двумя группами по общему показателю индивидуального социального капитала, его сферами – приватной и публичной, а также по их компонентам. Статистически значимые отличия определялись с помощью критерия U-Манна-Уитни.

Результаты и их обсуждение. Анализ средних значений показывает, что в приватной сфере не зафиксировано значимых отличий между группами, т.е. люди поддерживают тесные связи в пределах сети наиболее близких контактов, например, семьи. Такое положение, несомненно, является ресурсом и важным

видом социальной поддержки для переселенцев, но при этом ограничивает возможности интеграции в социуме особенностями взаимодействия участников.

Выявлены отличия в доступности эмоционального ресурса ($p \leq 0,05$), что говорит об активном присутствии другого человека (других людей) в жизненном пространстве, с которым установлены близкие отношения на эмоциональном уровне; им свойственно ценить личность, интересоваться ее личными делами, оказывать поддержку в сложных ситуациях. У группы переселенцев отмечен более низкий уровень показателя доступности эмоционального ресурса, что может говорить об определенном блокировании эмоциональной поддержки.

Доступность ресурса досуга (отдыха и заполнения свободного времени) у группы вынужденных мигрантов в целом ниже, чем у жителей города ($p \leq 0,05$). Вероятно, это объясняется возможностями, в том числе, финансового, материального обеспечения, поскольку, чтобы заниматься каким-то хобби, содержательно и разнообразно наполнять свой досуг, нужно разделять с кем-то этот вид деятельности, иметь знакомых в этой сфере, поддерживать отношения, бывать в определенных местах и т.д.

Публичная сфера социального капитала так же отличается в двух исследуемых группах ($p \leq 0,05$). Эта сфера связана с сетью нерегулярных контактов за пределами приватной сферы человека, благодаря чему может быть обеспечен выход на представителей других групп, которые, в свою очередь, обеспечивают больший доступ к социальным ресурсам.

Показатель ниже среднего по шкале «доступность социально-профессионального ресурса» у вынужденных мигрантов ($p \leq 0,05$) указывает на определенную ограниченность в возможностях социальной мобильности, и соответственно, выхода за пределы стратификационной группы. Переселенцы соглашались на такие виды работ, которые не соотносятся с их основным образованием, с той работой, которую они выполняли на прежнем месте, с их уровнем квалификации. Работа у вынужденных мигрантов часто является временной, разовой, случайной. По критерию Манна-Уитни показаны различия в социально-профессиональном ресурсе между исследуемыми группами.

Анализ средних значений по шкале «доступность ресурса социальных институтов публичной сферы» показывает уровень ниже среднего в обеих группах. Ресурс социальных институтов обозначает возможности знакомства с юристами, политиками, государственными служащими, с кем можно обсудить вопросы текущей политики в стране и регионе. Низкий уровень показывает

обесценивание роли социальных институтов и государственных органов и их возможностей в реальном разрешении насущных проблем. Такая же тенденция наблюдается относительно шкалы «доступность международного ресурса».

Таким образом, доступ к ресурсам публичной сферы социального капитала является более ценным для обеспечения возможностей интеграции в принимающем сообществе, чем доступ к ресурсам приватной сферы, которая практически постоянно активна, стабильна и ограничена временными характеристиками.

Для последующего анализа полученных результатов нами использованы ранги социальных категорий, полученные по методике «Кто Я?» Куна-Макпартленда и отражающие принадлежность к «местному», «локальному» уровню (например, житель определенного села, города, региона), и принадлежность к общегосударственному, национальному уровню (украинец, гражданин Украины). Сравнение групп переселенцев и жителей г. Херсона по частоте встречаемости социальных категорий «регионального уровня» не показало значимых различий (88,1% и 85,7%) соответственно, однако это не означает, что переселенцы полностью начали отождествлять себя с жителями Херсона или южного региона Украины. Их ответы, преимущественно связаны с названием тех сел и городов, в которых они проживали дома до момента вынужденного перемещения. Интересными являются различия в частоте встречаемости социальных категорий «национального уровня»: у группы переселенцев 61,9%, у группы жителей Херсона – 83,3%, что, вероятно, говорит о кризисе своей гражданской идентичности у вынужденных мигрантов, об определенном недоверии к государственным структурам в их возможности оказывать помощь и поддержку переселенцам. Подтверждением этому предварительному выводу являются различия в показателях среднего ранга социальной категории «национального уровня» – у переселенцев она занимает позицию 10,2, у жителей Херсона – 15,8, что показывает меньшую значимость общенациональной идентификации для решения текущих жизненных проблем вынужденных мигрантов в Украине.

На основе проведенного теоретического анализа и результатов эмпирического исследования можно сделать следующие **выводы**:

Приоритетное направление работы с внутренне перемещенными лицами в условиях современной Украины связано с разработкой системного подхода,

обеспечивающего интеграцию вынужденных переселенцев в новых условиях проживания, т.е. решение проблемы их социально-психологической адаптации.

Продуктивным вектором исследования адаптации и оказания эффективной психологической помощи внутренне перемещенным лицам является активизация их индивидуального социального капитала, причем, не только связывающего мигранта с членами его сообщества, но прежде всего, выходящего за его пределы и дающего возможность задействовать ресурсы социальных сетей других групп. Показаны статистически значимые отличия в уровне доступности к ресурсам социального капитала в группе переселенцев и группе коренных жителей города. Установлена зависимость между социальной идентификацией вынужденных мигрантов («региональный» или «национальный» уровень) и уровнем доступности ресурсов социального капитала.

1. Блинова Е. Е. Социально-психологическая адаптация трудовых мигрантов из Украины: опыт эмпирического исследования // Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире [Электронный ресурс] : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. В. Константинов. Пенза : Изд-во ПГУ, 2016. С. 38-44.

2. Константинов В. В. Социально-психологическая адаптация вынужденных мигрантов в условиях диффузного или компактного проживания // Психологический журнал. М. : Изд-во «Наука», 2005. Том 26. № 2. С.16-21.

3. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. №3. С. 122-139.

4. Лебедева Н. М. Социальная психология этнических миграций. М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1993. 195 с.

5. Маликова Н.Р. Глобализация как фактор адаптации мигрантов // Электронный научный журнал «Пензенский психологический вестник». 2014. №1(2). С.114-124.

6. Нестик Т.А. Социальный капитал организации: социально-психологический анализ // Психологический журнал. 2009. Т.30, №1. С.56-63.

7. Семків І.І. Психометричні показники та адаптація методики Р. Стили "КРИКС" (українська версія: опитувальник вимірювання індивідуального соціального капіталу (адаптація І. Семків) / І. Семків // Гуманітарний вісник Державного вищого навчального закладу «Переяслав-Хмельницький державний педагогічний університет імені Григорія Сковороди». Серія : Психологія. – 2015. – Вип. 37. – С. 136-146. – Режим доступу: http://nbuv.gov.ua/UJRN/gvpdpups_2015_37_18

8. Свенцицкий А.Л. Социальный капитал и его формирование: социально-психологический поход / А.Л. Свенцицкий, Л.Г. Почебут, М.И. Килошенко, И.В. Кузнецова, Л.В. Марарица, Т.В. Казанцева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. 2009. Вып. 3. Ч. II. С.140-149.

9. Смаль В. «Внутрішньо переміщені особи: соціальна та економічна інтеграція в приймаючих громадах» : за матеріалами Вінницької, Запорізької, Івано-Франківської та Полтавської областей [науковий проект] / В. Смаль, О. Позняк. Київ, 2016. 93 с.

10. Татарко А.Н. Взаимосвязь доверия с аккультурационными установками (на примере украинцев в России и русских в Латвии) // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 1. С. 76–84.

11. Шихирев П. Н. Природа социального капитала: социально-психологический подход // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 17–31.

ПРИЧИНЫ И ПРОФИЛАКТИКА ВОЗНИКНОВЕНИЯ НЕВРОТИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВ И СОМАТИЧЕСКИХ НАРУШЕНИЙ У МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ НА РАЗНЫХ СТАДИЯХ НАРУШЕНИЯ АДАПТАЦИИ

А.Д.ГОЛЬМЕНКО, В.П.ИЛЬИН, В.А.ХАПТАНОВА, Е.Л.ВЫГОВСКИЙ

На основе построенных математических моделей выделены три периода изменений профессионально-психологической адаптации (ППА) и заболеваемости в динамике по стажу. Определена ведущая роль психологической компоненты в формировании профессионально-психологической адаптации. Выявлены некоторые причины возникновения невротических расстройств и соматических нарушений у медицинских работников на разных стадиях нарушения адаптации и предложены методы профилактики.

Ключевые слова: адаптация, профессионально-психологическая дизадаптация, заболеваемость, профессионально важные качества, профилактика.

Введение. Профессиональная деятельность медицинских работников связана с ежедневным интенсивным общением и контактами с различными людьми. При этом успешность профессиональной деятельности в медицине во многом определяется личностными характеристиками специалиста, уровнем его адаптивности, отношением к своей работе [1, 4, 11]. Важным средством формирования профессиональной компетентности специалиста в медицине является степень владения психологическими знаниями, умениями использовать их в межличностном общении с больными, коллегами и руководством, а также для успешного разрешения собственных внутриличностных проблем [3, 8, 9].

Анализ литературных данных, посвященных исследованиям условий труда врачей и их здоровья, позволил установить, что в настоящее время вопросы укрепления и сохранения здоровья врачей современной многопрофильной больницы приобретают особую актуальность. Важно знать не только показатели заболеваемости врачей, ее причины, осуществление профилактических мероприятий, но и объективное состояние организма работающего и обоснованно целенаправленно на него воздействовать [5, 6, 7, 8].

В научных исследованиях нарушения адаптации чаще рассматривали изолированно от заболеваемости, мы предпринимаем попытки выявить их взаимосвязи и взаимообусловленности. Для этого мы изучили профессионально-психологическую адаптацию и развитие заболеваемости в

медицинском трудовом коллективе в динамике по стажу. Выявили некоторые причины и предложили комплекс мероприятий по их снижению [2].

Методика. Заболеваемость медицинских работников с временной утратой трудоспособности (ЗВУТ) изучалась на сплошной выборке, при этом учитывались: структурное подразделение, возраст, класс заболеваемости по МКБ-10, количество дней нетрудоспособности, медицинский и общий стаж, специальность. Для изучения психологического компонента мы использовали методики: Диагностика профессионального выгорания (К. Маслак, С. Джексона, в адаптации Н.Е. Водопьяновой); Методика диагностики уровня эмоционального выгорания В.В. Бойко. Выборка составила 285 наблюдений.

Анализ заболеваемости и показателей профессионально-психологической дизадаптации провели с использованием методов статистического анализа и моделирования, применив программные средства ППП Statistica, модуль построения графиков - 2D Graphs.

Результаты. Основываясь на известной теории о формировании психосоматической патологии, мы сформулировали гипотезу о том, что профессионально-психологическая дизадаптация (ППД) является предвестником в формировании и развитии невротических расстройств и соматических нарушений.

При этом профессионально-психологическую дизадаптацию мы рассматриваем, как совокупность многоуровневых процессов снижения приспособления человека к профессиональной деятельности, которые приводят к нарушению взаимодействия с внешней и внутренней средой.

Нарушение здоровья это сочетание самостоятельных компонент ППД (психологический компонент) + заболеваемость (соматический компонент), так и психосоматический, включающий взаимодействие выше перечисленных компонент.

Проведенная оценка взаимосвязей показателей ППД и заболеваемости за весь период работы в профессии (стажевой период) методами корреляционного и регрессионного анализов выявила статистически значимую зависимость, которая составила 0,48.

Данный факт доказывает то, что длительность работы в профессии оказывает влияние на состояние профессионально-психологической адаптации и подчинена, принятой в токсикологии, зависимости «доза-время-эффект». Оценка зависимости «доза-время-эффект» отражает количественную связь

между уровнем воздействия и возникающими в результате этого вредными эффектами в состоянии здоровья. Зависимость «доза-время-эффект» может быть прослежена на всех уровнях организации живой материи вплоть до популяционного. При этом в подавляющем большинстве случаев будет регистрироваться общая закономерность с увеличением дозы - увеличивается степень повреждения системы и в процесс вовлекается все большее число составляющих её элементов.

В данном контексте, мы изучаем процесс адаптации не на индивидуальном уровне, а на популяционном или его характеристику на динамическом групповом уровне. При этом, понимаем, что популяция занимает определенное пространство и обладает признаками, характеризующими группу как целое, а не отдельных представителей в группе.

Если адаптацию рассматривать как отдельные временные и функционально разные части одного процесса, характеризующего качественно различные состояния профессионально-психологической адаптации, то взаимосвязь заболеваемости и ППД имеет различную тесноту взаимосвязи и взаимозависимости и по степени согласованности изменений можно выделить 3 стажевых периода.

Первый период «физиологической адаптации (дизадаптации)», который длится до 15 лет профессионального стажа. В этом периоде происходит согласованное изменение процессов, выраженных компонентами психологической и соматической адаптации с преобладание нарушений в психологической компоненте.

Второй период «переходный» от 15 до 25 лет. В этот период происходит переход от физиологической адаптации к патологической с рассогласованными неустойчивыми изменениями компонент психологической и соматической.

Третий период «патологической адаптации» (дезадаптации) более 25 лет. В этот период происходит формирование устойчивой патологической системы с согласованными изменениями показателей психологической и соматической компонент.

Дизадаптация – это длительное и особенно резкое напряжение функциональной активности физиологической системы, не выходящее за границы адекватной адаптации, которое приводит его к перенапряжению и проявляется в преневротических состояниях и выражается лишь в отдельных наиболее легких нарушениях.

Дезадаптация – это состояние, когда напряжение выходит за пределы физиологической адаптации и все его резервные возможности переходят в состояние устойчивой патологической системы с измененной структурой, т.е. к невротическим расстройствам или соматическим нарушениям функций организма.

Дизадаптация – это обратимый процесс, который может привести без медикаментозного вмешательства к восстановлению состояния здоровья. Дезадаптация - это необратимая стадия адаптации с созданной устойчивой патологической системой, которая наступает после дизадаптации. Устойчивая патологическая система – это необратимые психические, физиологические нарушения и хроническая заболеваемость.

На начальном этапе нарушения здоровья включается психологический компонент, за счет срабатывания механизма психологической защиты в форме полного или частичного исключения эмоций в ответ на избранные психотравмирующие воздействия, которые могут выражаться: профессиональной деформацией личности (синдромы хронической усталости и эмоционального выгорания); профессиональной стагнацией; профессиональной деструкцией и саморазрушающим поведением.

Сформированный психологический компонент переходит в фазу психосоматического, который включает невротические защитные механизмы (невротизация и невротические состояния) в виде тревожно-депрессивных расстройств; декомпенсацию, проявляющуюся клинической симптоматикой и генерализацию психосоматического заболевания.

На последнем этапе задействуется соматический компонент в виде острой и хронической заболеваемости.

Взяв за основу результаты исследований по механизму возникновения психосоматических нарушений и заболеваемости (А.Д. Сперанский (1935); F.G. Alexander, 1964; Л.Е. Панин и В.П. Соколов, 1981; Б.Д. Карвасарский 1982; 1990; 2008; Ю.А. Александровский, 2004, 2005 и др.), мы предлагаем следующий механизм возникновения психосоматических болезней.

Внутриличностный конфликт (повторяемость, однотипность и длительность) → способы переработки внутриличностного конфликта (психологический и соматический) → психоэмоциональный стресс не блокируется психологической защитой → формируется очаг напряжения функциональной активности физиологической системы → воздействие на

нейро-вегетативно-эндокринную систему → хроническое адаптивное напряжение (незавершенная адаптация – дизадаптация) → доминанта психической патологической импульсации → формирование «порочного круга» → невротические защитные механизмы (невротические состояния) → декомпенсация, проявляющаяся клинической симптоматикой → генерализация психосоматического заболевания → система, «орган мишень» → создание устойчивой патологической системы (дизадаптация) → закрепление патологической системы → хронизация патологического процесса и соответствующих нервных расстройств.

При этом, функциональные состояния организма динамически могут изменяться, переходя от состояния физиологической нормы к допатологическим и преморбитным состояниям, в которых присутствуют дизадаптация и предболезнь. В дальнейшем происходит срыв (полном) механизмов адаптации и развивается дизадаптация (болезнь).

Переход от здоровья к болезни не является внезапным. Между этими состояниями имеется ряд переходных состояний. Переходные стадии могут быть обусловлены различными факторами, связанными преимущественно с длительным воздействием психоэмоциональных нагрузок, неудовлетворительных производственных, социально-бытовых условий и т.д.

Максимальные величины показателей дизадаптации выявлены при медицинском стаже 0-5 лет. Факторами или причинами высоких показателей нарушения психологического и соматического компонент, при стаже работы в профессии 0-5 лет, могут быть: **психологические** - длительный период не работы по специальности (саморегуляция, психологические защиты, коммуникативные качества и т.д.) и **профессиональные** - низкие показатели общетеоретических и практических знаний; профессиональная пригодность (несоответствие выбранной профессии); несоответствие оптимальных характеристик профессионально значимых личностных качеств.

При профессиональном стаже 0-5 лет первичные (физиологические) механизмы саногенеза не срабатывают и включаются вторичные (патофизиологические) саногенетические механизмы, которые приводят к формированию деструктивной профессионально-психологической адаптации.

Попытаемся понять, почему в начале профессионального пути (0-5 лет) у специалистов отмечается резкий рост психологических и соматических показателей.

Пусковым механизмом в развитии патологии является психологический компонент, который запускает психологические защиты, которые не срабатывают и приводят к патологическим формам защиты в форме профессионального выгорания, так как специалист не обладает в должной мере теоретическими и практическими навыками их применения. В дальнейшем происходит переход от удовлетворительной адаптации к дизадаптации, которая имеет специфику и особенности с преобладанием донозологических, преморбитных состояний, т.е. состояния предболезни. В этом случае соматический компонент сопровождается заболеваемостью, которая имеет острую, подострую форму и рецидивы.

В качестве профилактики, преодоления процессов и состояний нарушения адаптации необходимо особое внимание обратить на применение эффективных психологических и лечебных технологий, направленных на сохранение здоровья, снижение рисков и продления профессионального долголетия.

Выводы и практические рекомендации. В результате выполненной работы выявлены три периода изменения профессионально-психологической адаптации, показаны тесные статистически значимые корреляционные связи в первом и третьем периодах. Показана ведущая, опережающая по уровням и динамике роль психологической компоненты в формировании профессионально-психологической адаптации.

Выявлены некоторые причины возникновения невротических расстройств и соматических нарушений у медицинских работников на разных стадиях нарушения адаптации.

Вся профилактическая работа должна выстраиваться по принципу создания конструктивной профессионально-психологической адаптации, что позволит правильно распределять финансирование и, кроме того, значительно сократить затраты на профилактику и лечение специалистов.

Причем, профилактика должна начинаться с момента приема на работу, для этого важно учитывать прерывистость медицинского стажа (отсроченность вхождения в профессию).

Профилактическая работа в организации должна быть направлена на повышение психологической и профессиональной компоненты специалистов, которые имеют длительный перерыв работы в профессии, путем проведения

психологических тренингов и курсов повышения квалификации или введения наставничества.

В стадии профессионально-психологической дизадаптации требуется проведение следующих мероприятий: консультирование по результатам психодиагностики и индивидуальное психологическое консультирование по личному запросу. При этом можно использовать групповую психокоррекционную работу, которая может включать психопрофилактическую (тематическую) и психокоррекционную группу.

Нами разработаны и изданы практические рекомендации, в которых предлагаются различные методы саморегуляции психического состояния с использованием дыхательных техник, техник, основанных на напряжении и расслаблении мышц, комплексы упражнений для саморегуляции, методы регуляции раздражения и агрессии и др., которые можно использовать для профилактики профессионально-психологической дизадаптации [10].

1. Воронин А.Н., Николаев Е.Л. Психологическое исследование личности врача в отношении к профессиональной деятельности // Вестник Чуваш. ун-та. 2013. № 1. С. 79-85.

2. Гольменко А.Д., В.А.Хаптанова, Е.Л.Выговский, В.П.Ильин и др. Профессионально-психологическая адаптация медицинских работников. Иркутск: Изд-во Иркут, 2016. 147 с.

3. Гольменко А.Д., В.А.Хаптанова, Е.Л.Выговский, В.П.Ильин и др. Концептуальные подходы к профилактике эмоционального выгорания медицинских работников. Иркутск: Изд-во Иркут, 2014. 163 с.

4. Ермолина Т.А., Н.А. Мартынова, А.Г. Калинин, С.В. Красильников. Состояние здоровья медицинских работников. Обзор литературы // Вестник новых медицинских технологий. 2012. Т. XIX, № 3. С. 197-200.

5. Косарев В.В., Бабанов С.А. Профессиональные заболевания медицинских работников : монография. Самара : ООО «Офорт», 2009. 231 с.

6. Измеров Н.Ф. Глобальный план действий по охране здоровья работающих на 2008–2017 гг.: пути и перспективы реализации // Медицина труда и промышленная экология. 2008. № 6. С. 1–9.

7. Максимов И.Л. Состояние здоровья врачей многопрофильной больницы // Здравоохранение РФ. 2003. №3. С. 38-39.

8. Орлов Ф.В., Николаев Е.Л. Медико-психологическая помощь медсестры больным с пограничными психическими расстройствами // Мед. сестра. 2007. № 1. С. 11-12.

9. Орлов Ф.В., Николаев Е.Л. Психологические особенности эмоционального выгорания у среднего медицинского персонала психиатрического учреждения// Вестник психиатрии и психологии Чувашии. 2013. № 9. С.69-78.

10. А.Д. Гольменко, А.М. Лужецкая, В.А. Хаптанова, Е.Л. Выговский. Практические рекомендации для снижения и управления профессиональным выгоранием. Иркутск: Изд-во Иркут. 2014. 52 с.

11. Романов С.Н., Николаев Е.Л., Голенков А.В. Сравнительное исследование адаптивных характеристик личности у студентов и врачей // Вестник Чуваш. ун-та. 2012. № 3. С. 469-473.

ВЛИЯНИЕ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА МИРОВОЗЗРЕНИЕ И СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ.

Д.Г. ЗУБАРЕВ

В статье приведены теоретический подход и результаты исследования смысложизненных ориентаций по методике Д.А. Леонтьева для наиболее важных профессий занятых экстремальными видами деятельности- следователей и оперуполномоченных. Приведено сравнение средних значений показателей обеих групп по уровням субшкал и общей осмысленности жизни. Полученные результаты проинтерпретированы.

Ключевые слова: экстремальная деятельность, полиция, мировоззрение, смысложизненные ориентации, барьер, сотрудники, Локус контроля-Я.

В психологическом понимании смысл- это выражение отношения субъекта к явлениям объективной действительности. Определяющим признаком личностного смысла является осмысленность жизни. В психологической теории личности смысл связан с мировоззрением. Эта связь проявляется в обретении личностью более высокого уровня осознания действительности [6].

Знания, наряду с эмоциями, являются психологическими составляющими мировоззрения. Разные люди по-разному понимают и объясняют происходящее, по-разному интерпретируя одну и ту же ситуацию. Представляемая реальность может стать даже больше чем реальность потому, что «открывается целый мир того, что может быть построено, и потому, что мышление становится свободным по отношению к реальному миру»[13, С.75]. Мировоззрение, обуславливая жизненную ориентацию человека, интегрирует знания и опыт в ценностную картину мира и выражает отношение к действительности и самому себе [3, С.200]. Мировоззрение в своей психологической структуре включает представления, ранее сложившиеся убеждения и взгляды. Убеждения формируются не только в результате воспитания и профессиональной подготовки, но и вырастают из жизни как продукт взаимодействия человека со средой. Важным показателем уровня мировоззрения является, помимо высокой степени обобщенности и глубокой осознанности знаний, убежденность в истинности проявления сильных эмоций и чувств при необходимости защиты своих взглядов и убеждений, активное отстаивание их в любых обстоятельствах. Формирование научного мировоззрения накладывает

отпечаток на психику и деятельность человека, на отношение к будущей профессии и коллективу. Поскольку люди переживают свою жизнь в свете того, что они считают осмысленным, т.е. в свете индивидуальных подходов к жизни, ценности выступают связующим звеном между смыслом и личностью [9, С.20] Способы воспроизведения реальности личностью определяются особенностями организации индивидуального опыта, и оказывают влияние на личностные черты и особенности поведения [13, С.75]. Наиболее ярко такое явление может проявляться в группах людей схожих профессий (особенно опасных), объединённых одними и теми же целями, убеждениями, взглядами, но принадлежащих к различным экстремальным видам деятельности.

Ценности культуры и общечеловеческие ценности, обладая социальным и нравственным значением, служат предпосылкой для обретения единого смысла существования группы или целого народа. В. Франкл указывал, что нет универсального смысла жизни, тем не менее, предполагал наличие в обществе неких общих смыслов разделяемых людьми на протяжении истории: «Обладание ценностями облегчает человеку поиск смысла. А противоречия ценностей отражается в душе человека в форме ценностных конфликтов, играя важную роль в формировании ноогенных неврозов» [11, С.52]. Поэтому, этические критерии профессиональной деятельности полиции требует от сотрудников реализации в профессиональном поведении высших нравственных ценностей («основ морального духа»), формирования единства убеждений и взглядов, а также обладать общими, едиными для каждого категориями морального сознания [8].

Этический кодекс российских полицейских наиболее полно отражает предъявляемые к сотрудникам полиции требования в использовании нормативно-правовых и этических знаний при осуществлении профессиональной деятельности разными подразделениями, входящими в состав полиции [5]. При этом одной из профессиональных мировоззренческих проблем признанных юристами является существования некой стены, отчётливой границы, между двумя государственными институтами- органами юстиции и сыска [2]. Граница может трактоваться как раздел смысловых пространств и выражать собой ограничения в процессе собственного мышления [7, С. 106].

Осознание смысла жизни, позволяет личности спланировать до какой-то степени свой профессиональный жизненный путь, сориентировать свои намерения, перспективы, выбрать профессию по призванию. От смысла жизни зависит выбор критериев общения и взаимоотношения с другими людьми. Поэтому кардинальная мировоззренческая проблема смысла жизни позволяет уяснить не только жизненное предназначение человека, но и уяснить сущность человека, его место в мире, в группе, в профессиональном сообществе [3, С.388].

Парадокс предъявляемых этических и психологических требований к профессиональной деятельности следователей и оперуполномоченных, порождает смысловой барьер. Разный смысл одних и тех же явлений приводит к взаимонепониманию между людьми. Несовпадение смыслов, детерминированных видом деятельности, создаёт у сотрудников препятствия для их взаимодействия и приводит к недопониманию высказываний, просьб, приказов, и является причиной конфликтов [1]. Такое поведение становится возможным по причине того, что относясь и к сфере сознания и к сфере бытия, смысл, в силу принадлежности к живому субъекту, пристрастно включён в систему его деятельностей. Т.е. сознание не только знание, но и отношение. Деятельность, придающая явлению смысл, придаёт ему и ценность, поэтому качество смыслового содержания зависит от индивидуальных особенностей в иерархии ценностей [11, С.420].

С позиции эволюционной нравственности человек стремится к полному бытию, к тому, что люди называют «хорошими ценностями», которые встроены в человеческий организм, которые можно интуитивно обнаружить: спокойствие, доброта, мужество, честность, любовь, бескорыстие и добродетель. Источником личностного смысла является самоактуализация, посредством которой человек выражает заботу о собственном «Я», и в мировоззренческом смысле «должен начинать с себя», но «он не должен собой заканчивать». [14, С.515]

Значимые различия в оценке смысло-жизненных ориентаций двух групп профессионалов предполагают возникновение психологического смыслового барьера или границы. Предпосылкой возникновения барьера, с одной стороны, служат демократические основы государства и общества, являясь продуктом культурно-исторического развития, а с другой -

субъективный смысл, вкладываемый в категории морального сознания, различный в разных профессиональных группах.

Иными словами, целям поддержания демократической стабильности общества в виде разделения предварительного следствия на следствие и сыск, противоречат цели нормативно-этических требований единства убеждений и взглядов, единства мировоззрения сотрудников, что не может не влиять на качество профессионального взаимодействия.

Полное единство недопустимо, поскольку подрывает баланс и стабильность демократического общества, а ярко выраженные психологические барьеры мешают взаимодействию и приводят к недопониманию и межличностным конфликтам. Величина такого барьера является отражением степени несоответствия индивидуальных и групповых ценностей и определяет динамику системы ценностей личностей, направленность изменений ценностей. Для принятия или не принятия тех или иных ценностей важен уровень барьера, некий пороговый показатель, ниже которого личность готова изменить собственную систему убеждений и взглядов в сторону приближения к групповым ценностям. В случае превышения порогового показателя степени несоответствия, происходит активное отрицание личностью групповых ценностей. Под воздействием совместной деятельности у членов группы формируются сходные убеждения, мнения, нормы поведения, и формируются сходные ценностные базовые ориентации, социальные и профессиональные характеристики [3, С.81].

С другой стороны, учитывая позицию В. Франкла о том, что смысл жизни может быть найден любым человеком, невзирая на пол, возраст и уровень образования, Д.А. Леонтьевым предложена методика исследования смысложизненных ориентаций, на основе теста Крамбо и Махолика и теории об экзистенциальном вакууме. Тест позволяет оценить составляющие смысла жизни личности, состоящую из смысложизненных ориентаций и общих мировоззренческих убеждений о возможности контроля жизни и веру в собственную способность осуществлять такой контроль [7,С.13].

С целью определения различий, составляющих смысложизненные ориентации, в 2014-2015 проведено обследование оперуполномоченных и следователей, работающих совместно в органах полиции возрастом от 21 до 35 лет с высшим образованием, мужского пола. В исследовании приняло участие 66 человек - 25 следователей и 41 оперуполномоченный.

Результаты обеих выборок анализировались и сравнивались по достоверности результатов общей осмысленности жизни и каждой из субшкал с помощью программы IBM SPSS Statistics-21. Полученные результаты занесены в таблицы и проинтерпретированы.

Таблица 1 - Показатели средних значений субшкал теста СЖО у следователей (СО) и оперуполномоченных (УР) (мужчины). Нормы по Леонтьеву: Цели [26,98-38,82]; Процесс [26,65-35,53]; Результат [21,16-29,76]; ЛК-Я [17,28-24,98]; ЛК-жизнь [24,34-35,94]; Общий показатель ОЖ [88,07-118,13]

Средние значения	Субшкалы					
	Цели	Процесс	Результат	ЛК-Я	ЛК-жизнь	Общая ОЖ
Следователи	34,64	33,04	28,68	23,32	34,24	113,12
Оперуполномоченные	35,0	34,0	28,8	24,1	34,20	114,9

В таблице 1 представлены средние показатели по субшкалам теста СЖО, отражающие уровень той или иной шкалы. Сопоставление показателей с тестовыми нормами позволяет сделать вывод о том, что низких показателей не наблюдается ни у следователей, ни у оперуполномоченных. Все показатели стремятся к высоким значениям, что с высокой вероятностью свидетельствует о наличии целей в жизни у испытуемых и явной нацеленности сотрудников следственных и оперативных отделов к чётким продуманным планам на будущее. Из таблицы видно, что все средние показатели по субшкалам у сотрудников следственных и оперативных отделов различаются, но находятся в пределах нормы. Тем не менее, абсолютные самые низкие и самые высокие значения находятся за пределами средних стандартных отклонений субшкал и общего показателя Осмысленности жизни для мужчин. Исходя из полученных результатов анализа, учитывая нормальное и однородное распределение, а также на основе сравнения дисперсий и средних арифметических результаты исследований сравнивались в трёх группах: с низкими, средними и высокими показателями [5, С.45]. Показатели соответствуют средним стандартным отклонениям субшкал и общего показателя Осмысленности жизни (ОЖ) (N=200) для мужчин, представленных в таблице 1 (Нормы по Леонтьеву).

Распределения количества сотрудников по уровням показателей субшкал теста Смыслоразностные ориентации представлены в таблицах ниже.

Таблица 2 - Распределение частоты низких высоких и средних баллов в показателях субшкал теста СЖО у следователей (методика Д.А. Леонтьева).

Уровень баллов в субшкалах	Количество респондентов с соответствующим уровнем баллов в показателях субшкал (%).					
	Цели	Процесс	Результат	Лк-Я	ЛК-жизнь	Общая ОЖ
Низкий	1 (4%)	5 (20%)	0	1 (4%)	0	5 (20%)
Средний	19 (76%)	11 (44%)	13 (52%)	12 (48%)	14 (56%)	10 (40%)
Высокий	5 (20%)	9 (36%)	12 (48%)	12 (48%)	11 (44%)	10 (40%)

Из таблицы 2 видно, что у большинства испытуемых показатели повышены (высокий уровень баллов). Испытуемых с низкими баллами немного. Низкие баллы в шкале Результат вообще отсутствуют. Значительное количество респондентов (12 человек) показали высокие результаты по субшкалам Лк-Я и Результат. Высокие баллы по шкале Результат и низкие по другим характеризует человека, который доживает свою жизнь, но смысл остатку жизни может придать прошлое. Большое количество сотрудников (14 человек-56 %) продемонстрировали средние показатели по шкале ЛК-жизнь. Но средние значения в выборке приближены к высокому значению нормы ($\Sigma_{\text{ср}}=34,24$ норма 35,94). Высокие баллы по этой шкале –убеждение в том, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь. Это единственный показатель, среднее значение которого больше, чем в выборке оперуполномоченных. Значит, следователи в массе своей больше оперуполномоченных убеждены в том, что свободно контролируют свою жизнь, свободно принимают решения и воплощают их. Ни один следователь не продемонстрировал низкую способность к контролю и свободе выбора. Такой результат можно объяснить спецификой профессиональной

деятельности, возлагающей на следователя процессуальные обязанности единолично принимать решения, обязательные для исполнения другими людьми. Субшкалы Лк-Я и Лк-жизнь, по мнению автора методики, характеризуют тесно связанный с осмысленностью жизни внутренний локус контроля и мировоззренческое убеждение в том, что контроль возможен и веру в собственную способность осуществлять такой контроль (Образ-Я). В то же время, 19 человек (76%) показали средний уровень значений по шкале Цели. Это характеризует респондентов, как в меру устремлённых людей, обладающих целями в будущем, имеющих реальную опору в настоящем, подкреплённой личной ответственностью за их реализацию.

Таблица 3 - Распределение частоты низких высоких и средних баллов в показателях субшкал теста СЖО у оперуполномоченных (методика Д.А. Леонтьева).

Уровень баллов в субшкалах	Количество респондентов с соответствующим уровнем баллов в показателях субшкал (%)					
	Цели	Процесс	Результат	Лк-Я	ЛК-жизнь	Общая ОЖ
Низкий	4 (10%)	4 (10%)	5 (12%)	3 (7%)	3 (7%)	7 (17%)
Средний	24 (58%)	22 (54%)	17(42%)	16 (39%)	18 (44%)	14 (34%)
Высокий	13 (32%)	15 (36%)	19 (46%)	22 (54%)	20 (49%)	20 (49%)

Из таблицы 3 видно, что у большинства испытуемых средние и высокие показатели субшкал. Наибольшее количество респондентов, 24 человека (58%), демонстрируют средний уровень баллов по шкале Цели, что демонстрирует схожие со следователями результаты, и характеризует оперуполномоченных как целеустремлённых людей с выраженной степенью личной ответственности за реализацию планов. По шкале Результат оперуполномоченные демонстрируют высокие значения, выше нормы, но в пределах стандартных отклонений ($\Sigma_{cp}=28,8$ норма 25,46). Высокие значения по шкале результат, больше чем у следователей, характеризуют их

как людей удовлетворенных самореализацией, и ощущающих, что прожитая часть их жизни продуктивна и осмысленна. Небольшая часть оперуполномоченных продемонстрировала низкие значения по субшкале Результат (12 %), что интерпретируется субъективной неудовлетворённостью прожитой частью жизни, низкой степенью концентрированности на выполнении задач и может быть связана с профессиональными достижениями [7, С.15]. Различия в понимании и оценке прошлого у 58% оперуполномоченных и 48% следователей. Большое количество испытуемых показали высокие баллы по мировоззренческим шкалам Локус контроля- Я (Я-хозяин жизни)-22 человека (54%) и Локус контроля- жизнь (или управляемость жизнью)- 20 человек (49%). Высокие баллы по мировоззренческой шкале Локус контроля- жизнь характеризует оперуполномоченных как людей свободно контролирующих свою жизнь, свободно принимающих решения и воплощающих их. Но в отличие от следователей в выборке оперуполномоченных имеется небольшое количество результатов с низкими баллами ($\Sigma_{ср}=34,20$ - оперуполномоченные, $\Sigma_{ср}=34,24$ –следователи при норме 35,94), демонстрирующих низкую способность к контролю и свободе выбора. Большое количество сотрудников, больше чем у следователей (54% у оперуполномоченных против 48% у следователей), демонстрируют значения по шкале Локус контроля- Я, выше чем у следователей, что характеризует их как более сильных личностей, считающих, что обладают достаточной свободой выбора, чтобы строить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о смысле. С другой стороны, в группе респондентов со средними значениями субшкалы Локус контроля- Я показатели следователей ($\Sigma_{ср}=24,1$ или 48 % при норме 21,13) выше чем у оперуполномоченных ($\Sigma_{ср}=23,07$ или 39%).

Общая осмысленность жизни значимо различается в группах оперуполномоченных и следователей с высокими показателями- 20 человек (49%) и 10 человек (40%) соответственно.

Средние показатели осмысленности жизни и субшкал теста СЖО в группах следователей и оперуполномоченных, ввиду неравных выборок сравнивались с помощью критерия t-Стьюдента. Вся совокупность была поделена на высокие, средние и низкие показатели и сравнивались попарно. Оценка достоверности различий с использованием критерия t-Стьюдента

показала достоверные различия по шкалам Процесс, Результат, Локус контроля- Я (Образ- Я), Общая осмысленность жизни.

Таблица 4 – Определение показателей t-эмпирическое в методике СЖО Д.А. Леонтьева с помощью критерия t- Стьюдента между сотрудниками следственных(СО) и оперативных подразделений(УР) в низких высоких и средних баллах.

H ₀ , гипотеза	t _э						df
	Цели	Процесс	Результат	Лк-Я	ЛК-жизнь	Общая ОЖ	
Ур низ=СОниз	1,02	1,19	2,203**	0,413	0,891	0,702	12
Ур ср =СОср	1,46	3,06***	0,402	1,73*	0,879	0,602	24
УРвыс=СОвыс	1,379	0,539	3,5***	5,54****	1,24	2,12**	28

* $\rho < 0,1$ ** $\rho < 0,05$ *** $\rho < 0,01$ **** $\rho < 0,001$

Гипотеза о равенстве генеральных совокупностей обеих выборок не принимается: в Субшкале Процесс при средних значениях баллов, при уровне значимости $\rho < 0,01$; субшкале Результат при низких значениях баллов, с уровнем значимости $\rho < 0,05$ и высоких значениях баллов с уровнем значимости $\rho < 0,01$; субшкале Локус контроля-Я при средних значениях баллов с уровнем значимости $\rho < 0,1$ и высоких значениях баллов с уровнем значимости $\rho < 0,001$; а также высоких значениях баллов в Общей осмысленности жизни, с уровнем значимости $\rho < 0,05$.

Таблица 5 –Определение достоверности различий результатов в методике СЖО Д.А. Леонтьева с помощью критерия t- Стьюдента между сотрудниками следственных и оперативных подразделений.

Субшкалы	Проц.(ср)	Рез.(низ)	Рез.(выс)	Лк-Я(ср)	Лк-Я(выс)	Общ.ОЖ(выс)
H ₁ гипотеза	СО>Ур*	СО>Ур**	Ур>СО**	СО>Ур*	Ур>СО**	Ур>СО**
СО(ср.знач)	35	25,6	30,2	24,1	24,8	122,6

УР(ср. знач)	32	21,71	32,64	23,07	26,8	127,8
--------------	----	-------	-------	-------	------	-------

* $p < 0,1$ ** $p < 0,05$ *** $p < 0,01$ **** $p < 0,001$

Таблица 6 - Соотношение значимых различий в субшкалах теста СЖО Д.А. Леонтьева у следователей и оперуполномоченных (в %).

Субшкалы	Процесс	Результат		Лк-Я		Общ.ОЖ
	Процесс(ср)	Рез.(низ)	Рез.(выс)	Лк-Я(ср)	Лк-Я(выс)	Общ.ОЖ(выс)
Следоват. (%)	44%	0%	48%	48%	48%	40%
	44%	48%		96%		40%
Оперные(%)	54%	12%	46%	39%	54%	49%
	54%	58%		93%		49%

Наиболее сильно выражены различия в Локусе контроля Я (образ –Я) следователей и оперуполномоченных. В сумме 93% оперуполномоченных и 98% следователей не находят единства в оценке собственного Я, что может приводить к различию в мировоззрении, ценностей и смыслов. Различия в оценке образа-Я воплощает собой различия в убеждениях и взглядах и проявляется в смысловом барьере между службами.

На основании теоретического предположения, о возможном определении порогового значения, определяющего смысловой барьер, можно сделать вывод, что в 33% показателей смысложизненных ориентаций оперуполномоченных и следователей выявлены значимые различия, а в 67 % показателей значимых различий не наблюдается. Такое соотношение подтверждает гипотезу о том, что с точки зрения нормативной этики, абсолютного единства во взглядах быть не может, а максимальных различий быть не должно. Существование мировоззренческой границы или барьера между службами снижает качество взаимодействия между юстицией и сыском с одной стороны, а с другой стороны служит балансом между службами и способствует поддержанию стабильности общества. Наиболее выраженные отличия зафиксированы в мировоззренческом представлении о себе как о сильной личности- Локусе контроля –Я (Я –хозяин жизни).

Несмотря на то, что показатели и оперуполномоченных и следователей гораздо выше нормы, тем не менее пороговый уровень образа –Я (Локус контроля-Я) достоверно отличается. Это значит 93% оперуполномоченных и 98% следователей представляют себя более сильной личностью, чем сотрудники из другого отдела, и поэтому строят свою жизнь, а значит и профессиональную деятельность в соответствии со своими целями и представлениями о её смысле, что порождает ценностно-смысловой барьер. Различия в мировоззрении сотрудников, выявленные в результате исследования, могут быть объяснены не только личностными особенностями, но и влиянием на личность, в той или иной степени, разных видов экстремальных условий жизнедеятельности.

1. Барьер смысловой [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://psychology.net.ru/dictionaries/psy.html?word=89>, свободный. (Дата обращения 31.01.2014)

2. Безлепкин Б.Т. Настольная книга следователя и дознавателя. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2012.

3. Дьяченко М.И., Кандыбович Л. А. Психологический словарь -справочник. М.: АСТ, 2001. 576 с.

4. Журавлёва Н.А. Психология социальных изменений: ценностный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 524 с.

5. Зубарев Д.Г. Анализ отношения к добру и злу следователей и оперуполномоченных как характеристики качества профессионального взаимодействия // European Social Science Journal. 2014. №5 том 1.

6. Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. Учебное пособие. СПб.: Речь, 2004. 392 с.

7. Петровский В.А. Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010. 559 с.

8. Приказ МВД России от 24.12.2008 г. № 1138 «Об утверждении Кодекса профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации» (в ред. от 20.03.2014)

9. Серый А.В., Яницкий М.С. Ценностно-смысловая сфера личности: учебное пособие. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 1999. 92 с.

10. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М. : Смысл, 2000. 18 с.

11. Филосовский энциклопедический словарь . М.: ИНФРА-М, 2003. 576 с.

12. Франкл В. Воля к смыслу. Пер. с англ. яз. М. : Институт Общегуманитарных Исследований. 2015 . 144 с.

13. Холодная М.А. Психология понятийного мышления: От концептуальных структур к понятийным особенностям. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 288 с.

14. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия /Пер. с английского Т.С. Драккиной.- М.: РИМС, 2008. 608 с.

ТИП ПРИВЯЗАННОСТИ У ДЕТЕЙ С ОНКОЛОГИЧЕСКИМ ЗАБОЛЕВАНИЕМ

С.А.КОВАЛЬЧУК, И.С.ИЛЬИНА, А.Н. МАЛЫШКИНА

В рассмотрено влияние сформировавшегося ненадежного типа привязанности на возникновение онкологических заболеваний у детей. Разрыв эмоциональной связи ребенка с объектом привязанности, на ранних этапах его развития может с достаточной вероятностью привести к травматизации ребенка, что в совокупности с биологическими факторами может усилить риск развития онкологического заболевания.

Ключевые слова: привязанность, надежный тип, амбивалентный тип, избегающий тип, онкологическое заболевание.

Введение. Гармоничные отношения можно назвать одним словом: привязанность. Привязанность – это желание не обязательно физической близости, напротив, более развитые формы привязанности позволяют быть близкими на расстоянии и в разлуке. Потребность в привязанности является базовой эмоцией всех млекопитающих [1].

На данный момент теория привязанностей Дж. Боулби, возникшая из клинической практики, является полноправной психологической концепцией [6]. Волкова Е.Е. и соавторы провели анализ различных концепций привязанности и сходных с ней понятиями и сделали вывод о том, что именно теоретический взгляд Дж. Боулби является базовым и его можно соотнести с любыми другими подходами [3]. Теория послужила основой для ряда психологических исследований в которых, было установлено, что потеря значимой эмоциональной связи может играть важную роль в воздействии на иммунную систему и через изменения гормонального равновесия привести к повышенному производству атипичных клеток. Это состояние создает физические предпосылки для развития онкологического заболевания [7].

Данные о влиянии сформировавшегося ненадежного типа привязанности на возникновение онкологических заболеваний у детей, полученные в ходе исследования, могут быть учтены как для повышения эффективности реабилитации больных во время ремиссии, так и в разработке методов предотвращения самого заболевания. Большая часть исследований направлены на изучение влияния заболевания на личность ребенка и на отношения в семье, а предпосылки возникновения заболевания, связанные с семейными отношениями, изучены мало.

Таким образом, актуальность исследования определяется важностью изучения предпосылок возникновения онкологических заболеваний, а также

недостаточным исследованием влияния семейных отношений на возникновение заболевания.

Цель исследования: исследовать типы привязанности у детей, болеющих онкологическим заболеванием и сравнить их с типами привязанностями детей, не болеющих онкологическим заболеваниями.

Методы исследования. В исследовании принимали участие дети, болеющие онкологическим заболеванием и дети, не болеющие онкологическим заболеванием. Основную группу (ОГ) представили 15 детей с онкологическим заболеванием, находящихся на стационарном лечении в Краевой детской клинической больнице №1, в детском онкогематологическом отделении, в возрасте 7-10 лет. Группа сравнения (ГС) включала 15 детей, не болеющих онкологическим заболеванием в возрасте 7-10 лет, обучающихся в школе МБОУ СОШ № 5 п. Тавричанка. Таким образом, в исследовании принимали участия 30 человек в возрасте от 7 до 10 лет.

В исследовании использовался метод беседы и следующие психодиагностические методики: шкала К. Кернс на определение надёжности привязанности ребёнка к родителям, методика Р. Жилия «Межличностные отношения ребенка», рисуночная методика «Мать и дитя» (М.В. Мельникова).

Исследование проходило в несколько этапов. На первом этапе проводилась индивидуальная беседа для установления доверительного контакта с детьми. Беседа была направлена на описания отношения ребенка к матери (объекта привязанности), уточнялся состав семьи. Второй этап заключался в проведении тестирования. Исследуемым предоставлялись бланки тестирования. На третьем описательно-итоговом этапе полученные данные были проанализированы и обобщены с помощью описательного и корреляционного анализа. Для выявления различий в двух группах исследуемых был использован непараметрический U-критерий Манна-Уитни.

Анализ и интерпретация результатов.

Таблица 1 - Анализ данных по шкале К. Кернс

Уровень привязанности	Кол-во чел. (дети болеющие онкологическим заболеванием)	Кол-во чел. (дети не болеющие онкологическим заболеванием)
Высоконадежная	3	2

Условно надежная	5	7
Ненадежная	7	6

У 7 из 15 детей из ОГ и 6 из 15 детей из ГС преобладает ненадежная степень привязанности, что может говорить об их неуверенности в своих возможностях и недостаточности эмоционального контроля. Им может быть свойственна как зависимость и страх отвержения окружающими (что соответствует амбивалентному типу привязанности), так и, наоборот, отстранённость и стремления держать дистанцию с окружающими, тревога при сближении (соответствует избегающему типу привязанности) [4]. Условно надежная степень привязанности была выявлена у 5 детей из ОГ и у 7 детей из ГС. Такие дети в благоприятной, не несущей угрозу обстановке уверены в себе и с легкостью устанавливают контакт с окружающими, обладают достаточным уровнем эмоционального контроля, уверенностью в своих возможностях, высоким уровнем адаптации [2]. Всего у 3 детей из ОГ и у 2 детей из ГС выявлена высоконадежная привязанность. Таким детям не составляет трудность установление близких отношений, также они не тревожатся, что отношения будут прерваны. Статистическое сравнение данных исследования привязанности у детей из ОГ и у детей из ГС значительных различий не выявило ($U=105,0$; $p>0,5$).

Таблица 2 - Анализ данных по результатам методики Р. Жилия «Межличностные отношения ребенка»

Уровень доверия	Кол-во чел. (дети болеющие онкологическим заболеванием)	Кол-во чел. (дети не болеющие онкологическим заболеванием)
Высокий	3	4
Умеренный	10	9
Низкий	2	2

У детей болеющих онкологическим заболеванием (10 детей из 15) и у детей, не болеющих онкологическим заболеванием (9 детей из 15) преобладает *умеренный уровень* доверия к матери. Такие дети могут довериться матери и в ситуациях угрозы рассчитывают на её помощь и поддержку. Троице детей из ОГ и четверым детям из ГС свойственен высокий уровень доверия к матери. Мать для таких детей является главным объектом. Меньшему количеству детей как из ОГ (2 детей из 15), так и из ГС (2 детям из 15), свойственен низкий уровень доверия к матери. Они не стремятся к взаимодействию с ней и не ищут у нее поддержки. Сравнение и

статистический анализ полученных данных указывает на отсутствие значимых различий в данной методике. ($U=101,5$; $p>0,5$)

Таблица 3 - Анализ данных по результатам методики «Мать и дитя»

Тип привязанности	Кол-во чел. (дети, болеющие онкологическим заболеванием)	Кол-во чел. (дети, не болеющие онкологическим заболеванием)
Надежная	5	6
Амбивалентная	8	9
Избегающая	2	-
Дезорганизованная	-	-

У 8 детей из 15 болеющих онкологическим заболеванием и у 9 детей из 15 не болеющих онкологическим заболеванием, преобладает амбивалентный тип привязанности, для них характерна зависимость от чужого мнения и страх отвержения от коллектива, в котором они взаимодействуют. Они сомневаются в своих возможностях, не уверены в себе. На амбивалентный тип привязанности указывают такие элементы рисунка, как отсутствие прорисованных черт лица, отсутствие контакта матери и ребенка, отсутствие обозначения половых признаков у матери и ребенка [5]. Надежный тип привязанности был выявлен у 5-ти из ОГ и у 6-ых детей из ГС. На это указывают такие особенности рисунков, как: наличие контакта матери и ребенка (например, держатся за руки, смотрят друг на друга), пропорциональность изображения матери и ребенка. При пострисуночном опросе дети с таким типом привязанности отмечают спокойствие и благоприятность обстановки, положительное эмоциональное состояние героев рисунка («радуются», «в хорошем настроении»). Отвечая на вопрос «Что они делают?», дети отмечают совместную деятельность матери и ребенка («гуляют», «идут вместе в магазин» и пр.). Дети с надежным типом привязанности достаточно уверены в себе, ценят себя, дружелюбны в установлении межличностных отношений, легко регулируют свои эмоциональные проявления.

Таким образом, проведя качественный анализ по данной методике, можно сделать вывод, о том, что у детей из обеих групп чаще встречается амбивалентный тип привязанности. Мать у амбивалентно привязанных детей не всегда правильно распознавала сигналы своего ребенка или вообще на них не реагировала, что в дальнейшем и повлекло за собой неуверенность ребенка в себе, нерешительность и зависимость от окружающих. У детей с надежным типом привязанности, вероятно, мать была отзывчива к сигналам

ребенка и поэтому их можно описать как в себе уверенных, решительных и смелых личностей. Они дружелюбно настроены к окружающему их миру, им не трудно налаживать межличностные отношения [5].

Выводы. Сопоставив результаты методик можно предположить, что преобладающему количеству детей из ОГ и ГС свойственен амбивалентный тип привязанности, характеризующийся неуверенностью ребенка в себе, нерешительностью и зависимостью от окружающих, от чужого мнения, страхом отвержения от коллектива, в котором ребенок взаимодействует.

Результаты качественного и количественного анализа по трем проведенным методикам значимых различий не выявили. Возможно, это связано с малым объемом выборки. Требуется расширение выборки для уточнения полученных данных.

1. Боулби Джон. Создание и разрушение эмоциональных связей. М., 2014
2. Василенко М.А. Привязанность к матери как фактор ранней социализации: автореф. дис... канд. псих. Наук. Курск, 2011.
3. Волкова Е.Е., Капустина Т.В., Черемискина И.И. Развитие модели привязанности в контексте различных теоретических подходов // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2017. Т. 6. № 1А. С. 45-53.
4. Калмыкова Е.С., Падун М.А. Качество привязанности как фактор устойчивости к психической травме // электронный Ж. практ. психологии и психоанализа. 2002. № 1.
5. Мельника М.Л. «Рисунок мать и дитя» в диагностике привязанности: методическое руководство / Научи. ред С.Ф Сироткина - Ижевск ERGO, 2007.
6. Павлова О.Н. Теория привязанности, стили привязанности и особенности её нарушения // Семейная психология и семейная терапия, 2001. № 2.
7. Саймонтон К., Саймонтон С. Психотерапия рака. СПб: Питер, 2001.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПЕРЕЖИВАНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ У СТУДЕНТОВ

А. В.КОТЕНЕВА

В работе изучены взаимосвязи переживания террористической угрозы студентами (59 человек) и психологического здоровья. Результаты показывают, что интенсивность переживания террористической угрозы тесно связана с реализацией ресурсов психологического здоровья в разных сферах жизнедеятельности человека. Важными факторами совладания с этими переживаниями выступают способности к целенаправленной деятельности в стрессовых ситуациях, к помогающему поведению, к развитию интеллектуального и творческого потенциала.

Ключевые слова: ресурсы психологического здоровья, переживание террористической угрозы, травматический стресс, психологическое здоровье, экстремальная ситуация.

Проблема исследования. Проблема сохранения и обретения здоровья личности становится все более актуальной для современного общества. Но и для человека необходимо осознание ценности здоровья как основы своего существования, самореализации и профессионального становления. В психологической науке содержание понятия здоровья личности понимается как психологическое здоровье. Если психическое здоровье человека означает сохранность психических функций и сформированность психических процессов, то психологическое здоровье относится к личности человека, к тем интегральным качествам, которые позволяют ему полноценно функционировать в обществе.

Понятие психологического здоровья возникло в гуманистической психологии А. Маслоу, Г. Олпорта, К. Роджерса, Э. Фромма и рассматривается в контексте самоактуализации, активности и зрелости личности, ее свободы и творчества. В трансперсональной психологии А. Маслоу, К.Г. Юнга, С. Грофа здоровье личности отождествляется с духовным здоровьем, то есть наличием у человека духовных целей в жизни, опыта трансценденции и духовной целостности [6, с. 214 – 216]. В отечественной психологии содержание данного понятия обозначает разные смыслы: и обретение родовой человеческой сущности, и реализацию физических, психических и духовных ресурсов, и духовно-нравственное здоровье [6, с. 210 – 214].

Сегодня практическую значимость приобретают исследования не только «ресурсов» здоровья личности студентов, которые необходимы для самореализации, духовного и профессионального становления, но и для выживания в трудных, экстремальных ситуациях [5; 7]. В последние годы во

многих странах мира отмечается рост числа террористических актов. Они встречаются реже, чем стихийные бедствия, техногенные аварии, социальные конфликты и антропогенные катастрофы. Но по своему воздействию на психику и поведение человека они не уступают последствиям любой другой ситуации, представляющей угрозу для его жизни и здоровья.

Суицидальный терроризм способствует возникновению особого рода экстремальных ситуаций, создающих атмосферу страха, беспомощности, уязвимости и неуверенности. Они характеризуются внезапностью, непредсказуемостью, бескомпромиссностью, жестокостью, несут прямую угрозу для существования человека и его психологической и физической безопасности. Как показывают исследования Н.В. Тарабриной и Ю.В. Быховец, теракты оказывают сильное влияние на участников события, вызывая у них целый ряд психопатологических, психологических и социально-психологических последствий [9]. Однако подобные нарушения могут возникнуть не только у наблюдателей и участников трагедии, но у тех, кто следил за развитием событий через телерепортажи. Информационные сообщения, содержащие материал об угрозе террористического акта, являются сильным травматическим стрессором. Именно поэтому у свидетелей терактов посредством СМИ, могут возникать признаки посттравматического стресса от переживаний угрозы стать жертвой нового теракта [9].

В ряде работ Ю.В. Быховец, В.В. Знакова, А.В. Котеневой, Н.В. Серединой, Н.В. Тарабриной выявлены различия в особенностях переживания террористической угрозы представителями разных профессиональных групп, полов, этнической идентичности, исследованы взаимосвязи степени переживания террористической угрозы и тревожности, экстраверсии, интроверсии, нейротизма, уровнем психологической безопасности личности, духовно-нравственных и когнитивных факторов [3; 4; 8; 9].

Вместе с тем, взаимосвязь переживания террористической угрозы и психологического здоровья студентов недостаточно исследованы. В исследованиях психологического здоровья студентов делается акцент преимущественно на изучении его компонентов и структуры, взаимосвязи психологического здоровья и личностных качеств, психологического благополучия, осмысленности и удовлетворенности жизнью [1]. Остается открытым вопрос о том, какие сферы психологического здоровья нарушаются под влиянием переживания террористической угрозы.

В исследовании предполагалось, что степень переживания террористической угрозы студентами и их психологическое здоровье тесно связаны между собой, а именно, сильные эмоциональные реакции на информационную угрозу неизбежно будут сопровождаться снижением ресурсов психологического здоровья и их использованием в значимых для студентов сферах жизнедеятельности – в социальной, творческой, семейной и гуманистической.

Методики исследования и выборка. Выборку исследования составили 59 студентов московских университетов в возрасте от 17 до 23 лет, 38 девушек и 21 юноша. В целях изучения психологических последствий террористических актов, признаков травматического стресса, устойчивости к угрозе и способностей к антиципации совершения новых терактов применялся «Опросник переживания террористической угрозы» (ОПТУ-21) Н.В. Тарабриной, Ю.В. Быховец [9]. Структура и направленность психологического здоровья определялась на основе «Методики диагностики психологического здоровья» А.В. Козлова. Она позволяет выявить степень выраженности восьми сфер реализации здоровья личности: «стратегический вектор», «просоциальный вектор», «Я-вектор», «творческий вектор», «духовный вектор», «интеллектуальный вектор», «семейный вектор» и «гуманистический вектор» [2]. Статистическая обработка полученных данных осуществлялась с помощью компьютерной программы PASH Statistics 18 и Microsoft Office Excel 2013. В работе применялся корреляционный анализ.

Основные результаты исследования и их интерпретация

Особенности переживания террористической угрозы студентами и структура их психологического здоровья. Общая характеристика выраженности показателей переживания террористической угрозы и психологического здоровья у студентов представлены в Таблице 1. Студенты, принимавшие участие в исследовании, не были реальными участниками трагедии. Они стали свидетелями терактов посредством СМИ, то есть относятся к категории «косвенных жертв» [9, с. 9]. Согласно полученным данным 6,8% опрошенных имеют высокие значения интегрального показателя переживания угрозы террористического акта. У 57,6% студентов наблюдается средний и у 35,6% – низкий уровень переживания террористической угрозы.

Таблица 1 - Общая характеристика выраженности показателей переживания террористической угрозы и психологического здоровья

Показатели	Среднее	Станд. отклон.	Высокий уровень (в %)	Средний уровень (в %)	Низкий уровень (в %)
Переживание угрозы террористического акта	47,2	11,6	6.8	57.6	35.6
Стратегический вектор	7,7	1,9	61	35.6	3.4
Просоциальный вектор	5,7	1,5	13.5	74.6	11.9
Я-вектор	5,4	1,8	10.2	77.9	11.9
Творческий вектор	5,3	1,9	15.3	66.1	18.6
Духовный вектор	6,5	1,9	23.7	71.2	5.1
Интеллектуальный вектор	7,1	1,9	25.4	71.2	3.4
Семейный вектор	5,7	1,8	20.3	66.1	13.6
Гуманистический вектор	5,3	1,4	3.4	84.4	10.2

В структуре психологического здоровья студентов представлены все сферы жизнедеятельности. Последовательность сфер реализации психологического здоровья у студентов выглядит следующим образом: стратегическая (7.7), интеллектуальная (7.1), духовная (6,5). Две сферы имеют одинаковые показатели – просоциальная и семейная (5,7). В меньшей степени ресурсы здоровья личности направлены на Я-вектор (5,4), творческую и гуманистические сферы (5,3).

Ведущее место среди них занимают «Стратегический вектор» и «Интеллектуальный вектор». По методике А.В. Козлова первая шкала отражает способности человека ставить перед собой адекватные цели, проявлять гибкость в их достижении, мобилизоваться на рабочее состояние, принимать нестандартные решения и сохранять психоэмоциональную уравновешенность. Так, 61 % студентов имеют высокие показатели по этой шкале и 35.6% – средние. Вторая шкала характеризует способности человека к освоению новых видов деятельности, интерес к новым знаниям в разных сферах жизни, стремление реализовать себя в исследовательских проектах. 25.4% опрошенных имеет высокий уровень выраженности этого показателя и 71.2% – средний уровень. То есть современные студенты используют ресурсы психологического

здоровья, прежде всего, на достижение поставленных целей, осуществление деятельности, развитие своих интеллектуальных задатков и способностей, необходимых для их профессионального становления и личностного роста.

Немного реже ресурсы психологического здоровья реализуются в духовной сфере. Так, 23.7% студентов имеют сильно выраженные стремления к духовному росту и 71.2% умеренные показатели. Просоциальный вектор определяет степень направленности человека на межличностное общение, соблюдение социальных норм поведения и выбор конструктивных способов решения конфликтов. 13.5% опрошенных с высокой степенью активности проявляют себя в социальном взаимодействии и 74.6% – со средней. Семейный вектор характеризует человека, который ставит интересы семьи выше своих собственных интересов, принимает участие во всех семейных делах, проявляет терпение по отношению ко всем членам семьи. Как показывают данные, у 20.3% наблюдается сильно и у 66.1% средне выраженная направленность на создание и сохранение семьи. Чем выше показатели по шкале *Я-вектора*, тем активнее человек высказывает свою позицию, умеет ее аргументировать, привлекает внимание к себе, умеет проигрывать. Наиболее высокие показатели отмечаются у 10.2% опрошенных и средние показатели – у 77.9%. Наличие творческого вектора в структуре психологического здоровья означает, что человек имеет различные хобби и интересы, занимается творчеством, свой жизненный путь воспринимают как способ реализации своих талантов. Творческая сфера в высокой степени привлекает 15.3% студентов и в средней степени – 66.1% студентов. И, наконец, показатели по гуманистическому вектору выявляют способности человека выслушать другого человека, оказать ему помощь в трудной жизненной ситуации, умения прощать, эмоционально поддерживать другого человека, жертвовать своими интересами ради другого человека. Результаты свидетельствуют о том, что среди участников опроса в этой сфере лишь незначительное их количество (3.4%) реализуют ресурсы психологического здоровья в высокой степени. Большинство студентов (84.4%) имеют средние показатели по этой шкале.

Взаимосвязь переживания террористической угрозы и психологического здоровья у студентов. Результаты корреляционного анализа показателей переживания террористической угрозы и психологического здоровья приведены в таблице 2. Как видно из таблицы 2, между показателями переживания террористической угрозы и психологического здоровья у

студентов есть целый ряд значимых взаимосвязей. Так, установлены значимые отрицательные корреляции показателя интенсивности переживания террористической угрозы и показателей стратегического ($r = -0,304$), творческого ($r = -0,411$), гуманистического ($r = -0,267$) векторов. По мере усиления переживания информации об угрозе террористического акта нарушается целеполагание, способность управлять своим функциональным состоянием, а также снижается стремление заниматься творчеством и оказывать помощь окружающим людям, проявлять по отношению к ним милосердие.

Таблица 2 - Значения коэффициентов корреляций показателей переживания террористической угрозы и показателей психологического здоровья у студентов

Показатели	ИППУТА ³	ПТС	У	А
Стратегический вектор	-0,304**	-0,104	-0,322**	-0,255*
Просоциальный вектор	-0,149	-0,126	-0,144	-0,122
Я-вектор	-0,086	-0,117	-0,212*	0,192
Творческий вектор	-0,411***	-0,533***	-0,249*	-0,193
Духовный вектор	0,112	0,085	0,050	-,085
Интеллектуальный вектор	-0,194	-0,337*	-0,220*	0,114
Семейный вектор	0,185	0,133	0,165	0,172
Гуманистический вектор	-0,267*	-0,203	-0,104	-,262*

уровень значимости: *** - $p < 0,001$; ** - $p < 0,01$; * - $p < 0,05$.

Наблюдаются также слабовыраженные связи между показателями переживания террористической угрозы и интеллектуального и семейного векторов (соответственно, $r = -0,194$ и $r = -0,185$). Это означает, что чем сильнее человек переживает угрозу, тем ниже у него интеллектуальная активность и тем выше значимость семейных отношений. То есть ориентация на цель, способность выполнять деятельность в неблагоприятных условиях, стремление раскрыть себя в творчестве, интеллектуальное развитие, забота о близких и семья могут в целом понизить невротическую симптоматику.

³ ИППУТА – интегральный показатель переживания угрозы террористического акта; ПТС - признаки травматического стресса; У – устойчивость; А – антиципация.

Результаты указывают на значимые отрицательные взаимосвязи признаков травматического стресса и творчества, интеллектуального развития ($r = -0,337$), а также слабовыраженные корреляции признаков травматического стресса и ($r = -0,203$) и помогающего поведения. Восприятие ситуации информационной угрозы как высоковероятной и опасной для жизни приводит к возникновению травматического стресса у человека. Психотравмирующие переживания могут негативным образом повлиять на творческую и интеллектуальную активность, снижение мотивации оказания помощи другому человеку. Однако, эти же результаты означают, что овладеть своими психотравмирующими переживаниями можно благодаря организации своего поведения, превращая его из хаотичного в целенаправленное. Более того, только оказывая помощь другому человеку, можно помочь и самому себе, то есть совладать с травматическим стрессом.

Похожие взаимосвязи обнаружены между устойчивостью⁴ к информационной угрозе и ресурсами реализации психологического здоровья. Так, по мере возрастания устойчивости к угрозе у студентов наблюдается улучшение целенаправленной деятельности ($r = -0,322$), способности высказывать свою позицию и отстаивать ее ($r = -0,212$), овладевать новыми знаниями и видами деятельности ($r = -0,220$).

Способность к антиципации будущих событий, несущих угрозу для жизни, сопровождается с ухудшением целеполагания, дестабилизацией функционального состояния ($r = -0,255$), а также тесно связана со стремлением человека поддерживать другого человека в трудной ситуации. Чем сильнее воспринимается вероятность возникновения террористического акта, тем меньше человек оказывается способным помогать другому ($r = -,262$). То есть возникновение панического состояния дезорганизует его поведение. Установлены также слабовыраженные связи между показателями антиципации и Я-вектором ($r = 0,192$) и творческим вектором ($r = -0,193$). Высокая способность прогнозировать возникновение теракта активизирует человека обосновывать свою позицию, вынуждает его искать аргументы и факты. Но и, наоборот, люди, склонные высказывать свои взгляды, в большей степени и прогнозируют развитие событий.

Выводы и практические рекомендации

⁴ Чем выше показатель по этой шкале, тем ниже устойчивость к угрозе.

1. По классификации Н.В. Тарабриной все студенты относятся к категории «косвенных жертв», то есть тех, «кто стал свидетелем терактов посредством СМИ». У них выявлен высокий (6,8%), средний (57,6%) и низкий уровень переживания террористической угрозы (35,6%).

2. Ресурсы психологического здоровья у студентов реализуются в большей степени в стратегической, интеллектуальной и духовной сферах. В меньшей степени ресурсы здоровья личности направлены на развитие Я-вектора, творческую и гуманистические сферы.

3. В исследовании выявлен целый ряд нарушений в психологическом здоровье студентов, которые тесным образом связаны с интенсивностью переживания угрозы. По мере усиления переживания информации об угрозе террористического акта, признаков травматического стресса, снижения устойчивости и повышенной способности к антиципации угрожающих для здоровья событий, как правило, нарушается целеполагание, способность управлять своим функциональным состоянием, снижается стремление заниматься творчеством и оказывать помощь окружающим людям.

4. Важными факторами совладания с переживаниями информационной угрозы террористического акта выступают способность к целенаправленной деятельности в стрессовых ситуациях, стремление оказывать помощь ближнему, ориентация на развитие интеллектуального и творческого потенциала.

1. Волочков А.А. Психологическое здоровье и активность студента // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2014. Вып. № 1. С. 57 – 68.

2. Козлов А.В. Методика диагностики психологического здоровья личности // Перспективы Науки и Образования. 2014. №6 (12). С. 110 – 117.

3. Котенева А.В. Личностные факторы переживания террористической угрозы студентами // Психология обучения. 2016. № 7. С. 46 – 64.

4. Котенева А.В. Психологические факторы переживания террористической угрозы студентами // Психология обучения. 2016. №10. С. 36 – 46.

5. Котенева А.В. Личностные уровни и система жизнеобеспечения личности в стрессовых ситуациях // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2016. Т. 22. № 1. С. 111 – 116.

6. Котенева А.В. Психологическая защита личности. М.: МГГУ, 2013. 562 с.

7. Котенева А.В. Особенности защитного реагирования студентов в стрессовых ситуациях // Вопросы образования. 2008. №3. С. 170 – 180.

8. Середина Н.В., Даниленко Е.В., Черныш Е.В. Психологическая оценка переживания террористической угрозы // Северо-Кавказский Психологический Вестник. 2011. № 9/2. С. 63 – 66.

9. Тарабрина Н.В., Быховец Ю.В. Психологическая оценка переживания террористической угрозы: Руководство: Институт психологии РАН; Москва, 2010. 61 с.

МОТИВАЦИОННАЯ ГОТОВНОСТЬ РАБОТНИКОВ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ

Л.Н.КОТЛЯРОВА, Е.А.СЫСОЕВА

В статье приводятся результаты изучения мотивационной готовности персонала (с различным опытом работы в условиях Крайнего севера) к деятельности на высокотехнологичном предприятии в период вывода его из эксплуатации.

Ключевые слова: мотивационный профиль, персонал

Введение. Промышленные предприятия, выработав свой технологический ресурс, прекращают деятельность. Период подготовки предприятия к выводу из эксплуатации состоит из нескольких технологических этапов и длится определенный период времени (до нескольких лет). Перед службами по управлению персоналом выдвигаются такие задачи, как - обеспечение эффективной деятельности предприятия на завершающем этапе и сохранение кадрового потенциала для отрасли [2; 5].

Для решения задач по обеспечению предприятия кадрами на этапе его ликвидации, проводятся маркетинговые мероприятия, направленные на привлечение персонала из внутренних и внешних ресурсных источников. Персонал, привлекаемый из внутренних ресурсов (сотрудники предприятия) – адаптирован к деятельности на конкретном предприятии, что является конкурентным преимуществом. Но объем таких человеческих ресурсов, как правило, оказывается недостаточным для заполнения всех вакансий, поэтому привлекается персонал из внешних источников (других предприятий отрасли, иных организаций). Перед менеджментом ставятся задачи по организации подбора (отбора) и ротации кадров, оценке профессиональных компетенций, адаптации к условиям деятельности. Знания о мотивационной готовности работников к продолжению деятельности в период ликвидации предприятия, могут использоваться для оптимизации работы службы управления персоналом [1; 4].

Цель настоящего исследования - изучение мотивационного потенциала персонала без опыта работы в экстремальных условиях (таких как вахтовый режим, неблагоприятный климат, отдаленность от социальных инфраструктур), выразивших желание продолжить деятельность (в порядке перевода) на другом отраслевом предприятии (расположенном на территории Крайнего севера) в период вывода его из эксплуатации.

Методы и процедура исследования. Исследование проведено в период с 2015 по 2016 г. г. и включало два этапа. На первом этапе проведен опрос

сотрудников, направленный на выявление сотрудников с мотивационной готовностью к заключению с руководством отрасли контракта о переводе на предприятие, готовящееся к выводу из эксплуатации. В опросе участвовало 83% работников от штатной численности, с равномерной представленностью всех структурных подразделений предприятия, что обеспечило репрезентативность выборки.

На втором этапе исследования решалась задача, связанная с определением особенностей мотивационного потенциала сотрудников, выразивших желание заключить с руководством отрасли контракт для продолжения деятельности на ликвидирующемся предприятии.

Полученные в исследовании данные были подвергнуты математико-статистической обработке с использованием программы SPSS 17.0.

Для выявления мотивационной готовности персонала к деятельности в экстремальных условиях был составлен опросник, включающий два блока вопросов. Первый блок состоит из вопросов, направленных на выявление мотивационной готовности персонала к переводу на предприятие, подлежащее выводу из эксплуатации. По итогам опроса выделены три группы сотрудников: готовых к заключению трудового контракта о переводе, не определившихся с выбором на момент опроса, не планирующих заключение контракта о переводе. Второй блок вопросов (60 вопросов) направлен на выявление мотивации, лежащей в основе готовности к заключению контракта.

Для выявления мотивационного потенциала использовалась методика В.Э. Мильмана - «Диагностика мотивационной структуры личности» [6]. Мотивационные шкалы, в соответствии с концепцией автора, отражают основные направленности личности - потребительскую и производительную. Методика включает семь мотивационных шкал. Для полноты диагностики общей мотивационной сферы личности, каждая из семи мотивационных шкал подразделяется еще на 4, выявляющие: общежитейскую мотивацию; рабочую мотивацию; «идеальное» состояние мотива, понимаемое автором как «уровень собственно побуждения, устремления»; реальное состояние мотива. Общая оценка мотивационной сферы личности составляется из 28 шкал мотивационного профиля (разные шкалы можно укрупнять). Мотивационная картина личности отражается в личностно-мотивационном профиле, представляющим в количественном или графическом виде соотношение разных мотивационных шкал, зафиксированных психодиагностически. Характер мотивационного профиля личности поддается типологизации. Поэтому, после

определения особенностей мотивационной структуры каждого испытуемого, определяли принадлежность мотивационного профиля к одному из девяти типов: прогрессивный (Пр), регрессивный (Рег), экспрессивный (Эк), импульсивный (Им), уплощенный (Уп) или смешанный (прогрессивно-экспрессивный (Пр-Эк), прогрессивно-импульсивный (Пр-Им), регрессивно-импульсивный (Рег-Им) и регрессивно-экспрессивный (Рег-Эк)).

Прогрессивный тип мотивационного профиля положительно коррелирует «с успешностью рабочей... активности. Чаще других этот тип мотивационного профиля встречается у людей творчески активных... Одновременно, этот тип характерен и для личности с социально направленной позицией, что включается в представление о созидательной, производительной направленности личности [6, С.42].

Регрессивный тип характеризуется превышением общего уровня выраженной направленностью потребительских мотивов и их доминированием над производительными, развивающими мотивами.

Экспрессивный тип мотивационного профиля соотносится со стремлением к самоутверждению в социуме, развитым честолюбием, эксцентричностью, постоянному повышению уровню притязаний.

Импульсивный тип отличается тем, что он коррелирует с «импульсивным» типом акцентуации характера личности [3].

Уплощенный тип мотивационного профиля отражает недостаточную дифференцированность мотивационной иерархии личности или ее полное отсутствие. Все основные мотивы в этой структуре практически равноценны, что создает большую энтропию, неопределенность в их реализации для субъекта. В теории управления известно, что плоские управляющие структуры являются низко-эффективными для работы со сложными системами.

Встречаются рисунки мотивационного профиля, не укладывающиеся в один конкретный тип, а принадлежащие по своим критериям одновременно к двум типам. Это случается, когда «*экспрессивный*» или «*импульсивный*» профиль накладывается на *прогрессивный* или *регрессивный*. В этих случаях возникают *смешанные* мотивационные профили: прогрессивно-экспрессивный, прогрессивно-импульсивный, регрессивно-экспрессивный, регрессивно-импульсивный.

Результаты и их обсуждение. Результаты опроса персонала об их мотивационной готовности к заключению трудового контракта о переводе на предприятие, готовящееся к выводу из эксплуатации показали, что 23% (группа

1) работников предприятия выразили готовность к переводу. 14% (группа 2) из числа опрошенных сотрудников указали на то, что на момент опроса они рассматривают предложение о переводе, но еще не определились с выбором. Остальные сотрудники (63%, группа 3) указали на то, что они не планируют переводиться.

Анализ мотивов перевода (n=252 чел.) позволил выявить семь факторов (путем проведения факторного анализа и последующего ранжирования факторов), отражающих мотивы перевода (указаны в порядке ранговой значимости): (1) профессионального продвижения (перевод на более высокие должности); (2) перевод после окончания действия контракта на работу в структурные подразделения управляющей компании; (3) оплата работодателем обучения самих сотрудников или их детей; (4) участие предприятия (в форме софинансирования) в приобретении жилья; (5) существенное повышение заработной платы и дополнительных выплат на период действия контракта; (6) возможность расширения профессиональных компетенций и приобретения опыта по новым направлениям деятельности; (7) гарантированная трудовая занятость на отраслевых предприятиях в период, последующий после окончания действия контракта о деятельности на ликвидирующемся предприятии.

Полученные данные позволили выделить три группы сотрудников с различными мотивационными установками, направленными на: профессиональное продвижение (группа А, n=104 чел.), материальное стимулирование трудовой деятельности (группа В, n=110 чел.), развитие и совершенствование профессиональных компетенций (группа С, n=38 чел.).

Далее в каждой группе выявлены особенности мотивационных профилей. Процедура состояла из следующих этапов. Сначала по итогам тестирования по методике В.Э. Мильмана для каждого сотрудника определен тип мотивационного профиля. Затем подсчитана представленность типов мотивационных профилей в процентном соотношении в каждой из трех групп (табл. 1). Расшифровка аббревиатуры – приведена выше, при описании методики.

Таблица 1 - Распределение типов мотивационных профилей

Тип мотивационного профиля (в %)	Пр	Рег	Эк	Им	Уп	Пр-Эк	Пр-Им	Рег-Им	Рег-Эк
Группа «А»	11.5	12.5	34.6	6.7	1.7	12.5	5.5	6.7	8.3
Группа «В»	7.3	34.5	17.2	7.3	1.8	10.0	6.4	6.4	9.1
Группа «С»	42.1	7.8	7.8	5.3	0	21.1	5.3	5.3	5.3

Примечание: прогрессивный (Пр), регрессивный (Рег), экспрессивный (Эк), импульсивный (Им), уплощенный (Уп) или смешанный (прогрессивно-экспрессивный (Пр-Эк), прогрессивно-импульсивный (Пр-Им), регрессивно-импульсивный (Рег-Им) и регрессивно-экспрессивный (Рег-Эк)).

Из представленных в таблице данных видно, что в группе «А» (41.4%) выражено преобладание мотивационного профиля экспрессивного типа. Персонал данной группы ориентирован на профессиональное продвижение. В подгруппе «В» (43.6%) отчетливо прослеживается тенденция к доминированию профиля регрессивного типа. Персонал ориентирован на материальное стимулирование трудовой деятельности. В подгруппе «С» (15.4%) – чаще всего встречается прогрессивный тип мотивационного профиля. Персонал ориентирован на развитие и совершенствование профессиональных компетенций.

Выводы. Численный потенциал сотрудников, выразивших желание заключить трудовой контракт о переводе на предприятие, готовящееся к выводу из эксплуатации, несмотря на возможные изменения в условиях труда, снижающих комфортность жизнеобеспечения (вахтовый режим, отдаленность от социальных инфраструктур, неблагоприятные климатические условия и пр.), превысил расчетные показатели.

Анализ мотивов, лежащих в основе готовности персонала к переводу на ликвидирующееся предприятие, позволил выделить три ведущих вида: стремление к профессиональному продвижению, ориентация на материальное стимулирование, интерес к развитию профессиональной компетентности.

У сотрудников, ориентированных на профессиональное продвижение, выражено преобладание мотивационного профиля экспрессивного типа. У сотрудников с выраженной мотивацией на материальное стимулирование трудовой деятельности, отчетливо прослеживается тенденция к доминированию профиля регрессивного типа. В подгруппе «С» (сотрудники ориентированы на развитие и совершенствование профессиональных компетенций) – чаще всего встречается прогрессивный тип мотивационного профиля.

Полученные результаты, возможно, использовать для разработки технологий работы с персоналом, отвечающих требованиям деятельности предприятия на этапах к подготовке и в период вывода из эксплуатации.

1. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами. СПб.: Питер, 2010.
2. Горемыкин В.А. Планирование на предприятии. М.: Издательство Юрайт, 2013.
3. Гройсман А.Л. Медицинская психология: Лекции для врачей и слушателей курсов последипломного образования. М.: Издательство Магистр, 1995.
4. Лобанова Т.Н. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности. М.: Издательство Юрайт, 2015.
5. Максимцев И.А. Управление человеческими ресурсами. М.: Издательство Юрайт, 2015.
6. Мильман В.Э. Мотивация творчества и роста: Структура. Диагностика. Развитие. М.: Миря и ко, 2005.

ОТНОШЕНИЕ К ЗДОРОВЬЮ У СОТРУДНИКОВ МВД

Д.С.ЛЮКШИНА, О.Д.КОНОВАЛЕНКО

Профессиональная деятельность сотрудников МВД отличается высоким уровнем сложности и опасности. Необходимо учитывать психологические характеристики их отношения к здоровью для обеспечения безопасности и надежности их профессионального труда, повышения его эффективности и обеспечения профессионального долголетия. По результатам проведенного исследования здоровье для сотрудников МВД является важным и ценным, они понимают роль заботы о нем, наслаждаются и радуются ему. Действия респондентов соответствуют требованиям ЗОЖ в обеспечении активной и продолжительной жизни. Для поддержания здоровья они применяют физические упражнения и отказываются от вредных привычек. Возможно создание психокоррекционной программы, направленной на профилактику возникновения негативного отношения к профессиональному здоровью.

Ключевые слова: отношение к здоровью; профессиональное здоровье; когнитивный компонент; ценностно-мотивационный компонент; эмоциональный компонент; поведенческий компонент; сотрудники МВД.

Введение. В связи с проведением реформы в Министерстве внутренних дел России в 2009-2011 годах с целью повышения эффективности правоохранительных органов, борьбы с коррупцией и улучшения имиджа произошли коренные изменения. Качественный показатель сотрудников МВД должен был увеличиться. Рассмотрим, как эти изменения отразились на отношении сотрудников к своему здоровью и самим себе, так как страх остаться без работы, снижение выделяемых средств не могли не оставить свой след.

Сотрудники МВД – граждане Российской Федерации, осуществляющие служебную деятельность, имеющие специальное звание в системе МВД, уполномоченные выполнять должностные обязанности, имеющие способность работать в чрезвычайных условиях, охраняющие правопорядок на вверенных им участках. Их профессия отличается высоким уровнем сложности и опасности. Необходимо учитывать личностные психологические и физиологические характеристики: психическое и физическое здоровье, систему мотивов, нервно-психическую и эмоциональную устойчивость, уровень социальной адаптации, волевые качества [3].

По мнению И.В. Журавлевой, отношение к здоровью – это «индивидуальные избирательные связи личности с разными явлениями окружающей действительности, способствующие или угрожающие здоровью людей, оценка человеком своего физического и психического состояния» [2, С. 18]. Отношение к здоровью состоит из 3 компонентов: эмоционального, познавательного и волевого [7]. К эмоциональному относятся переживания и

чувства по поводу своего психического и физического состояния. К познавательному – понимание роли здоровья в повседневной жизни и профессиональной деятельности, знания по поводу сохранения и укрепления здоровья, факторов, негативно или позитивно сказывающихся на состоянии здоровья. К волевому – значимость здоровья среди многообразия ценностей человека, приверженность ЗОЖ, поведение в отношении профилактики заболеваний, личной гигиены [5].

Р.А. Березовская [1] обнаружила, что управленцы пассивно и безответственно относятся к своему здоровью и начинают заботиться о нем только при ухудшении. Д.С. Корнилова и соавторы выявили положительно «окрашенное» отношение к здоровью у сотрудников полиции. У них наблюдается высокая значимость здоровья, но мотивация на сохранение и поддержание здоровья не выражена [4].

Таким образом, *целью данного исследования является*, описание отношения к здоровью у сотрудников МВД.

С помощью **методики** Р.А. Березовской «Отношение к здоровью» [6] было проведено исследование когнитивного, ценностно-мотивационного, эмоционального, поведенческого компонентов отношения к здоровью у сотрудников МВД. В исследовании приняли участие 30 сотрудников МО МВД РФ «Дальнереченский»: 19 мужчин в возрасте от 39 до 52 лет и 11 женщин в возрасте от 23 до 57 лет, с высшим образованием и стажем работы от 5 до 15 лет.

Результаты и их обсуждение. По результатам исследования отношения к здоровью у сотрудников МВД г. Дальнереченска были получены следующие данные по *когнитивному компоненту*: здоровый образ жизни респонденты соотносят с физиологическими потребностями: здоровье – это правильное, качественное питание; отсутствие вредных привычек; секс и сон. Для поддержания благоприятного состояния сотрудники считают нужным отказаться от курения, алкоголя и вредных привычек. Четверть опрошенных расценивают ЗОЖ как активный образ жизни: спорт, интенсивная жизнь, активный отдых. Скорее всего, у сотрудников МВД эти факторы стандартны в их профессиональной деятельности и в отдельности как аспект ЗОЖ не рассматриваются.

На осведомленность в области здоровья влияют врачи и СМИ: телевидение, Интернет, радио. Основные знания, связанные со здоровьем,

сотрудники МВД предпочитают получать от квалифицированных специалистов со специализированным образованием и опытом. К медицинским книгам и справочникам, вероятно, они обращаются, когда уже имеется недомогание, с целью посмотреть симптомы и попытаться самим себе поставить «диагноз». К друзьям и знакомым не обращаются, возможно, считают высказывание своих жалоб проявлением слабости.

По мнению респондентов, существенное влияние на состояние их здоровья оказывают такие факторы, как образ жизни, забота о своём здоровье, особенности питания, экологическая обстановка и отсутствие вредных привычек. А качество медицинского обслуживания и профессиональная деятельность, по мнению респондентов меньше всего влияют на их здоровье.

Сотрудники МВД наиболее эффективным для сохранения своего здоровья считают активный, правильный образ жизни без каких-либо негативно влияющих факторов. Заботиться и поддерживать здоровье, для респондентов вовремя обращать внимание на любые изменения своего организма, и принимать меры по улучшению его состояния здоровья. В заботу о здоровье так же входит отказ от вредных привычек, правильное, здоровое питание, ведь всем известно какое патогенное воздействие оказывают искусственные вещества и консерванты, находящиеся сейчас в большинстве продуктов, неправильное питание несёт в себе прибавку лишнего веса, которая в любом случае навредит организму человека.

Ценностно-мотивационный компонент: для респондентов наиболее важными ценностями являются здоровье и счастливая семейная жизнь. Также сотрудники МВД отмечают важность материального благополучия и интересной работы. Меньше всего обращают внимание на независимость и признание окружающих. Самым главным в жизни респондентов является здоровье, они дорожат им, в иерархии ценностей самым важным считают его. Наличие семьи вызывает положительные эмоции в их жизни, путем благополучия семьи достигается ощущение счастья, поэтому весомым среди выбираемых ценностей выступило материальное благополучие. Естественно, своей семье, а в особенности детям, хочется дать все самое лучшее, конечно, это требует материальных затрат, ведь, вступая в брак или рожая детей, мы берём на себя огромную ответственность, в том числе и материальную.

Для достижения жизненного успеха сотрудникам МВД необходимо здоровье, при плохом самочувствии тяжело достигать целей, выполнять

определённую деятельность, которая в дальнейшем может привести к успеху. Важным на пути к успеху в жизни они считают хорошее образование, для продвижения по карьерной лестнице и получения большего заработка требуется образование, очень часто сотрудников МВД отправляют на повышение квалификации или курсы для получения новых навыков. Немаловажное значение имеют материальный достаток, упорство и трудолюбие, что является неотъемлемыми аспектами их деятельности. На последних позициях условий для успешной жизни у сотрудников МВД располагаются везение и поддержка друзей в форме «нужных связей». Скорее всего потому, что сотрудники МВД предпочитают надеяться только на себя и прилагать собственные усилия для того, чтобы стать успешными людьми.

Большинство респондентов считают, что они здоровы и нет необходимости в более тщательной заботе о своём здоровье, вероятно, они начинают внимательней относиться к своему состоянию только тогда, когда у них появляется какое-либо недомогание. У многих на здоровье не хватает времени, скорее всего, в силу профессиональной деятельности. У наименьшего количества респондентов не хватает силы воли, и они не знают, что нужно делать для поддержания здоровья.

Эмоциональный компонент: ощущение благополучия в плане здоровья у большинства респондентов сопровождается положительными эмоциями. Сотрудники МВД испытывают чувство внутреннего удовлетворения, они спокойны, довольны, счастливы, радостны, уверены в себе, свободны. Меньше всего опрошенные испытывают безразличие в отношении своего здоровья.

При ощущении ухудшения здоровья респонденты: расстроены, озабочены, раздражены, чувствуют подавленность, испытывают тревогу, страх и сожаление. В меньшей степени испытывают чувство вины, стыд и спокойствие. Респонденты адекватно реагируют на улучшение и ухудшение состояния своего здоровья.

Поведенческий компонент: для поддержания здоровья сотрудники МВД избегают вредных привычек, приветствуют наличие полноценного сна и своевременного отдыха. Многие респонденты посещают баню или сауну, совмещая приятное с полезным. Сотрудники МВД, в силу своей профессиональной деятельности, должны быть хорошо подготовлены физически, поэтому они занимаются физическими упражнениями и следят за весом. Меньше всего респонденты прибегают к специальным оздоровительным

системам, таким как йога, китайская гимнастика. Небольшим спросом пользуются закаливание и посещение врача с профилактической целью. При появлении чувства недомогания респонденты обращаются к врачу, доверяя своё здоровье квалифицированным специалистам, или же сами принимают оздоровительные меры на основе прошлого опыта. Меньше всего они стараются обращаться за помощью к друзьям и знакомым.

Выводы. Наиболее важным и ценным для сотрудников МВД является их здоровье, они понимают роль заботы о нем, наслаждаются и радуются ему. Действия исследуемых сотрудников соответствуют требованиям здорового образа жизни в обеспечении активной и продолжительной жизни. При появлении необходимости получения информации в сфере здоровья они обращаются к специалистам, а также к источникам средств массовой информации. Для поддержания здоровья применяют физические упражнения и отказываются от вредных привычек. Сотрудники МВД – самодостаточные личности, которые надеются только на себя и достигают поставленных целей своими усилиями. Самыми важными для них являются здоровье и семья, благополучие близких и родных людей. Знание различных компонентов отношения к здоровью даёт возможность создания психокоррекционной программы, направленной на профилактику возникновения негативного отношения к профессиональному здоровью, позволяющей обеспечить безопасность и надежность профессиональной деятельности, повысить ее эффективность и обеспечить профессиональное долголетие.

1. Березовская Р.А. Отношение менеджеров к своему здоровью как к фактору профессиональной деятельности: дисс. ... к. психол. н. - СПб., 2001. - 240 с.

2. Журавлева И.В. Отношение к здоровью как социокультурный феномен: дисс. ... д. соц. н. М., 2005. 434 с.

3. Кадыров, Р.В., Скоробач, Т.В. Использование метафорических ассоциативных карт «12 архетипов плюс» в психологическом сопровождении специалистов экстремальных профессий // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2013. № 3. С. 260-266.

4. Корнилова, Д.С., Петрова, Ю.И., Асриян, О.Б., Черемискина, И.И. Отношение к здоровью у сотрудников полиции Приморского края // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 1590.

5. Люкшина, Д.С., Петрова, Ю.И. Отношение студентов медицинского вуза к профессиональной деятельности // Тихоокеанский медицинский журнал. 2016. Т. 61. № 3. С. 96-98.

6. Никифоров, Г.С. Практикум по психологии здоровья: учебное пособие. СПб.: Речь, 2005. 256 с.

7. Психология здоровья: учебник для вузов / под ред. Г.С. Никифорова. СПб.: Питер, 2006. 607 с.

МОТИВАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У СОТРУДНИКОВ ПАТРУЛЬНО-ПОСТОВОЙ СЛУЖБЫ

Д.С.ЛЮКШИНА, А.И.МОИСЕЕВА

Деятельность сотрудников патрульно-постовой службы социально значима, профессионально ответственна и сложна, предъявляет высокие требования к специалистам. Психологические исследования в области мотивации труда обусловлены необходимостью для понимания закономерностей поведения специалистов разноплановых профессий в период экономических изменений. Возможностью повышения эффективности профессиональной деятельности, направленностью на сохранение профессионально обученных, квалифицированных и успешных специалистов. По результатам проведенного исследования, у большинства сотрудников ППС со стажем работы 1-5 лет, доминирует оптимальный мотивационный комплекс, а у сотрудников со стажем работы 5-10 лет не выявлен оптимальный мотивационный комплекс. Вероятно, эта закономерность связана со стажем работы и их возрастом. Для них возможно создание психологического тренинга по формированию оптимального мотивационного комплекса, для повышения эффективности и успешности профессиональной деятельности.

Ключевые слова: профессиональная мотивация; внутренняя мотивация; внешняя положительная мотивация; внешняя отрицательная мотивация; профессиональная деятельность; сотрудники патрульно-постовой службы.

Введение. В настоящее время, психологические исследования в области мотивации труда остаются актуальными, и обусловлены необходимостью для понимания закономерностей поведения специалистов разноплановых профессий в период экономических изменений, а так же возможностью повышения эффективности и показателей профессиональной деятельности, направленностью на сохранение профессионально обученных, квалифицированных и успешных специалистов. Деятельность сотрудников патрульно-постовой службы социально значима, профессионально ответственна и сложна, предъявляет высокие требования к их мотивации [5].

Мотивация играет большую роль в отношении к профессии, так как мотивация зависит от силы эмоционального подкрепления, для ее увеличения необходимо положительное подкрепление [1]. «Мотив – это стремление действовать с целью удовлетворения потребности» [7].

Д.Г. Зубарев пишет, что «для успешного овладения экстремальной профессией необходимо адекватное отношение профессионала к морально-нравственным ценностям и смысловой сфере личности» [3, С. 80]. Поэтому личность полицейского необходимо изучать «со всеми его интересами, ценностями и смыслами – с целью использования их в профессионально-психологической подготовке и формирования к ним профессионально-востребованного отношения» [3, С. 81].

Л.Ю. Нежкина, И.В. Ярославцева, О.Ю. Капустюк тоже говорят о направленности на психологические особенности, профессионально-нравственные качества, мотивационно-ценностную ориентацию и коммуникативную компетенцию сотрудников ОВД [6].

А.И. Дубнякова, отмечает, что «профессиональная мотивация сотрудника правоохранительных органов – процесс и результат формирования профессионально значимых мотивов, возникающих вследствие осознания общественной значимости труда, осмысления деятельности, реализации возможностей через выполнение поставленных задач» [2, С. 20-21]. По мнению, автора «профессиональная мотивация - системообразующий фактор. А активное стремление к самореализации показатель мотивационной готовности к эффективной правоохранительной деятельности» [2, С. 21].

Д.С. Корнилова, считает о том, что «положительно мотивированные специалисты экстремальных профессий, качественнее выполняют поставленные задачи, более заинтересованы работой, стремятся к реализации своего трудового потенциала» [4, С. 170].

Таким образом, *целью данного исследования является*, описание мотивации профессиональной деятельности у сотрудников патрульно-постовой службы.

С помощью *методики* «Структура мотивации трудовой деятельности» К. Замфира, было проведено исследование мотивации профессиональной деятельности у сотрудников патрульно-постовой службы г. Владивостока. Репрезентативную выборку испытуемых составили сотрудники ППС разного уровня образования и стажа работы от 1 до 10 лет, в возрасте от 23 до 35 лет. В исследовании приняли участие 48 сотрудников. В исследовании было выделено 2 группы: группа сотрудников патрульно-постовой службы со стажем от 1 года до 5 лет и группа сотрудников патрульно-постовой службы со стажем работы более 5 лет.

Результаты и их обсуждение. По методике «Структура мотивации трудовой деятельности» К. Замфира у сотрудников ППС со стажем работы 1-5 лет были получены следующие результаты: у 8 - наблюдается оптимальный мотивационный комплекс ($BM \geq BПМ > BOM$). У 2 человек - внутренняя мотивация \geq внешней положительной мотивации = внешней отрицательной мотивации ($BM > BПМ = BOM$). У 4 - внутренняя мотивация, внешняя

положительная и внешняя отрицательная мотивация равны ($BM=ВПМ=ВОМ$). Еще у 4 респондентов - внешняя положительная мотивация \geq внешней отрицательной \geq внутренней мотивации ($ВПМ\geq ВОМ\geq BM$). У 6 человек наблюдается, что внешняя отрицательная мотивация \geq внешней положительной мотивации \geq внутренней мотивации ($ВОМ\geq ВПМ\geq BM$).

Рис.1 - Соотношение видов мотивации у сотрудников патрульно-постовой службы со стажем работы 1-5 лет.

Таким образом, в исследуемой группе доминирует внутренняя мотивация (у 14 респондентов из 24), которая характеризуется стремлением совершать деятельность ради самого процесса, следовательно, трудовая деятельность приносит им удовольствие. При доминировании данного вида мотивации стремление к трудовой деятельности порождается общественной полезностью труда, удовлетворением, которое приносит работа благодаря участию в организации и управлении, общении с людьми. Сотрудники чувствуют себя гармонично, внутренние мотивы реализует их потребность в самореализации и профессионализации. У них вслед за внутренней мотивацией проявляется внешняя положительная (данное соотношение является идеальным) – у данных исследуемых внутреннее желание работать подкрепляется стремлением к материальному достатку, карьерному росту, одобрению своих действий окружающими людьми.

Внешняя положительная мотивация присутствует у 4 респондентов, вероятно, опрашиваемые работают ради материального достатка, карьерного роста, одобрения своих действий окружающими, а уже затем ради

удовлетворения, приносимого работой. Так как у данных респондентов за внешней положительной мотивацией следует внешняя отрицательная, можно предположить, что на них влияет система штрафов и наказаний. Они нуждаются в постоянном контроле и постоянном регулировании их деятельности. Вероятно, в связи с малым стажем работы у данных сотрудников ППС ещё не развилась профессиональная ответственность. Они не до конца понимают, что стоят на страже спокойствия мирных жителей города.

У 6 респондентов преобладает внешняя отрицательная мотивация. Сотрудники с данным мотивационным комплексом работают «ради того, что нужно работать», они нуждаются в постоянном контроле, могут не компетентно относиться к своим профессиональным обязанностям, что может нести за собой вред обществу. Вероятно, доминирование данного мотивационного комплекса может привести к профессиональной деформации личности, что в свою очередь может привести к злоупотреблению служебными полномочиями, а это недопустимо для данной профессии.

У сотрудников ППС со стажем работы 5-10 лет были получены следующие результаты: у 10 человек - внутренняя мотивация \geq внешней отрицательной мотивации \geq внешней положительной мотивации ($ВМ \geq ВОМ \geq ВПМ$). Еще у 10 респондентов - внешняя положительная мотивация \geq внутренней мотивации \geq внешней отрицательной мотивации ($ВПМ > ВМ > ВОМ$), и у 4 - внешняя отрицательная мотивация \geq внутренней мотивации \geq внешней положительной мотивацией ($ВОМ > ВМ > ВПМ$).

Рис.2 - Соотношение видов мотивации у сотрудников патрульно-постовой службы со стажем работы 5-10 лет.

Таким образом, у 10 человек доминирует внутренняя мотивация, однако стоит обратить внимание, что за внутренней мотивацией следует внешняя отрицательная мотивация. Можно предположить, что данным сотрудникам профессия приносит удовольствие, они работают для общества, одобрения окружающих и профессионализации. Вероятно, в связи со стажем работы и возрастом респондентов (29-40 лет), они близки к профессиональному выгоранию. Внутренний мотив движет ими для реализации своей трудовой деятельности, но уже приходит осознание того, что через несколько лет их ждёт уход на пенсию, также изменяются взгляды, жизненная позиция, что начинает порождать иногда безответственные действия во время работы.

Внешней положительной мотивацией обладают 10 респондентов, это говорит о том, что опрашиваемые работают ради материального достатка, карьерного роста, одобрения своих действий окружающими, вероятно, данные показатели связаны с возрастом этих респондентов (30-41 лет), у большинства уже есть семьи, дети, которых нужно воспитывать, содержать и заботиться об их будущем. Поэтому, основным побуждением к работе является, материальный достаток их семей, чтобы их дети и жёны ни в чём не нуждались. Соответственно, такое же отношение у сотрудников ППС со стажем работы 5-10 лет и к карьерному росту, возрасту и продвижению по службе, придают статус в обществе, мужчины хотят быть принятыми обществом, как самореализованные, занимающие хорошую должность, имеющие достаток.

У 4 респондентов доминирует внешняя отрицательная мотивация, вероятно, они с данным мотивационным комплексом работают «ради того, что нужно работать», нуждаются в постоянном контроле, могут не компетентно относиться к своим профессиональным обязанностям, что может нести за собой вред обществу.

Выводы. Проанализировав полученные данные, можно сказать, что у большинства сотрудников патрульно-постовой службы со стажем работы 1-5 лет, доминирует оптимальный мотивационный комплекс. Большинство респондентов, чувствуют себя гармонично, внутренние мотивы реализуют их потребность в самореализации. Они заинтересованы в своей трудовой деятельности, что предполагает плодотворную профессиональную реализацию.

У сотрудников патрульно-постовой службы со стажем работы 5-10 лет не выявлен оптимальный мотивационный комплекс. У 10 респондентов, за внешней положительной мотивацией следует внутренняя мотивация, опрашиваемые работают ради материального достатка, карьерного роста, одобрения своих действий окружающими, а уж затем ради удовлетворения, приносимого работой. Вероятно, эта закономерность связана со стажем работы и возрастом данных сотрудников. Сотрудники патрульно-постовой службы со стажем работы 5-10 лет нуждаются в психологическом тренинге на повышение мотивации и формирования оптимального мотивационного комплекса, что позволит повысить эффективность и успешность профессиональной деятельности.

1. Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психодиагностике. СПб. : Питер Ком, 1999. 528 с.
2. Дубнякова А.И. Современные исследования мотивации сотрудников органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2007. №2. С.19-21.
3. Зубарев Д.Г. Отношение к морально – нравственным ценностям в структуре личности сотрудников полиции, как профессионально – значимым качествам // Сборник конференции НИЦ Социосфера. 2012. №6. С.79-81.
4. Корнилова Д.С. Мотивация работников таможенной службы в кризисных ситуациях профессиональной деятельности //Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2012. № 2. С. 170-177.
5. Корнилова, Д.С., Петрова, Ю.И., Асриян, О.Б., Черемискина, И.И. Отношение к здоровью у сотрудников полиции Приморского края //Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 1590.
6. Нежкина Л.Ю., Ярославцева, И.В., Капустюк, О.Ю. О профессиональной компетенции сотрудников ОВД // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. №1. С.184-188.
7. Почебут Л.Г., Чикер В.А. Организационная социальная психология: Учебное пособие. СПб.: Речь, 2002. С. 213-226

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СТИЛЬ САМОРЕГУЛЯЦИИ ПОВЕДЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПРИ РАЗЛИЧНОЙ ВЫРАЖЕННОСТИ СОСТОЯНИЯ ПСИХИЧЕСКОГО ВЫГОРАНИЯ

Л.Н. МОЛЧАНОВА

В статье представлены результаты исследования взаимосвязи индивидуального стиля саморегуляции поведения и состояния психического выгорания сотрудников правоохранительных органов. Гибкость регуляторики обеспечивает пластичность всех регуляторных процессов и позволяет при возникновении непредвиденных обстоятельств адекватно реагировать на быстрое изменение событий, успешно решать поставленную задачу в ситуации риска, что способствует преодолению состояния психического выгорания. При низкой выраженности состояния психического выгорания сотрудников правоохранительных органов регуляторный профиль является гармоничным. При средней выраженности состояния психического выгорания степень адекватности самооценки, сформированность и устойчивости субъективных критериев оценки результатов, а при высокой – самостоятельность, не обеспечивают ее эффективное функционирование; регуляторный профиль является акцентуированным. Полученные результаты можно рассматривать в качестве оснований в разработке программы психологического сопровождения сотрудников правоохранительных органов.

Ключевые слова: индивидуальный стиль саморегуляции поведения, состояние психического выгорания, сотрудники правоохранительных органов

Введение. На современном этапе развития психологической науки проблема психического выгорания сотрудников правоохранительных органов не теряет своей актуальности. И это связано с рядом специфических условий, в которых реализуется их профессиональная деятельность: необходимостью выполнения служебных обязанностей в жестко ограниченные сроки, постоянным взаимодействием с асоциальным контингентом, принятием рискованных решений, несоответствия между готовностью к самостоятельности в реализации профессиональных задач и определением средств достижения целей деятельности и др. [1, 3]. Эти специфические условия как провоцируют возникновение психического выгорания [2, 5], так и предъявляют повышенные требования к их физическим и психическим ресурсам его регуляции [6, 7]. В современном научном понимании психическое выгорание представляет собой состояние физического, эмоционального и умственного истощения, проникающее во все подструктуры личности и нарушающее их оптимальное функционирование [4, 9, 10, 11]. В этой связи психологическая практика диктует необходимость поиска эффективных способов регуляции психического выгорания.

Результаты ранее проведенных исследований указывают на то, что возникновение и развитие состояния психического выгорания связано с нарушениями психологических механизмов регуляции [12], в частности, саморегуляции. В нашем исследовании в качестве методологических оснований принимаем концепцию саморегуляции В.И. Моросановой. По мнению В.И. Моросановой [8], саморегуляция представляет собой внутреннюю целенаправленную активность, систему, реализуемую взаимодействием функциональных звеньев. Среди основных звеньев саморегуляции выделяют планирование, программирование, моделирование, оценивание результатов. Самостоятельность, надежность, гибкость и т.д. – регуляторно-личностные свойства личности. При этом успешность различных видов практической деятельности определяется сформированностью целостной системы саморегуляции, в то время, как недостаточная реализация какого-либо ее функционального компонента значительно ограничивает эффективность деятельности [8]. В этой связи регуляторный профиль является гармоничным при относительно равной развитости всех компонентов саморегуляции, акцентуированным – при наличии выраженных различий в уровне их сформированности [8].

Таким образом, *цель исследования* состоит в изучении взаимосвязи индивидуального стиля саморегуляции поведения и состояния психического выгорания сотрудников правоохранительных органов. Взаимосвязь индивидуального стиля саморегуляции поведения и состояния психического выгорания рассматривается через взаимообусловленность этих психологических феноменов при их различной выраженности.

Состояние психического выгорания сотрудников правоохранительных органов выступает в качестве объекта исследования. Индивидуальный стиль саморегуляции поведения сотрудников правоохранительных органов при различной выраженности состояния психического выгорания является предметом исследования.

Общая гипотеза исследования состоит в существовании значимой взаимообусловленности индивидуального стиля саморегуляции поведения и состояния психического выгорания сотрудников правоохранительных органов.

Методика. В эмпирическом исследовании использовались следующие тестовые методики: опросник «Стиль саморегуляции поведения» (В.И. Моросанова) [12], опросник на выгорание MBI (С. Maslach, S.E. Jackson, в

адаптации Н.Е. Водопьяновой) [12]. Группа количественной и качественной оценки данных представлена методами описательной и сравнительной статистики. Общий объем выборки участников исследования составил 100 сотрудников правоохранительных органов мужского пола в возрасте от 22 до 44 лет со стажем профессиональной деятельности от двух до 18 лет.

Результаты и их обсуждение. Анализ средних значений показателей стилевых особенностей саморегуляции поведения, полученных с помощью опросника «Стиль саморегуляции поведения» (В.И. Моросанова) [12], свидетельствует о сформированности индивидуальной системы саморегуляции произвольной активности сотрудников правоохранительных органов. Все диагностируемые показатели имеют среднюю выраженность: «общий уровень саморегуляции»: $X_{cp.}=27,22\pm5,04$; «планирование»: $X_{cp.}=5,84\pm1,33$; «моделирование»: $X_{cp.}=4,44\pm2,12$; «программирование»: $X_{cp.}=5,52\pm1,55$; «оценивание результатов»: $X_{cp.}=4,01\pm1,74$; «гибкость»: $X_{cp.}=4,66\pm1,44$; «самостоятельность»: $X_{cp.}=4,36\pm2,08$.

Изучение средних значений показателей структурных элементов состояния психического выгорания сотрудников правоохранительных органов, осуществляемое с использованием опросника на выгорание MBI (С. Maslach, S.E. Jackson, в адаптации Н.Е. Водопьяновой) [12], засвидетельствовало следующие результаты: среднюю выраженность элемента «эмоциональное истощение» ($X_{cp.}= 19,68\pm5,38$), а также высокую – элементов «деперсонализация» ($X_{cp.}= 19,22\pm1,49$) и «редукция персональных достижений» ($X_{cp.}= 29,44\pm3,69$). Таким образом, сотрудники правоохранительных органов подвержены влиянию состояния психического выгорания, о чем также свидетельствует высокое значение индекса состояния психического выгорания: $X_{cp.}= 68,34\pm9,81$.

Средние значения показателей стилевых особенностей саморегуляции поведения сотрудников правоохранительных органов, имеющих различную выраженность состояния психического выгорания, указывают на одинаковую представленность таких регуляторных процессов, как «планирование» и «программирование», а также регуляторно-личностного свойства «гибкость» и общего уровня саморегуляции, находящихся в пределах средних значений (см. таблицу 1).

Таблица 1 - Значимость различий в выраженности стилевых особенностей саморегуляции поведения сотрудников правоохранительных органов, имеющих различную выраженность психического выгорания (U-критерий Манна-Уитни, $p \leq 0,05$; $U_{эмп.}^* \leq U_{кр.}$)

№ п\п	Наименование показателя	Выраженность психического выгорания						(1)-(2)		(2)-(3)	
		Низкая (1)		Средняя (2)		Высокая (3)		$U_{эмп}$	p	$U_{эмп}$	p
		$X_{ср.} \pm \sigma_x$	качественный	$X_{ср.} \pm \sigma_x$	качественный	$X_{ср.} \pm \sigma_x$	качественный				
1	планирование	6,74±0,98	средний	5,96 ± 0,71	средний	5,15±1,46	средний	159,00**	0,00	230,50*	0,011
2	моделирование	4,41±2,50	средний	3,89 ± 2,17	низкий	4,89±1,89	средний	326,00	0,498	260,50	0,069
3	программирование	5,81±1,30	средний	5,37 ± 1,31	средний	5,37±1,88	средний	307,00	0,304	359,50	0,029
4	оценивание результатов	4,26±1,87	средний	3,67 ± 1,84	низкий	3,93±1,59	низкий	302,50	0,274	320,50	0,438
5	гибкость	5,74±1,16	средний	4,15 ± 1,10	средний	4,33±1,24	средний	124,50**	0,000	323,50	0,064
6	самостоятельность	5,81±2,11	средний	3,70 ± 1,30	низкий	3,89±2,08	низкий	143,00*	0,000	337,50	0,635
7	общий уровень саморегуляции	28,63±5,15	средний	26,07 ± 4,19	средний	27,15 ± 4,87	средний	277,00	0,128	323,00	0,471

* – статистическая значимость при $p \leq 0,05$ ** – статистическая значимость при $p \leq 0,01$

У «невыгоревших» сотрудников правоохранительных органов все диагностируемые регуляторные процессы и регуляторно-личностные свойства являются сформированными, в связи с чем индивидуальный регуляторный профиль является гармоничным (см. таблицу 1). Причем статистический анализ выраженности стилевых особенностей саморегуляции поведения указывает на то, что у «невыгоревших» сотрудников правоохранительных органов при средней выраженности состояния психического выгорания в большей степени, нежели при высокой, сформирована потребность в осознанном планировании деятельности ($U_{эмп}=159,0^{**}$ при $p=0,000$; $U_{эмп}=230,50^*$ при $p=0,011$) (см. таблицу 1). «Невыгоревшие» сотрудники правоохранительных органов, в сравнении с теми, кто подвержен его влиянию, обладают большей регуляторной гибкостью ($U_{эмп}=124,5^{**}$ при $p=0,000$) и регуляторной самостоятельностью ($U_{эмп}=143,0^{**}$ при $p=0,000$) (см. таблицу 1). То есть они в большей степени способны самостоятельно планировать, организовывать и контролировать деятельность по достижению цели, анализировать и осуществлять оценку как промежуточных, так и конечных результатов, а также корректировать систему

саморегуляции при изменении внешних и внутренних условий. При средней и высокой выраженности состояния психического выгорания такой регуляторный процесс, как «оценивание результатов», а также регуляторно-личностное свойство «самостоятельность» являются несформированными (см. таблицу 1). То есть сотрудники правоохранительных органов, испытывающие состояние психического выгорания, имеют несбалансированный или акцентуированный профиль регуляции.

Сравнительный анализ средних значений показателей состояния психического выгорания при различной выраженности общего уровня саморегуляции поведения указал на статистическую достоверность различий при низком уровне саморегуляции (см. таблицу 2). Таким образом, акцентуированный профиль саморегуляции поведения детерминирует состояние психического выгорания.

Таблица 2 - Значимость различий в выраженности состояния психического выгорания сотрудников правоохранительных органов, имеющих различную выраженность общего уровня саморегуляции поведения
(U-критерий Манна-Уитни, $p \leq 0,05$; $U^*_{эмп.} \leq U_{кр.}$)

№ п\п	Наименование показателя	Выраженность общего уровня саморегуляции						(1)-(2)		(2)-(3)	
		Низкая (1)		Средняя (2)		Высокая (3)		U _{эмп}	p	U _{эмп}	p
		X _{ср.} ±σ _x	качественный	X _{ср.} ±σ _x	качественный	X _{ср.} ±σ _x	качественный				
1	Эмоциональное истощение	16,89±1,74	Средний	21,67±6,32	Средний	20,59±5,85	Средний	192,00**	0,002	334,00	0,580
2	Деперсонализация	18,67±1,52	Высокий	19,70±1,41	Высокий	19,41±1,45	Высокий	217,50**	0,005	315,50	0,359
3	Редукция персональных достижений	27,78±2,53	Высокий	31,04±4,11	Средний	30,22±4,21	Высокий	202,50**	0,002	324,50	0,457
4	Индекс психического выгорания	63,33±5,62	Высокий	72,41±11,27	Высокий	70,22±10,75	Высокий	196,00**	0,002	334,50	0,595

*– статистическая значимость при $p \leq 0,05$ **– статистическая значимость при $p \leq 0,01$

Результаты проведенного корреляционного анализа взаимосвязей между показателями стилевых особенностей саморегуляции поведения и структурными элементами состояния психического выгорания подтвердили гипотезу об их наличии (см. таблицу 3).

Таблица 3 - Значимые корреляции стилевых особенностей саморегуляции поведения и структурных элементов состояния психического выгорания сотрудников правоохранительных органов

Наименование показателя	Эмоциональное истощение	Деперсонализация	Редукция персональных достижений	Индекс психического выгорания
Планирование	-0,40**	-0,45**	-0,42**	-0,45**
Моделирование	0,10	0,03	0,07	0,09
Программирование	-0,03	-0,16	-0,18	-0,11
Оценивание результатов	-0,16	-0,14	-0,15	-0,17
Гибкость	-0,22*	-0,39**	-0,30**	-0,30**
Самостоятельность	-0,27**	-0,41**	-0,35**	-0,34**
Общий уровень саморегуляции	-0,10	-0,16	-0,15	-0,14

*– статистическая значимость при $p \leq 0,05$ **– статистическая значимость при $p \leq 0,01$

Между всеми показателями состояния психического выгорания и такими показателями стилевых особенностей саморегуляции поведения, как «планирование», «гибкость» и «самостоятельность», выявлены значимые и высоко значимые корреляционные взаимосвязи отрицательной направленности слабой и умеренной степени выраженности. Эмоциональное истощение, в отличие от элементов «деперсонализация», «редукция персональных достижений» отрицательно и слабо связано с показателями «гибкость» ($r = -0,22$) и «самостоятельность» ($r = -0,22$) (см. таблицу 3). Отрицательные корреляционные взаимосвязи «индекса психического выгорания» с указанными стилевыми особенностями саморегуляции поведения позволяют выдвинуть предположение о возможном его снижении при усилении выраженности процессов планирования, гибкости и самостоятельности. Таким образом, автономность сотрудников правоохранительных органов, их способность самостоятельно планировать и организовывать деятельность, контролировать ход ее выполнения, анализировать и оценивать результаты, а также способность вносить коррективы в систему саморегуляции при изменении условий способствуют преодолению состояния психического выгорания (см. таблицу 3).

Процедура факторизации структуры из показателей индивидуальных стилей саморегуляции поведения сотрудников правоохранительных органов, имеющих низкую выраженность состояния психического выгорания, засвидетельствовала наличие следующих трех факторов (см. таблицу 4):

Фактор 1. «Индивидуальная система осознанной саморегуляции произвольной активности» (38,4%) представлен такими переменными, как «моделирование» (0,916), «оценивание результатов» (0,842) и «общий уровень

саморегуляции» (0,840) и является системообразующим. Содержание этого фактора указывает на самостоятельность, гибкость и адекватность реакций на изменение условий деятельности сотрудников правоохранительных органов, осознанное выдвижение и достижение ее целей.

Фактор 2. «Осознанное планирование деятельности и регуляторная автономность» (25,2%), состоящий из показателей «планирование» (0,709) и «самостоятельность» (0,806), характеризует степень сформированности потребности сотрудников правоохранительных органов в осознанном планировании деятельности, детализированность, реалистичность, иерархичность и устойчивость ее планов, их способность самостоятельно организовывать деятельность, контролировать, анализировать и оценивать ее результаты.

Фактор 3. «Программирование» (17,7%) представлен единственным показателем «программирование» (0,876) и свидетельствует о детализированности и развернутости разрабатываемых программ, способных гибко изменяться в новых профессиональных условиях и устойчивых под влиянием помех.

Факторная структура из показателей индивидуальных стилей саморегуляции поведения сотрудников правоохранительных органов, имеющих среднюю выраженность состояния психического выгорания, содержит в своем составе следующие три фактора (см. таблицу 5):

Фактор 1. «Неадекватность самооценки и регуляторная гибкость» (32,0%) представлен показателями «оценивание результатов» (0,768), среднее значение которого соответствуют низкому уровню выраженности (см. таблицу 1), и «гибкость» (0,828). Содержание данного фактора, являющегося системообразующим, указывает на некритичность сотрудников правоохранительных органов к своим действиям, неустойчивость субъективных критериев успешности, недостаточную пластичность всех регуляторных процессов.

Фактор 2. «Зависимость» (20,7%) включает единственный показатель: «самостоятельность» с отрицательной факторной нагрузкой (-0,763) и характеризует зависимость от мнений и оценок окружающих.

Фактор 3. «Планирование» (16,3%) содержит показатель «планирование» (0,971) и указывает на сформированность потребности в осознанном планировании профессиональной деятельности, реалистичность, детализированность, иерархичность и устойчивость ее планов.

Факторная структура из показателей индивидуальных стилей саморегуляции поведения сотрудников правоохранительных органов при высокой выраженности состояния психического выгорания также представлена тремя факторами (см. таблицу 6):

Фактор 1. «Недостаточная развитость регуляторной автономности» с максимальной факторной нагрузкой 32,0% включает в свой состав единственный показатель: «самостоятельность» (0,930), среднее значение которого соответствуют зоне низких значений (см. таблицу 1). Содержание данного фактора может быть проинтерпретировано как зависимость от мнений и оценок окружающих, несамостоятельность в разработке планов и программы действий, некритичное следование чужим советам.

Фактор 2. «Недостаточная сформированность процессов моделирования и некритичность к своим действиям» (16,7%) содержит такие показатели, как: «моделирование» (0,782) и «оценивание результатов» (0,858), средние значения которых соответствуют низкому уровню выраженности (см. таблицу 1). Данный фактор свидетельствует о недостаточной сформированности у сотрудников правоохранительных органов процессов моделирования. Это влечет за собой неадекватную оценку значимых условий и обстоятельств профессиональной деятельности, проявляется в трудностях при определении цели и программы действий, в зависимости от профессиональной ситуации и окружающих людей, в некритичности к своим действиям, что ведет к резкому ухудшению качества ее результатов.

Фактор 3. «Программирование» (16,7%) включает показатель «программирование» (0,944), что характеризует недостаточно сформировавшиеся потребность сотрудников правоохранительных органов продумывать последовательность своих действий для достижения целей деятельности, детализированность и развернутость разрабатываемых программ.

Выводы и практические рекомендации. Результаты исследования взаимосвязи индивидуального стиля саморегуляции поведения и состояния психического выгорания у сотрудников правоохранительных органов подтвердили гипотезу о существовании значимой их взаимообусловленности, что позволило сформулировать следующие выводы:

пластичность всех регуляторных процессов обеспечивается гибкостью регуляторики; в ситуации риска и неопределенности позволяет адекватно реагировать на быстрое изменение событий и успешно решать поставленные задачи;

при низкой выраженности состояния психического выгорания регуляторный профиль является гармоничным, поскольку функционируют такие процессы саморегуляции, как «моделирование» и «оценивание результатов»;

при средней и высокой выраженности состояния психического выгорания регуляторный профиль является акцентуированным, поскольку такие регуляторно-личностные свойства, как оценивание результатов и самостоятельность не обеспечивают ее эффективное функционирование; Полученные результаты имеют практическую значимость. Их необходимо учитывать при разработке программы психологического сопровождения сотрудников правоохранительных органов.

1. Ахрямкина Т.А., Горохова М.Ю. Специфика феномена «эмоционального выгорания» у сотрудников правоохранительных органов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Психология». 2009. 2(6). С. 104-115.

2. Водопьянова Н.Е. Ресурсное обеспечение противодействия профессиональному выгоранию субъектов труда (на примере специалистов «субъект-субъектных» профессий). Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. 2014. СПб, 49 с.

3. Корехова М.В., Новикова И.А., Соловьев А.Г. Особенности проявлений психической дезадаптации у сотрудников правоохранительных органов с разным стажем работы. Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2013. № 2. С.67-72.

4. Молчанова Л.Н. Внутрипрофессиональная дифференциация состояния выгорания в педагогической деятельности // Казанский педагогический журнал. 2009. № 9-10. С. 124-133.

5. Молчанова Л.Н. Закономерности трансформации состояния психического выгорания у представителей экстремальных профессий // Перспективы науки и образования. 2013. № 4. С. 161-171.

6. Молчанова Л.Н., Недуруева Т.В., Кузнецова А.А. Жизнестойкость как психологический ресурс регуляции состояния психического выгорания в условиях экстремальной деятельности // Международный журнал экспериментального образования. 2015. №2-1. С.88-89.

7. Молчанова Л.Н., Редькин А.И. Жизнестойкость как детерминанта состояния психического выгорания у спасателей МЧС // Перспективы науки и образования. 2014. № 1 (7). С. 216-223.

8. Моросанова В.И., Коноз Е.М. Стилевая саморегуляция поведения человека // Вопросы психологии. 2000. №2. С. 118-127.

9. Никишина В.Б., Молчанова Л.Н. Состояния выгорания медицинских работников в контексте внутрипрофессиональной дифференциации // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2011. № 24. С. 986-993.

10. Никишина В.Б., Молчанова Л.Н., Недуруева Т.В. Состояние «выгорания»: детерминация, феноменология, генезис, измерение: монография. Курск, 2007. 381 с.

11. Орёл В.Е. Синдром психического выгорания личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. 330 с.

12. Профессионально-личностные деформации врачей: феноменология, детерминация, измерение. Никишина В.Б., Дроздов А.Г., Запесоцкая И.В., Молчанова Л.Н. Монография. Москва, 2010.

НЕЗАМУЖЕСТВО ЖЕНЩИН СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА КАК ФАКТОР СЦЕНАРИЕВ И НЕВРОЗОВ ОТЛОЖЕННОЙ ЖИЗНИ

О.В. ПАНЧЕНКОВА, В.П.СЕРКИН

Представлены и обсуждены представления женщин среднего возраста о себе и своем образе жизни сейчас и в перспективе брачного партнерства. Отмечено, что эти выявленные представления могут являться факторами сценариев и неврозов отложенной жизни.

Ключевые слова: образ Я, образ жизни, сценарий отложенной жизни, невроз отложенной жизни, функции семьи.

Введение. При описании сценариев и неврозов отложенной жизни (СОЖ и НОЖ)⁵ было установлено, что одним из главных фрустрирующих факторов для человека является невозможность вести такой образ жизни, какой он осознанно или неосознанно считает личностно и социально правильным и благополучным [2, 4, 5 и др.]. На основе опыта консультирования было предположено, что незамужние женщины среднего возраста, желающие вступить в брак, считают, что сегодня их образ жизни не соответствует их представлениям о «нормальной» жизни. Такое представление складывается у женщин не только под влиянием традиционных представлений о жизненном сценарии и традиционных ожиданий (давления) социума, но вследствие нереализованности важнейших функций семьи и важнейших характеристик желаемого образа жизни.

Три основных функции традиционной модели брака (экономическая, воспроизводство и социализация) веками поддерживали семейную систему как устойчивую форму социального взаимодействия. На территории современной России традиция раннего бракосочетания была распространена и социально одобряема. Мужчины и женщины, не вступившие в супружество, назывались «бобылями» и «старыми девами». В терминах транзактного анализа, для девушки остаться незамужней, а для парня холостым означало быть «не ОК». Согласно вековой традиции большинство девушек сочеталось браком в возрасте от 13 до 16 лет. Более поздние и повторные браки случались, но были редки. По данным первой всеобщей

⁵ Понятие СОЖ введено [4] первоначально для обобщения описания специфики жизненных сценариев северян. Ядром такого сценария является осознаваемое или неосознаваемое предположение северянина о том, что сейчас он не живет настоящей жизнью, а только создает для нее условия. Настоящая жизнь начнется после того, когда он создаст условия и переедет в регион с более благоприятными климатическими условиями и развитой инфраструктурой. СОЖ почти не поддается рациональной коррекции, так как воспринимается как естественный десятилетиями, для многих - с раннего детства.

переписи населения в России 1897 к возрасту 50 лет почти все мужчины и женщины состояли в браке: доля никогда не состоявших в браке составляла 4% для женщин и 5% для мужчин [11].

С конца XIX века, нижняя граница брачного возраста стала увеличиваться. За последние 120 лет модель брака претерпела значительные изменения, обусловленные различными факторами. Рассмотрим основные.

Во-первых, около половины браков в современной России, являются неофициальными. Гражданский брак – новая сложившаяся схема социальной реальности. Гражданское сожительство становится приемлемой морально-этической нормой. Хотя большинство специалистов рассматривают этот фактор, как неготовность к серьезным ответственным отношениям, тенденция роста данного явления налицо. Во-вторых, начиная с 50-х годов прошлого века, количество разводов по отношению к количеству браков резко увеличилось и сегодня даже приближается в ряде регионов к 100%. Растущее число разводов увеличивает группу людей, способных к повторному браку в более зрелом возрасте. В-третьих, перспективы личностного и профессионального развития, возможности медицины и увеличение продолжительности жизни создали условия для женщин планировать создание семьи в период взрослости, когда такое решение становится более осознанным.

Обращение к статистике показывает, что десятки лет до 2010 года, доля «взрослых» невест от общего числа вступивших в брак удерживалась на отметке 13-15%. Но с 2011 по 2016 год по данным Федеральной службы государственной статистики, процент женщин, вступивших в брак после 35 лет, вырос с 16% до 23%. Причиной выбора взрослых женщин являются не только социальные, но и психологические факторы. Наряду с общественным одобрением и экономической поддержкой, женщины стали искать в браке и психологическую поддержку. Муж, кроме ролей отца семейства и сексуального партнера, сегодня интересен взрослым женщинам еще и как партнер духовный, с которым женщина хочет делить свои увлечения и досуг. И новые критерии супружеских ожиданий у женщин становятся в один ряд с традиционными. На смену семье как «ячейке общества» приходит модель, в которой приоритетом становятся личностные отношения супругов. «Существенно возросло значение личностных мотивов и коммуникативных способностей супругов, и уже практически невозможно обязать двух людей

жить вместе, воздействуя на них орудием социальных норм и долженствований» [3, с. 10].

Большинство моделей выбора брачного партнера включают в себя механизм фильтрации: уровень инициативности в установлении партнерских отношений (часто решающий фактор), принцип дополнения⁶, схожести интересов, обмена «ценностями»⁷, территориальная близость, социальное происхождение, взаимная аттракции, сходство представлений о семейных ролях, сходство предполагаемого супруга с другими значимыми мужчинами и др.

Замужество и для женщины, и для мужчины – это один из способов удовлетворения психологической потребности в любви. В книге «Искусство любить», Э. Фромм [9] говорит, что «любовь — единственный удовлетворительный ответ на вопрос о проблеме существования человека» (с.42). Психологическая установка любить, по его мнению, не может относиться лишь к единственному объекту любви. Такая ориентация определяет отношение и к себе, и к другому, и к миру в целом. С точки зрения Э. Фромма, любовь - это искусство, которое можно научиться понимать, следуя подсказкам интуиции и благодаря умению концентрироваться и опыту. Опыт проживания и творения любви позволяет перевести этот процесс в последовательность действенных актов. Но проблема, по его мнению, заключается в том, что в социуме, ориентированном на потребление, люди проявляют только стремление - получать любовь, но не отдавать. Вопрос «Как быть любимым?» заслоняет главный вопрос «Как научиться любить?». И такая диспозиция потребностей исключает взаимность, являющуюся основанием гармоничных любовных отношений.

Множество работ в психологии было посвящено изучению представлений о предполагаемом брачном партнере. Но представления не о партнере, а о себе и о своем образе жизни в новых условиях, таких, например, брачные отношения, пока изучены недостаточно.

⁶ Например, статистический анализ ответов респонденток показал, что свой «Образ жизни» в браке по сравнению с настоящим женщины видят более «смелым» (возрастание по группе на 13%). В интервью этот факт женщины объясняют тем, что действия, на которые они не смогли бы решиться в одиночку – проживание в загородном доме, путешествие и т.д. - они могли бы совершить при наличии супруга.

⁷ Например, внешность или готовность вести хозяйство на социальный или материальный статус.

Предметом данного исследования стало представление женщин о себе сейчас и в перспективе брачного партнерства. Понятие «представление о себе» является для авторов составным, включающим Образ Я и представление о своем индивидуальном образ жизни.

Понятие «Образ Я» достаточно описано в психологической литературе. Для уточнения понятия «индивидуальный образ жизни» укажем на его отличие от социологического понятия. Например, сельский образ жизни (социологическое понятие) ведут и школьник, и пенсионер, и учительница, и комбайнер. Но их индивидуальные образы жизни (психологическое понятие) очень сильно различны и меняются в процессе личной истории жизни [7]. В модели образа жизни рассматривается три уровня активности человека: 1) уровень внутренней деятельности; 2) уровень коммуникации; 3) уровень практической деятельности личности. Такая модель помогает рассматривать представления женщин о своем «Образе жизни» на разных уровнях, что и будет сделано в описании эмпирической части исследования. До сих пор больше исследовался профессиональный образ жизни [7]. Но брак, как и новая профессия, предполагает другие условия жизни, к которым нужно будет адаптироваться.

Методы и процедура исследования. В излагаемой работе анализируются представления женщин о себе и своем образе жизни а) сейчас, когда женщина не состоит в брачных отношениях, и б) в потенциальном браке. Сначала женщины оценивали свои «Образ Я» и свой «Образ жизни» в текущей ситуации, далее - в перспективе брачного партнерства. В исследовании приняли участие 27 женщин 36-55 лет. Возраст большей части группы - от 36 до 46 лет. В выборку были включены женщины, имеющие и не имеющие опыт супружеских отношений, имеющие и не имеющие детей. 40 % участниц исследования планируют рождение детей, 27% - не планируют и 7 % опрошенных рассматривают аспект материнства, как возможный. Свой социальный статус 26 женщин из 27, оценивают, как средний. Большая часть опрошенных надеется на его повышение, благодаря замужеству.

Использованные методики: 1. **Анкетирование** использовано для изучения особенностей представлений женщин об ожидаемых в браке изменениях. В основу вопросов положены следующие функции семьи: воспроизводство; первичный социальный контроль; формирование

культурных и социальных навыков; экономическая; поддержка нетрудоспособных членов семьи; защита прав ребенка; удовлетворение потребности в любви; психотерапевтическая функция; формирование личности; самореализация и личностный рост; социальная ответственность; коммуникативная; воспитательная; сексуально-эротическая; реализации и развития интересов членов семьи; защитная; функция досуга [6]. 2. **21-шкальный личностный семантический дифференциал (ЛСД)**. 3. **45 – шкальный семантический дифференциал «Образ жизни»** [7]. Электронные версии бланков и анкеты были созданы на базе интернет-платформы www.1ka.si. 4. **Полуструктурированное интервью** на основе вопросов анкеты (4 респондентки с наиболее полярными показателями по бланкам СД).

Для обработки **результатов** по методикам СД был использован метод семантических универсалий (СУ) по 90% интервалу Е.Ю. Артемьевой [7].

Результаты и их обсуждение. При сравнении групповых СУ оценок себя (бланки «Образ Я сейчас» и «Образ Я в браке») значимо изменившимися дескрипторами (качествами) были: а) увеличения веса качества - обаятельная; б) уменьшения веса качества - честная; в) появление нового качества (в перспективе брака) - уверенная.

Анализ СУ групповых оценок СД «Образ жизни сейчас» и «Образ жизни в браке» показывает, что различия в представлениях женщин о своем образе жизни сейчас и в перспективе брака очень велики. В универсалии групповой оценки своего образа жизни в перспективе брака появляется **17 новых дескрипторов** (все значимы по 90% интервалу): целостный, согласованный, привлекательный, оправданный, новый, веселый, счастливый, истинный, комфортный, понимающий, миролюбивый, открытый, бодрый, сытый, интересный, смелый, дружеский.

В результате качественного тематического анализа интервью [1] было выявлено **13 следующих основных тем феномена брачного ожидания**: 1) «Я - замужем – Я - ОК»; 2) муж – опекающий Родитель⁸; 3) новый опыт; 4) новая роль; 5) общность интересов; 6) одиночество; 7) отраженная субъектность; 8) партнерство; 9) признание; 10) самореализация/саморазвитие; 11) стабильность; 12) уважение; 13) требования к партнеру.

⁸ Название роли в основной триаде транзактного анализа: Ребенок, Родитель, Взрослый.

Примерами высказываний, относящихся к первой теме описываемого феномена, могут служить следующие: все нормальные девушки замужем, образ жизни станет менее напряженным, потому что ко мне станут относиться на работе лучше, не будут нагружать лишними общественными нагрузками, станут ставить удобное расписание, потому что у меня есть муж и дети и т.п. Пример высказывания на тему отраженной субъектности: если у меня нет мужа, мне не с кем поделиться своими эмоциями. Я не могу увидеть себя со стороны. Я о чем-то думаю, переживаю, а муж смотрит на мои чувства и объясняет происходящее совсем по-другому. Со своей точки зрения, и тогда я вижу две стороны медали происходящего, а не одну... Пример темы одиночества: одной мне плохо. Я хочу любить. Мне нужен муж, чтобы его любить. И я буду счастлива, потому что буду видеть в его глазах свою любовь, ее отражение. И я хочу это видеть и делать каждый день.

Если посмотреть на результаты через призму транзактного анализа, то можно их объяснить так: в патриархальной семье, основные супружеские транзакции имеют два направления: «Родитель – Дитя» и «Дитя – Родитель». Такая схема супружеского взаимодействия соответствует иерархической модели построения зависимо-подчиненных отношений в классическом брачном союзе. Современные формы брака появляются в виду актуальной потребности в другом способе супружеского взаимодействия. И это новый способ коммуникаций между партнерами, на уровне «Взрослый - Взрослый». Современная модель брака не исключает детско-родительского направлений супружеской коммуникации. Возможность удовлетворения потребности в защите, покровительстве, принятии и любви опекающего Родителя является одной из центральных тем брачных ожиданий женщин. Но именно желание видеть рядом с собой личность, разделять с супругом общие интересы, взаимодействовать с ним на одном транзактном уровне, делают возможным построение позиционно равных - партнерских отношений, тем самым расширяя образ себя в перспективе новой модели брачных отношений.

Результаты использования бланка СД «Образ жизни» показывают, что представления о своем образ жизни брачном партнерстве у женщин: а) значимо более схожи (возрастает групповая сплоченность оценки), чем представления о своем образе жизни сейчас; б) значимо более позитивны. Это позволяет говорить о существовании идеализированного инфантильного

стереотипа образа жизни в браке у взрослых незамужних женщин. Такой стереотип часто может помешать поиску и установлению отношений с потенциальным (но реальным) брачным партнером.

В рамках трехуровневой модели образа жизни было выявлено, что в категорию наиболее значимых мотивов, прозвучавших в темах брачных ожиданий женщин, попадают мотивы коммуникации и совместной деятельности. Женщины рассматривают брак, как возможность перехода от внутренней коммуникации к внешней: от диалога с собой, к появлению нового внешнего субъекта коммуникации и пространства для совместной деятельности. Таким образом, одним из движущих мотивов создания брачного партнерства является представление женщин о возможности выхода на новые недостаточно реализуемые уровни образа жизни.

Основой невроза по З. Фрейду [8] считается неправильное направление или невозможность разрядки либидозной энергии, обусловленное фрустрацией естественного (в терминах З. Фрейда - инстинктивного) направления разрядки. Соответственно, в определенных ситуациях к неврозу может привести именно эффективность действующего защитного механизма (чаще всего - вытеснение, рационализация, искажение, сублимация, деперсонализация), мешающая осознанию и (или) реальному решению проблемы. Снижение активности обуславливается тем, что часть энергии тратится на удержание переживания в бессознательном, а невротические симптомы обуславливаются проявлениями неправильных (неестественных) способов разрядки напряжения или невозможностью сознательно контролировать энергию удерживаемых в бессознательном значимых аффективных переживаний. Символизм невротических симптомов определяется трансформацией энергии переживания в процессах вытеснения, сопротивления и канализации. А. Адлер [10] писал **о характерном для невротизированных личностей снижении уровня активности, необходимой для решения проблем.** Причинами снижения могут быть объективные фрустрирующие обстоятельства и (или) внутренние ограничения (в том числе и структура жизненного сценария).

Выводы. Совокупность полученных результатов показывает, что под влиянием своего традиционного представления о нормальной жизни и социальных ожиданий многие женщины среднего возраста, желающие вступить в брак, находятся в длительной стрессогенной ситуации.

Стрессогенность обусловлена значительной нереализованностью 17 вышеперечисленных важнейших параметров (качеств) желаемого образа жизни и недостаточной реализованностью выявленных 13 тем «нормального» образа жизни в совокупности с нереализованностью 6-ти важнейших функций семьи (полностью не реализуются или сублимируются функции воспроизводства, потребности в любви, психотерапевтическая, общения, воспитательная, сексуально-эротическая и защитная) [6]. Все это часто порождает представление о том, что сейчас «нормальная» жизнь еще не началась, а начнется после вступления в брак (типичный СОЖ – заживу «нормально» после значимого события). Наличие такого сценария придает значимому для женщины событию статус «сверхценности», со всеми вытекающими из чрезмерной мотивации последствиями: ригидность ожиданий и действий, нерешительность, инфантилизм, блокирование действий из-за боязни совершить ошибку и др. Очень высокий уровень требований к условиям начала «настоящей» жизни в совокупности со сценарным наделением самого момента «запуска настоящей жизни» некоторой сверхценностью, возможно, является одной из наиболее распространенных причин невроза отложенной жизни.

1. Бусыгина Н.П. Методология качественных исследований в психологии. М.: ИНФРА-М, 2015. 304 с.

2. Быкова И.А., Серкин В.П. Жизнь в ипотеке: психологические особенности // Вестник Кемеровского университета, государственного университета 2015. № 3 (63). Т. 3. С. 98 -106.

3. Олифиревич Н.И., Зинкевич-Куземкина Т.А., Велента Т.А. Психология семейных кризисов. М.: Речь, 2006. 360 с.

4. Серкин В.П. Жизненные сценарии северян и их влияние на принятие решений // Колыма. 1997. № 4. С.20 – 23.

5. Серкин В.П. Невроз отложенной жизни // Вестник Северного Международного университета. Вып. 1. 2003. С. 27 – 34.

6. Серкин В.П. Специфика реализации функций семьи при работе мужа вахтовым или сезонным методом // Вестник КРАУНЦ. Серия «Гуманитарные науки». 2012. № 2 (20). С. 146 – 154.

7. Серкин В.П. Психосемантика. М.: Юрайт, 2016. 318 с.

8. Фрейд З. Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1990. 448 с.

9. Фромм Э. Искусство любить: Исследование природы любви. М.: Педагогика, 1990. 65 с.

10. Adler A. What life should mean to you. London: George Allen and Unwin, 1980. 300 p.

11. Patterns of First Marriage: Timing and Prevalence. N.Y.: United Nations, 1990. P. 7-18.

НАДЁЖНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛА В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ ТРУДА

М.В. СОКОЛЬСКАЯ

Профессиональная надёжность оператора, осуществляющего деятельность в экстремальных условиях, является ключевым фактором безопасности не только профессиональной деятельности, но и жизнедеятельности самих операторов, а, следовательно, и показателем их профессионализма. Это позволило автору рассмотреть профессиональную надёжность как совокупность высокоразвитых профессионально важных качеств и осуществить эмпирическую проверку данной гипотезы на примере операторов железнодорожного транспорта.

Ключевые слова: профессиональная надёжность, профессионализм, безопасность, оператор, профессионально-важные качества, профессионал.

Введение. Высокая аварийность на транспорте и производстве, большой экономический и профессиональный ущерб от снижения надёжности систем управления, возрастающая цена ошибок оператора определяют постоянную необходимость поиска путей и средств обеспечения надёжного функционирования человека в подобных системах в нормальных и экстремальных условиях деятельности.

Проблема надёжности человека-оператора особенно актуальна в связи с тем, что в ряде операторских профессий деятельность характеризуется экстремальными условиями, которые могут не только обуславливать снижение её надёжности, но также оказывать вредное и опасное воздействие на человека. Это положение определяет тесную связь проблем надёжности и безопасности труда.

В исследованиях ведущих специалистов в психологии операторской деятельности (В.А. Бодров, 2003; М.А. Котик, 2004; Б.Ф. Ломов, 2005; В.А. Пономаренко, В.В. Лапа, 2005; В.Н. Пушкин, Л.С. Нерсисян, 2005 и др.) доказано влияние личностных особенностей на эффективность и надёжность профессиональной деятельности операторов движущихся объектов в космической, военной, гражданской авиации и на автотранспорте. С одной стороны, по данным психологических исследований личностные особенности – это константные, базисные характеристики конкретного индивида, а, с другой стороны, они в большой степени определяют индивидуальные поведенческие реакции и психические состояния, влияющие на эффективность профессиональной деятельности. Однако в системе профилактики нарушений безопасности на железнодорожном

транспорте проблеме изучения личностных особенностей машинистов локомотивов не уделяется достаточного внимания.

Деятельность работников железнодорожного транспорта, обеспечивающих безопасность движения поездов, особое место среди которых занимают поездные диспетчеры и машинисты локомотивов, связана с высоким уровнем ответственности за принимаемые решения, за жизнь людей и часто сопровождается повышенным нервно-эмоциональным напряжением.

В условиях современной политической, социально-экономической ситуации в России и в мире в целом данная проблема приобретает роль первостепенной: возросли требования к вопросам безопасности перевозок, следовательно, повышены требования к профессиональной надёжности поездного диспетчера и машиниста локомотива; внедрение новой техники, пересмотр длин диспетчерских участков, перенос стыков, привели к усложнению деятельности операторов; вопросы экономики перешли на первый план, а значит и ответственность за возможные потери вновь на поездных диспетчерах и машинистах; появился большой выбор среди кадровых ресурсов отделений дорог, а, следовательно, возрастает конкуренция между конкретными людьми, по использованию которых необходимо принимать решение и прогнозировать успех будущей деятельности нередко ещё до начала обучения.

Безопасное и безошибочное производственное функционирование в процессе взаимодействия с техническими системами локомотива в течение поездки определяется показателями надёжности, а именно способностью машинистов сохранять самообладание, быть внимательным, сохранять стрессо- и эмоциональную устойчивость, готовность работать в состоянии утомления, готовность к принятию необходимых мер в экстремальных ситуациях с целью обеспечения безопасности перевозок.

В связи с этим мы предлагаем рассматривать профессиональную надёжность как совокупность профессионально важных качеств операторов, высокий уровень развития которых позволит осуществлять максимально эффективный, безошибочный и, соответственно, безопасный процесс деятельности. Возможность проследить изменения профессионально важных качеств оператора на различных этапах профессионализации позволит

исследовать динамику их профессиональной надёжности в процессе наработки профессионального стажа.

Проблема надёжности профессиональной деятельности тесно сопряжена и с личностным здоровьем специалиста [7]. Выявлено существенное влияние некоторых черт характера, прежде всего – самоконтроля, формирующегося под воздействием социального окружения, в результате целенаправленного воспитания и самовоспитания. К другим чертам характера, которые бы побуждали к должному самоконтролю в поступках, поведении, деятельности, отнесены ответственность, дисциплинированность, чувство долга, самооценка, воля и самообладание. Среди прочего, выделен фактор моральной (нравственной) надёжности, к слагаемым которого отнесена совесть или нравственный самоконтроль личности и честность. Таким образом, надёжность профессионала находится в прямой зависимости, как от качества его профессиональной подготовки, так и от индивидуальных особенностей, в том числе личностных факторов.

Следует учитывать, что именно в процессе формирования психологической системы деятельности происходит своеобразная функциональная настройка психических функций на достижение целей деятельности. Структура профессионально важных качеств одновременно характеризует и структуру способностей личности в отношении конкретной деятельности, что, в свою очередь, позволяет делать определённые прогнозы в отношении уровня профессионализма того или иного специалиста, а, соответственно, его профессиональной надёжности и безопасности профессиональной деятельности.

Обобщая вышеизложенное следует подчеркнуть, что профессиональную надёжность следует рассматривать как комплекс внутренних процессов, приводящих к безошибочным и безотказным действиям оператора.

Методы и процедура исследования. Для реализации цели настоящего исследования – изучения динамики профессиональной надёжности машинистов локомотивов – было организовано эмпирическое исследование, участие в котором приняли 40 человек – машинисты локомотивов и помощники машинистов локомотивов станции Хабаровск–2. Все респонденты, в соответствии с этапами профессионализации, выделяемыми Е.А. Климовым [2], были разделены на 4 группы по 10 человек в каждой

группе: группа 1 – машинисты со стажем работы до 1 года; группа 2 – машинисты со стажем работы от 1 года до 5 лет; группа 3 – машинисты со стажем работы от 5 до 10 лет; группа 4 – машинисты со стажем работы более 10 лет.

Эмпирическая часть работы включила психологический анализ профессиональной деятельности машинистов локомотива, который показал, что для эффективного и безошибочного выполнения профессиональной деятельности специалисты должны обладать набором определённых профессионально важных качеств, к которым относятся: скорость переключения внимания, стрессоустойчивость, эмоциональная устойчивость, работа в состоянии утомления и др.

В соответствии с выделенными профессионально-важными качествами были определены диагностические методы, позволяющие выявить как наличие данных качеств у профессионала, так и определить степень их выраженности. Пакет методик для изучения профессиональной надёжности машинистов локомотивов был сформирован на основе рекомендованного Федеральным агентством железнодорожного транспорта методического инструментария для профессионального психологического отбора машинистов локомотивов.

Анализ и обсуждение результатов исследования. Обобщая полученные результаты можно утверждать, что уровень развития профессионально важных качеств операторов (во всей выборке респондентов) характеризуют в целом необходимый уровень надёжности для эффективного выполнения профессиональной деятельности – обеспечения безопасности перевозок:

- уровень выраженности стрессоустойчивости и эмоциональной устойчивости – высокий.

- показатели надёжности работы в состоянии утомления, показатели времени сложной двигательной реакции (сенсомоторной) и скорости переключения внимания – в пределах нормы.

- показатели объёма внимания и показатели вработывания и работоспособности находятся на среднем уровне.

Анализ полученных результатов позволяет предположить, что машинисты локомотивов вследствие постоянного воздействия негативных факторов внешней среды привыкают к их влиянию, условно говоря, не

замечают их. То есть, с одной стороны, в процессе осуществления профессиональной деятельности у операторов формируется способность быстро включаться в работу, поддерживать состояние работоспособности в течение поездки и не терять бдительность, сохраняя сосредоточенность и внимательность. С другой, адаптация к постоянным стрессовым воздействиям «притупляет» внимание оператора, способствует игнорированию существенных мелочей в процессе осуществления профессиональной деятельности (управления локомотивом), что может привести к необратимым последствиям.

С целью выявления динамики профессиональной надёжности операторов были проанализированы изменения в показателях профессионально важных качеств в каждой из четырёх групп респондентов.

Машинисты локомотивов с опытом работы до 1 года (группа 1), не смотря на небольшой опыт работы в данном виде деятельности хорошо справляются с профессиональными стрессами, и не поддаются эмоциональным напряжениям. Следовательно, они способны эффективно выполнять свои профессиональные задачи.

Машинисты локомотива со стажем работы от 1 года до 5 лет (группа 2), также хорошо справляются со стрессогенными профессиональными факторами, умеют регулировать эмоциональное напряжение; сохранять уравновешенность, рассудительность, внимательность и готовность к оперативному анализу дорожной ситуации и принятию необходимых мер по ликвидации возникших трудностей.

Машинисты со стажем работы от 5 до 10 лет (группа 3) имеют высокую степень сопротивляемости влиянию субъективных и объективных факторов: умеют управлять возникающими эмоциями в процессе деятельности; оперативно и быстро принимают решения при возникновении сложных проблем; быстро запоминают информацию и используют её при решении поставленных задач.

Машинисты со стажем работы более 10 лет (группа 4) за длительное время работы выработали невосприимчивость к эмоциогенным факторам, оказывающим отрицательное влияние на психическое состояние специалиста, а также способность контролировать и сдерживать возникающие негативные эмоции, обеспечивая тем самым успешное выполнение необходимых действий. Следует отметить, что в виду большого

опыта работы машинисты отточили свои действия до автоматизма, и им не требуется большого количества времени для решения возникающих экстренных ситуаций.

Анализ полученных результатов позволяет утверждать, что машинисты способны справляться с влиянием негативных факторов – они эмоционально адекватно на них реагируют, что способствует сосредоточенности, внимательности и адекватной оценке дорожной ситуации в целом.

Для определения взаимосвязи показателей внутри каждой группы был использован корреляционный анализ Пирсона, который показал следующее:

- У машинистов локомотива со стажем работы менее 1 года не выявлена взаимосвязь профессионально важных качеств с надёжностью выполнения профессиональной деятельности. Возможно, это связано с небольшим опытом работы специалистов, поэтому у них ещё не сформированы в необходимой степени те профессионально важные умения и навыки, которые способствовали бы высокому уровню профессиональной надёжности.

- У машинистов с опытом работы от 1 года до 5 лет выявлена взаимосвязь между переключаемостью внимания и надёжностью работы в состоянии утомления. Для эффективной и надёжной работы в состоянии утомления машинист локомотива должен сознательно переносить внимание с одного объекта на другой и не допускать отвлечения внимания на посторонние объекты и разного рода раздражители. Результаты исследования позволяют предположить, что способность сознательно контролировать переключаемость внимания у машиниста формируется в процессе осуществления профессиональной деятельности.

- Уровень развития профессионально важных качеств машинистов локомотивов с достаточно длительным стажем работы (от 5 до 10 лет) при воздействии эмоциональных и стрессогенных факторов способствует формированию способности к переключению внимания в процессе поездки, адекватному анализу дорожной ситуации и, соответственно, принятию эффективных, профессионально грамотных решений в экстремальных ситуациях деятельности.

- В группе 4 (стаж работы более 10 лет) наиболее тесная взаимосвязь выявлена между показателями эмоциональной устойчивости и скоростью переключения внимания. То есть способность преодолевать состояние

эмоционального возбуждения при выполнении сложной деятельности, скорость переноса внимания с одного объекта на другой позволять человеку оперативно реагировать на изменение текущей ситуации.

- Между эмоциональной устойчивостью профессионалов четвёртой группы и объёмом их внимания выявлена обратная взаимосвязь, т. е. при вынужденном увеличении объёма внимания в процессе осуществления профессиональной деятельности эмоциональная устойчивость машинистов локомотивов будет снижаться.

Выводы и рекомендации. Выявленная взаимосвязь стрессоустойчивости, объёма внимания и уровня работоспособности машинистов позволяет утверждать, что при высокой степени устойчивости к воздействию негативных факторов количество воспринимаемых объектов в единицу времени увеличивается, что позволяет оператору отслеживать и оценивать даже малейшие изменения в окружающей обстановке. Кроме того, с развитием данных качеств процесс вработывания проходит намного быстрее, а уровень работоспособности сохраняется на протяжении всей поездки.

Итак, полученные результаты позволяют говорить о наличии взаимосвязи показателей профессиональной надёжности в каждой группе респондентов, причём, эти взаимосвязи как количественно, так и качественно усиливаются в зависимости от опыта профессиональной деятельности.

Для выявления динамики профессиональной надёжности машинистов локомотивов был использован U–критерий Манна-Уитни. Результаты сравнительного анализа свидетельствуют о сходстве показателей в разных группах. Это даёт основания утверждать, что надёжность машинистов в процессе профессионализации подвергается изменениям за счёт развития таких профессионально важных качеств как: способность работать в состоянии утомления, скорость переключения внимания, стрессоустойчивость, эмоциональная устойчивость.

У специалистов со стажем работы до 1 года и у специалистов до 10 лет выявлено изменение скорости переключения внимания. Показатели эмоциональной устойчивости имеют тенденцию к изменениям в процессе всего периода профессионализации. Объём внимания машинистов изменяется в процессе деятельности более 10 лет.

Можно предположить, что данные изменения зависят и от возраста специалистов, т. к. у машинистов с небольшим стажем профессиональной деятельности не только не успели сформироваться в достаточной степени необходимые профессиональные знания, умения и навыки, но и, возможно, недостаточно сформированы: мотивация, осознание степени значимости данной деятельности, профессиональной ответственности.

В заключении важно отметить следующее. Результаты исследования подтвердили гипотезу о том, что профессионализм машиниста – это безопасное и безошибочное производственное функционирование специалиста в процессе взаимодействия с техническими системами локомотива в течение всей поездки. Профессионализм машиниста определяется показателями надёжности, а именно: способностью сохранять самообладание, быть внимательным; способностью сохранять стрессо- и эмоциональную устойчивость; способностью сохранять готовность работать в состоянии утомления; способностью сохранять готовность к принятию необходимых мер в экстремальных ситуациях с целью обеспечения безопасности перевозок.

1. Бодров В.А., Орлов В.Я. Психология и надёжность: человек в системах управления техникой. М.: Ин-т психологии РАН, 2003. 288 с.
2. Климов Е.А. Психология профессионала. М.: Ин-т практич. психол.; Воронеж: НПО «МОДЕК», 2005.
3. Котик М.А. Саморегуляция и надёжность человека-оператора Таллин: Валгус, 2004. 167 с.
4. Ломов Б.Ф. Деятельность оператора в системе «человек-машина». Основы инженерной психологии. М.: Высш. шк., 2005. 196 с.
5. Нерсесян Л.С. Железнодорожная психология: 2-е изд., переработанное и дополненное М.: ООО Фирма «РЕИНФОР», 2005. 534 с.
6. Пономаренко В.А. Этапы развития проблемы безопасности полетов в авиационной медицине. М.: 2005. № 3. 12–19 с.
7. Сокольская М.В. Личностное здоровье профессионала. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2008. 303 с.

ТРАВМАТИЗАЦИЯ СЕМЕЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ОСУЖДЕННЫХ ЗА УБИЙСТВА

С.Д.ХАЧАТУРЯН, М.Н. АБДУРАСУЛОВА

Статья посвящена вопросам психологической коррекции несовершеннолетних осужденных за убийства. Авторы, опираясь на основные положения полигенерационной системной травматологии, выдвигают гипотезу о наличии в семейной истории несовершеннолетних осужденных системных травм. Исследование проводилось в ФКУ Находкинская воспитательная колония ГУФСИН России по Приморскому краю. Все травмы разделяются на четыре вида: экзистенциальные травмы, травмы потери, травмы отношений и системные травмы отношений. Делаются выводы о том, все семьи осужденных за убийства наполнены травмами, а с осужденным нужно работать как с жертвой этих травм. Предлагаются основных направлениях психологической коррекции.

Ключевые слова: психологическая коррекция, несовершеннолетние осужденные за убийство, полигенерационная системная травматология, экзистенциальная травма, травма потери, травма отношений, травма системных отношений.

Введение. Разделяя основные положения системной семейной психотерапии [3] и полигенерационной системной травматологии [2], мы относимся к криминальному поведению несовершеннолетних как симптому, который принадлежит всей семейной системе. Симptomу, который является проявлением травмы: или травмы непосредственно несовершеннолетнего преступника, полученного им чаще всего в семье, или травмы других членов семьи, которую ребенок перенимает от родителей, или системной травмы, которая существует уже несколько поколений в семье и передается через механизмы привязанности от родителей к детям.

В этом контексте необходимо относиться к психологической работе с несовершеннолетними осужденными как психотерапии их травмы, которая проявилась через совершенное преступление.

Франц Рупперт описывает это положение следующим образом: «Теория травмы рассматривает симптом как необходимый защитный механизм преодоления травматического опыта. А поэтому симптом нельзя просто «вылечить». Нужно понять его функцию, ведь симптом указывает на заблокированные чувства. Только когда удастся найти истинные причины и подобрать соответствующую терапию, симптом утихнет или преобразуется в другую душевную структуру. В первую очередь любовь должна снова свободно циркулировать и ощущаться человеком, тогда и в душе воцарится мир» [2, С. 30].

Основными понятиями, исследования, стали процесс межпоколенческой передачи (multigenerational process) и отрыв (cut off) из

теории семейных систем Мюррея Боуэна, системная травма (trauma family system) из полигенерационной системной травматологии Франца Рупперта. Также использовалась классификация Ф. Рупперта видов травмы: экзистенциальная травма, травма потели, травма отношений и травма системных отношений.

Методы и процедура исследования. Исследование проводилось в ФКУ Находкинская воспитательная колония ГУФСИН России по Приморскому краю в январе-феврале 2017 года в виде структурированного интервью с 56 осужденными подростками. По каждому случаю составлен отдельный протокол.

Результаты и их обсуждение. Практически в каждом из запроотоколированных случаев мы можем предполагать идентификацию осужденного на одного из агрессоров в семейной истории. Чаще всего это проявилось при описании несовершеннолетним осужденным чувств, иногда повторяется характер и особенность преступления, иногда повторяется место преступления, орудие преступления.

Таким образом, в качестве основного системного механизма, который лежит в основе «повторений» динамики агрессора и жертвы, в качестве основного процесса межпоколенческой передачи, выделяется «идентификацию с агрессором».

Термин «идентификация с агрессором» был введен Зигмундом Фрейдом (более подробно описан Анной Фрейд), который выделил как самостоятельный процесс «идентификацию с агрессором» - бессознательное отождествление себя с тем (теми), кто угрожает твоей безопасности.

Ненси Мак-Вильямс описывает это так: «В своих не столь позитивных формах интроекция, как и проекция, представляет собой очень деструктивный процесс. Наиболее известные и впечатляющие примеры патологической интроекции включают в себя процесс, названный, если учитывать его примитивность, несколько неудачно — «идентификация с агрессором». Хорошо известно, как из непосредственных наблюдений в естественных условиях, так и из эмпирических исследований, что в ситуациях переживания страха или плохого обращения люди пытаются овладеть своим страхом и страданием, перенимая качества мучителей. «Я беспомощная жертва; я сам наношу удары, и я могущественен» — людей неосознанно влечет к подобной защите. Понимание данного механизма

критически важно для процесса психотерапии. Он не совпадает ни с какими диагностическими категориями, однако особенно ярко проявляет себя при характерологических предрасположенностях к садизму, эксплозивности и тому, что часто называют импульсивностью» [1, С. 70].

Ф. Рупперт описывает это так: «Для понимания многочисленных последствий травм особенно важно знать, что в ситуации насилия, в которой жертва беспомощно находится во власти насильника, психическая структура насильника запечатлевается в жертве. Вероятно, одним из защитных механизмов травмы является идентификация с насильником. Перенятие структуры личности насильника – это последняя попытка выжить. Собственное «я» уходит на задний план, на его место приходит «я» насильника. Если жертве удастся пережить насилие, душевная структура насильника снова отходит в тень, но остается в жертве в виде отщепленной части его личности. Таким образом, становится понятным самоповреждающее поведение, склонность к суициду и агрессия, направленная против других людей, напоминающих человеку самого себя в состоянии первичной травмирующей ситуации» [2, С. 71].

Приведем некоторые данные исследования, подтверждающие данное положение.

Осужденный Л. 1999 года рождения (статья 105ч.2, 166 ч.2, 158ч.2 УК РФ, срок 6 лет 11 месяцев лишения свободы). История второго поколения содержит две пары «агрессор-жертва»: отец – агрессор и мать-жертва, которую он бил. Вторая пара: отец осужденного (агрессор) ранил ножом девушку (жертва). У осужденного проявляются трудности в описании чувств. Не желает осуждать отца, но и не хочет иметь с ним ничего общего. К жертве (женщине, которую ранил отец) не испытывает никаких чувств: «все равно, она мне никто». Сам убил мужчину 35-38 лет. В тот момент чувствовал эмоциональную радость, подъем, прилив сил, облегчение и наслаждение. В настоящий момент – ничего не чувствует по отношению к жертве. Таким образом, мы наблюдаем совпадение характера преступления, орудия преступления, чувств к жертве. Возможна идентификация на отца.

Осужденный М 1999 года рождения (статья 105 ч.2, 131 ч.2 УК РФ, срок 9 лет 6 месяцев лишения свободы). История семьи содержит несколько пар агрессор-жертва. Первая пара одной отец осужденного – агрессор (убийство сотрудника) и сотрудник – жертва. Отношение к отцу во время его

преступления описывает следующим образом: «у отца помутился рассудок». К агрессору (отцу) испытывает жалость, так как «понимает, что в неадекватном состоянии человек не владеет собой». Таким образом, полностью оправдывая агрессора. Жертву жалко, но «жалость к жертве равноценна чувству жалости к отцу». Вторая пара агрессор и жертва связана с участием дяди осужденного (родного брата отца) в военных событиях в ходе первой чеченской компании. Пересказывает очень эмоционально рассказ дяди о том, как на его глазах чеченцы перерезали горло пленным. При этом в своих оценках агрессора (чеченцев) указывает: «Чеченцы обезбашенные, может быть были под наркотиками, ведь в здравом уме и рассудке такое не делают». Сам осужденный убил женщину (после изнасилования). Всего было нанесено 104 ножевых ранения. В момент преступления «чувствовал себя как в танке, смотрящим в узкое окно и бьющем как автомат». На момент преступления к жертве не было никаких чувств. Сейчас жалость к этой женщине и сожаление о своем поступке. При описании своих чувств прямо ассоциирует себя с участием в военных действиях (танк, автомат). У всех агрессоров (при анализе трех пар агрессор-жертва) – отец, чеченцы, он сам осужденный описывает одно и то же состояние как неадекватное («помутился рассудок», «под наркотиками», «как в танке»). Безусловно, можно отметить совпадение в характере преступления (убийство) и орудии преступления (нож). В данном случае по эмоциональной реакции осужденного возможно предположить идентификацию на агрессора во второй паре агрессор-жертва (на чеченцев).

Осужденный Д. 1998 года рождения (статья 105 ч.1 УК РФ, срок 4 года лишения свободы). История второго поколения содержит несколько пар «агрессор-жертва». Во-первых, два двоюродных брата папы отбывали срок за наркотики в разных колониях. Во-вторых, дядя осужденного (жертва) был убит (агрессоры). Чувств к дяде никаких не испытывает, к тем, кто его повесил, тоже нет никаких чувств. Полное спокойствие и равнодушие. Сам обвинен в убийстве родного брата. Вину не признает. Заявляет, что его оговорили. Таким образом, мы наблюдаем совпадение чувств и характера преступления. Возможна идентификация на убийц дяди. Чувства не проявлены.

Осужденный В. 1999 года рождения (статья 105 ч.2, 116 ч. УК РФ, срок 9 лет 11 месяцев лишения свободы). Несколько пар «агрессор-жертва» в

третьем и втором поколении. В третьем поколении и дед, и бабушка по линии матери – участники Великой Отечественной войны. Здесь может быть много незавершенных историй агрессор-жертва. В их жизни это отразилось в психических нарушениях к старости. Дед «кидался кирпичами, кидался с ножом на детей и внуков, кричал «перережу фашистов», что скорее всего говорит об идентификации на агрессора («фашистов»). А бабушке «постоянно слышались голоса, и она сбегала из дома и ее искали», что позволяет предположить идентификацию на жертву. Деда - жаль, он его любил. К бабушке чувств нет. Во втором поколении дядя – брат мамы пробил голову своей матери (бабушке), у которой хотел украсть сумку. На него злость. К его жертве (бабушке) — ничего – «ударил, да ударил». До этого преступления дядька отбывал наказание за убийство милиционера. Чувства к убитому милиционеру солидарны с убийцей: «я б тоже бы убил, мне было бы пофиг, если он так поступил, значит было за что». Сам осужден за убийство. Себя не осуждает, вины не признает («Надо было тщательнее скрывать улики, закопать его, а не бросить в кусты.»). Таким образом, мы наблюдаем совпадение чувств как с дедом, так и с дядей. Мы видим совпадение характера преступления. Предполагаем идентификацию на деда как на агрессора (и на незавершенные военные травмы).

Осужденный С. 1999 года рождения (статья 105 ч.1 УК РФ, срок 9 лет лишения свободы). В истории семьи несколько пар «агрессор-жертва» в третьем и втором поколении. Отец осужденного совершил суицид. Дед с маминой стороны (агрессор) отбывает наказание за убийство бабушки (жертва). Утопил ее в ванной. Дед всю жизнь занимался боксом, воевал в Афганистане (у деда возможны идентификации, связанные с афганской войной). К деду испытывает гордость, так как «воевал, занимался спортом, не курил». Полностью оправдывает убийство бабушки: «Ничего страшного, что так случилось. С кем не бывает?». К бабушке – никаких чувств («Умерла и умерла.»). Осужден за убийство. Жертва-мужчина во время выпивки оскорбил мать осужденного. Осужденный « ушел домой, взял ружье, вернулся в бар и застрелил его (ружье отца)». Чувства к жертве – злость и агрессия. Себе не осуждает: «считаю, что поступил правильно, так как мама для меня святой человек, я ее люблю и уважаю». Таким образом, мы наблюдаем совпадение чувств с агрессором (дед). Отмечается, что

совпадение характера преступления, чувств к жертве. Возможна идентификация на деда как на агрессора.

Осужденный Р. 1999 года рождения (статья 131 ч.2, 105 ч.2 УК РФ, срок 9 лет 6 месяцев лишения свободы). В истории семьи четыре самоубийства. Отец покончил жизнь самоубийством (выпил яд), когда Р. было 3 месяца. Воспитывал его старший брат, который в 19 совершил суицид через повешение. Дядя в 21 год умер от передозировки. Двоюродная сестра в 18 лет задушила себя шнурком от неразделенной любви. В семейной системе так же несколько пар «агрессор-жертва» во втором поколении. Дядя по маминой линии (жертва) с подельниками ограбил магазин, после этого подельники (агрессоры) убили его в лесу. Отец (агрессор) отбывал наказание, два дяди (агрессоры) отбывали наказание в местах лишения свободы (не знает за что). В паре агрессор (убийцы дяди) – жертва (дядя) к дяде испытывает страх, к убийцам ненависть. Сам осужден за убийство и изнасилование. Подельник наносил жертве (женщине) после секса удар за ударом, потом передал нож Р., он ударил 4 раза. Чувства к жертве – «порой кажется, что все было заранее predetermined, это Судьба. Эта женщина имела серьезное заболевание головы и мучилась. И они избавили ее от мучений». К себе – «на воле он жил не так, как надо. И такая жизнь все равно бы привела его в тюрьму». Таким образом, мы наблюдаем совпадение чувств с агрессором (убийцы дяди). Отмечается так же совпадение характера преступления, чувств к жертве, орудия преступления. Возможна идентификация на них как на агрессоров.

Осужденный Б. 2000 года рождения (статья 105 ч.1 УК РФ, срок 6 лет 6 месяцев лишения свободы). В истории семьи есть несколько пар «агрессор-жертва» в первом и втором поколении. Старшая сестра (агрессор) отбывала наказание в воспитательной колонии за убийство. Убила ножом мужчину (жертва). Б. помнит, как в детстве ездил с бабушкой к сестре на свидания. Родную сестру папы (жертва) в 30 лет при распитии спиртных напитков зарезали двое мужчин (агрессоры). Чувства к сестре нет никаких, к ее жертве тоже. Чувства к тете – жалость, сострадание. Чувства к ее убийцам – агрессия, жестокость, ярость. Сам осужден за убийство (нанес мужчине 50 ножевых ранений) в алкогольном опьянении. Чувства к жертве – нет ни жалости, ни угрызений совести. Жалеет только о том, что выкинул из жизни 6,5 лет. Таким образом, мы наблюдаем совпадение чувств с агрессорами

(старшая сестра, убийцы тети). Отмечается так же совпадение характера преступления, орудия преступления, чувств к жертве. Возможна идентификация на них как на агрессоров.

По результатам исследования можно сделать вывод, что семьи всех обследованных несовершеннолетних осужденных в разных поколениях от четвертого до первого содержат системную травму, связанную с наличием пар «агрессор и жертва». Практически у всех осужденных можно предполагать в качестве основного процесса, лежащего в основе мотивации совершения преступления и формирования образа себя и жертвы, «идентификацию с агрессором». Образ жертвы собственного преступления и образ себя как агрессора в своем преступлении тесно связан с образами других пар «агрессор-жертва» в семейной истории. Работа по психологической коррекции осужденного должна в первую очередь быть направлена на преодоление «идентификации» осужденного с агрессором в семейной истории. Иными словами, без завершения на символическом уровне динамики агрессора и жертвы в предшествующих поколениях, изменение образов себя как агрессора и своей жертвы будет затруднительно.

У всех осужденных несовершеннолетних за убийства, принявших участие в исследовании, в истории семьи присутствуют преступления, как совершенные членами семьи, так и против членов семьи.

У всех (100 % семей) осужденных в истории семьи присутствуют преступники – члены семьи. При этом характер преступлений часто повторяется. Против членов 60 % семей осужденных были совершены преступления, в 42 % случаях – это убийство члена семьи осужденного.

В 30 % семей было совершено родовое убийство. Ф. Рупперт определяет это событие как самое разрушительное для психики членов семьи. «Разрушительней всего воздействует убийственное насилие и сексуальная необузданность на души и психику пострадавших, если преступление совершается внутри системы семейных отношений. Убийство матери, отца, брата, сексуальный контакт со своими детьми и сестрами, убийство собственного ребенка повергают всех членов семьи в состояние эмоционального оглушения. Эти факты невозможно интегрировать посредством чувств» [2, С. 146].

Безусловно к системным травмам, которые искажают течение эмоционального процесса в семье, в некоторых случаях приводят к

интенсивному эмоциональному отрыву, можно отнести и следующие события, которые упоминаются осужденными в ходе исследования: участие в войнах, сумасшествие членов семьи, развод родителей, насилие в семье, злоупотребление в семье наркотиками и алкоголем.

В 42 % семей в истории присутствует травмы, связанные с войной. В 42 % семей произошли самоубийства членов семьи. А в одной из этих семей – четыре самоубийства. В 14 % семей были психические расстройства.

В 57 % семей родители разошлись, и ребенок воспитывался либо без отца в 42 % семей, либо без обоих родителей в 14 % семей.

Во всех семьях (100 % семей) злоупотребляли алкоголем или наркотиками.

В качестве отдельной ставилась задача исследования эмоционального разрыва (отрыва) в семьях осужденных несовершеннолетних. Это понятие было добавлено М. Боуэном к теории в 1975 г. Со временем эмоциональный отрыв стали называть «разрывом между поколениями» [3]. Степень отрыва от предшествующих поколений определялась в исследовании с помощью вопросов о наличии или отсутствии чувств к членам семьи, которые упоминаются осужденным. А также по наличию или отсутствию у осужденного знаний о том или другом поколении. При этом на отрыв, с нашей точки зрения, будут указывать факты отсутствия чувств, наличие злости или ненависти в адрес члена семьи. А также указания осужденного, что он ничего не знает о каком-то поколении своей семьи.

В большинстве случаев (57 % семей) осужденные не владеют информацией о своем третьем поколении (дедушки и бабушки). Таким образом, семья воспринимается осужденным только в двух поколениях (он и его родительская семья), а мы можем констатировать факт разрыва между третьим и вторым поколением.

В 65 % семей осужденные указывают на отсутствие чувств к значимому родственнику. В 57 % семей осужденные признают наличие ненависти или сильной злости к членам семьи или значимым в истории семьи людям. В целом по фактору отсутствие чувств или наличия ненависти можно констатировать эмоциональный разрыв в 95 % семей несовершеннолетних, осужденных за убийство.

Ф. Рупперт выделяет четыре вида травм (по причине их возникновения): «экзистенциальные травмы, травмы потери, травмы

отношений и системные травмы отношений» [2, С. 86]. Под экзистенциальными травмами он понимает переживания, связанные с ситуациями жизни и смерти, к которым можно отнести войны и военные конфликты, убийства, репрессии, холокост, постановку смертельного диагноза и т.п. Травмированный может выступать в них как участник, жертва, свидетель, или быть членом семьи участника, жертвы, свидетеля. Под травмами потери понимаются переживания, связанные с ситуациями смерти родителей, если дети еще не выросли, или смерти брата, сестры, внезапной смерти любимого, а также потеря одного из родителей в случае их развода, потеря обоих родителей или потеря партнера из-за измены, разрыва, развода [2, С. 105]. Под травмами отношений Ф. Рупперт в первую очередь понимает переживания, связанные с тем, что «потребность в надежной, стабильной привязанности не удовлетворяется родителями» [2, С. 123].

Травма системных отношений в первую очередь возникает, когда вся система семьи в целом, социальная группа или все общество оказывается под влиянием травмирующих событий, инициированных членами данной системы или против них (убийства, преступления внутри семьи, инцест, преступления против других, преступления против членов семьи, войны, психические расстройства у членов семьи, самоубийства членов семьи и т.п.).

В среднем семья несовершеннолетних, осужденных за убийство, содержат 4,57 травматичных событий. У осужденных за убийства абсолютное большинство травм находится во втором (отец, мать, дяди и тети) и третьем (дедушки и бабушки) поколениях. Таким образом система травмирована уже в нескольких поколениях.

В соответствии с описанием типа травмы, возможно, предположить характер травмы, полученной осужденным в каждом из описанных случаев семьи осужденных за убийства, наполнен экзистенциальными травмами (100 % семей), травмами отношений (100 % семей) и травмами системных отношений (100 % семей). В меньшей степени им свойственны травмы потери (60 % семей).

По результатам исследований можно сделать следующие предварительные **выводы**:

1. Все обследованные несовершеннолетние осужденные сами являются жертвами травматичных событий в своих собственных семьях.

Внутренняя реальность жертвы всегда ограничена. Застревание жертвы в травматичном опыте мешает построению будущего, хорошему видению перспектив, развитию. Постоянное желание отгородиться от травмы приводит к необходимости все время удерживать хрупкий баланс между агрессией и ужасом. Эта внутренняя война с травмой отнимает все силы и не допускает любви, уважения, веры, которые воспринимаются как непозволительная слабость. Зато злость, ненависть, агрессия даёт силы. Через злость жертва как бы отделяется от своего травматичного опыта. Злость, направленная на других, позволяет контактировать с этим опытом в безопасной для жертвы форме – теперь другие переживают то, что он проживал, а точнее не смог пережить в своей травме. Собственно, функция преступления в том и состоит, чтобы спроецировать свой собственный травматичный опыт на других. Этим же определяется, как нам представляется, и выбор пола жертвы. Жертвами становятся представители того пола, который в случае с осужденным выступал в качестве агрессора.

2. Все семьи осужденных за убийства наполнены экзистенциональными травмами, травмами отношений и травмами системных отношений. В меньшей степени им свойственны травмы потери. Так или иначе, осужденный идентифицируется с одним из агрессоров (мужчин) в системе, перенимая на себя чужой опыт. В данном случае основные травмы произошли не с самим осужденным, а другими членами семьи. Основными темами психотерапии в данном случае становятся лояльность системе, перенятие чужого опыта, чувств. А задача терапии может быть определена как разделение с чужим опытом и переживание своей вины.

3. Программа психокоррекции должна быть направлена на осознание осужденным себя в качестве члена семьи, с которой он связан эмоционально, функционально и мотивационно. Наиболее значимой задачей психокоррекции является осознание осужденным повторяемости событий семейной истории, определение причины совершения ими преступлений в лояльности травматическому опыту семьи. Для этого в качестве первой и насущной задачи психокоррекции осужденных мы выделяем сбор информации о травматичных событиях семьи осужденного в трех-четырёх поколениях, что невозможно без контакта с родственниками осужденного.

4. В центре программы должна лежать идея травмы. Осужденные должны осознать различные травмы в истории семьи и степень их влияния на последующие поколения. Необходимо проработать весь спектр эмоциональных отношений семьи в связи с этими событиями. При этом задача психокоррекции в данном случае описывается как перевод эмоционального разрыва в более упорядоченную форму отделения несовершеннолетнего осужденного от своей расширенной семьи. Следовательно, нужно преодолеть «бесчувственность», проработать присутствующую ненависть, и способствовать возвращению в образ семейной системы у осужденного уважения и любви. Он должен понять, что хорошая семья строится на уважении и любви друг к другу. А злость, жалость, страх, унижение создают условия для нарушенных и небезопасных отношений в последующих поколениях семьи.

5. Основная же работа должна быть нацелена на преодоление «идентификации» осужденного с агрессором в семейной истории.

1. Мак-Вильямс Н. Психодинамическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе. Москва: Класс, 1998. 480 с.

2. Рупперт Франц Травма, связь и семейные расстановки. Понять и исцелить душевные раны. М.: Институт консультирования и системных решений, 2014. 264 с.

3. Теория семейных систем Мюррея Боуэна. Основные понятия, методы и клиническая практика. Сборник статей. М.: Когито-Центр, 2008. 496 с.

ДИНАМИКА ЗАЩИТНЫХ СТРАТЕГИЙ ПОВЕДЕНИЯ В ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Т.И. ШЕВЧЕНКО

Проведено исследование динамики копинг-поведения сотрудников Федеральной противопожарной службы (ФПС) МЧС России в процессе профессиональной деятельности с учетом их нервно-психической устойчивости и уровня тревожности.

Установлено, что копинг-поведение общей выборки обследованных пожарных адаптивно стрессовой ситуации, нацелено на ее оценку, анализ, принятие решения и действие по ее преодолению. При этом средние показатели нервно-психической устойчивости высокие, а показатели личностной тревожности немногим выше показателей ситуативной тревожности, что характеризует пожарных как активных, ответственных, мотивированных на успех в жизнедеятельности, заинтересованных в результате. Выявлен рост тревожности пожарных с увеличением возраста, особенно после 35-и лет или после 6-и лет стажа работы в ФПС МЧС. Определенные стимулы все чаще расцениваются как опасные для самооценки, снижается стрессоустойчивость, что вероятно провоцирует неадекватное эмоциональное реагирование в экстремальной ситуации.

Ключевые слова: пожарный, федеральная противопожарная служба, копинг-поведение, нервно-психическая устойчивость, личностная тревожность, ситуативная тревожность.

Введение. Профессиональная деятельность пожарных сопровождается экстремальными условиями труда (ГОСТ 12.0.003) и по степени опасности и вредного влияния по данным ВОЗ входит в десятку сложнейших профессий и относится к категории опасных (Р 2.2.755-99).

В тяжелых экстремальных ситуациях психологические и другие перегрузки достигают пределов, за которыми следуют переутомление, нервное истощение, срыв деятельности, аффективные реакции, психогении. Опосредованным следствием долговременных воздействий экстремальных факторов на человека является профессиональный стресс [1, 3, 4, 7, 10, 12, 13].

Функциональное состояние специалиста показывает, насколько он готов к выполнению той или иной деятельности, достаточно ли для этого резервов его организма и насколько они надежны [2, 5, 11, 14]. Медицинские исследования отмечают прямую зависимость наличия хронических заболеваний, в частности, сердечно-сосудистых и желудочно-кишечных, от уровня стрессоустойчивости человека, его личностной и ситуативной тревожности, а также предпочтений выбора копинг-стратегий для совладания с тяжестью ситуации [3, 9, 12, 13].

Интерес вызывает динамика уровня тревожности, нервно-психической устойчивости, а также способность адекватной мобилизации специалиста для

включения в экстремальную деятельность, так как комбинация этих психологических показателей оказывает влияние на состояния физиологических функций, обеспечивающих неспецифическую напряженность. При неустойчивой психической деятельности в условиях стрессовой ситуации растет вероятность формирования неадекватного поведения [3, 6, 7, 10, 13, 15, 16]. При глубоких психологических изменениях развиваются аффективные неврозы в виде страха, выраженных двигательных возбуждений и длительного ступора [5, 8, 9, 12, 18, 20]. Следствием может быть нарушение профессиональной деятельности, вероятность травматизма.

Материалы и методы исследования. Исследование проводилось на базе НИО «Медицинский регистр МЧС России» ФГБУ ВЦЭРМ им. А.М. Никифорова МЧС России. Обследовано 53 специалиста ФПС МЧС России. Все респонденты – пожарные, мужчины, проживающие в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, имеют среднее специальное или среднее образование. Усредненные показатели качества жизни обследованных одинаковы (заработок, обеспечение жильем, состав семьи). Средние значения возраста пожарных составили ($29,7 \pm 0,9$) лет и стажа работы в ФПС МЧС России – ($8,2 \pm 0,8$) лет.

В ходе исследования при помощи опросника, разработанного С. Норманом, Д.Ф. Эндлером, Д.А. Джеймсом и М.И. Паркером, адаптированным Т.А. Крюковой [19], проведена диагностика копинг-поведения в стрессовых ситуациях жизнедеятельности пожарных для выявления доминирующих копинг-стрессовых поведенческих стратегий. Из 48 предложенных опросником реакций на стрессовые обстоятельства пожарный выбирает одно (по 5-бальной шкале), основанное на собственном опыте, и направленное, по его мнению, на их преодоление. С учетом своих возможностей пожарный осознанно применяет поведенческие, когнитивные и эмоциональные копинг-стратегии, различные по уровню адаптивности к обстоятельствам стресса. Методика дает возможность оценить каждую из следующих копинг-стратегий:

- 1) Копинг, ориентированный на решение задачи (Крз);
- 2) Копинг, ориентированный на эмоции (Кэ);
- 3) Копинг, ориентированный на избегание (Ки);
- 4) Субшкалы отвлечения (Ко) и социального отвлечения (Ксо).

Результаты теста представляются в баллах [22].

Для исследования нервно-психической устойчивости (НПУ) пожарных использована анкета В.Ю. Рыбникова «Прогноз-2» [17], которая позволяет выявить отдельные признаки личностных нарушений, а также оценить вероятность возникновения нервно-психических срывов. Качественный анализ ответов позволяет уточнять отдельные биографические сведения, особенности поведения и состояния психической деятельности человека в различных ситуациях. Методика содержит 86 вопросов, на каждый из которых обследуемый должен дать ответ «да» или «нет». Результаты обследования выражаются количественным показателем в баллах.

Уровень ситуативной (СТ) и личностной (ЛТ) тревожности пожарных исследован при помощи методики Спилбергера [2]. Тест содержит 40 утверждений, которые респондент оценивает (в баллах) по предложенным вариантам ответов. Результаты интерпретируются согласно рекомендациям автора методики. На каждого респондента оформлялось заключение об уровне его тревожности с необходимыми рекомендациями по его коррекции в процессе психологического сопровождения в профессии.

Профессионально-возрастные группы пожарных, определившие стадии формирования профессиональных навыков, выделены в соответствии с проведенными ранее исследованиями в ФГБУ ВЦЭРМ им. А.М. Никифорова МЧС России. 1-ю возрастную группу составили 11 пожарных в возрасте (18 – 24) года, 2-ю – 32 пожарных в возрасте (25 – 34) года и 3-ю – 10 пожарных 35 лет и старше.

Для оптимальности статистических расчетов были выделены следующие группы по стажу работы в МЧС: 1-я группа – от 0 до 3-х лет (11 человек), 2-я группа – от 4-х до 8 лет (23 человека) и 3-я группа – 8 лет и более (19 человек).

Для обработки и анализа полученных в ходе исследования данных использовались методы параметрической и непараметрической статистики с помощью программы Statistica 6.1 for Windows.

Результаты исследования и их обсуждение. *Характеристики общей выборки.* Дескриптивные статистики для общей выборки обследованных пожарных по трем вышеуказанным психологическим тестам приведены в таблице 1.

Таблица 1 - Средние значения показателей копинг-стратегий, тревожности и НПУ общей выборки обследованных пожарных (n = 53)

Характеристика	Шкалы (категория измерения)	Среднее ± стандарт. ошибка
----------------	-----------------------------	----------------------------

		(M ± m)
Копинг-стратегии	К рз	60,3 ± 0,9
	К э	29,2 ± 1,0
	К и	48,1 ± 0,9
	К о	20,7 ± 0,6
	К со	18,1 ± 0,4
Тревожность	СТ	30,4 ± 0,8
	ЛТ	44,4 ± 1,3
НПУ	Баллы	11 ± 0,9
	Стэны	8,6 ± 0,2

Так как процесс копинга представляет собой комплексный ответ на стресс, то результаты средних значений шкальных показателей теста «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» по общей выборке пожарных можно интерпретировать как адаптивные, направленные на преодоление стресса. Наибольшее количество баллов по шкале Крз характеризует поведение пожарных, нацеленное на оценку стрессовой ситуации, определение ее значения, логический анализ, когнитивную переоценку, принятие решения и непосредственно действие по преодолению проблемы. На втором месте в комбинированном ответе на стресс – копинг-поведение, ориентированное на избегание (Ки). При этом средние показатели субшкалы копинга отвлечения (Ко) от самой стрессогенной ситуации больше средних показателей субшкалы социального отвлечения (Ксо). Это можно интерпретировать следующим образом: отрицание самого стрессового события, психологическое отвлечение от источника стресса (через развлечение, мечты, сон и пр.), поведенческое отстранение или отказ от разрешения ситуации превалируют над поиском общественной поддержки в виде сочувствия и понимания со стороны окружающих. И на третьем месте в комбинированном ответе на стресс – копинг, нацеленный на эмоции (Кэ) – преодоление стресса, включающее в себя когнетивные и поведенческие усилия, с помощью которых человек пытается уменьшить эмоциональное напряжение и поддержать аффективное равновесие. Такой прием преодоления стрессовой ситуации в виде эмоционального реагирования с фокусированием на самих эмоциях и их выражении не является адаптивным, однако, в некоторых случаях помогают человеку справиться с кратковременными стрессовыми переживаниями.

Резюмируя анализ средних показателей копинг-стратегий общей выборки обследованных пожарных можно утверждать, что оценка пожарными своих личностных ресурсов совладания со стрессом, которые

основаны на индивидуальном опыте, знаниях и практике, а также на самооценке и восприятии собственной компетенции, характеризует их как профессиональную группу, оценивающую стрессогенную ситуацию не столько как угрозу, а как требование ее преодолеть.

Средние показатели тревожности общей выборки обследованных пожарных умеренные (табл. 1). При этом показатели ЛТ немногим выше показателей СТ (нет статистически значимых отличий). Пожарные активны, мотивированы на успех в жизнедеятельности, заинтересованы в результате, ответственны. Отсутствует чрезмерная требовательность, категоричность, завышенная значимость себя и поставленных перед ними задач. Профессиональная деятельность содержательно осмысливается, конкретно планируется по подзадачам и достаточно активно реализуется.

Средние показатели НПУ обследованных пожарных характеризуются как высокие. Нервно-психические срывы маловероятны. Стрессоустойчивость пожарных позволяет им переносить профессиональные нагрузки (физические, интеллектуальные, волевые, эмоциональные).

Корреляционный анализ. Ранговые корреляции Спирмена, значимые на уровне 0,05, выявили взаимозависимость показателей использованных в обследовании тестов между собой. При этом статистически значимых корреляций Крз с остальными показателями не обнаружено. Наибольший интерес представляют корреляции Кэ с ЛТ ($r = 0,6$) и НПУ ($r = 0,4$), а также ЛТ с НПУ ($r = 0,5$). Полученные корреляции можно прокомментировать следующим образом:

- с ростом ЛТ пожарному требуется все больше усилий (Кэ) для снижения эмоционального напряжения, чтобы справиться со стрессовыми переживаниями;
- со снижением НПУ растет вероятность применения неадаптивного эмоционального реагирования на стресс;
- с ростом ЛТ снижается НПУ, что ведет к риску формирования нервно-психического срыва в стрессогенных условиях профессиональной деятельности.

Структура выраженности показателей тестов. Анализ полученных результатов тестирования пожарных на НПУ позволили выделить две группы: с умеренным (6 чел.) и высоким (47 чел.) уровнями выраженности НПУ. При этом по модели ДА Фишера выявлена значимая зависимость НПУ

от копинг-поведения, ориентированного на эмоции ($p = 0,02$) и на отвлечение ($p = 0,01$), а также от ситуативной тревожности ($p = 0,08$). Степень выраженности этих показателей в группах по НПУ представлена на рис. 1.

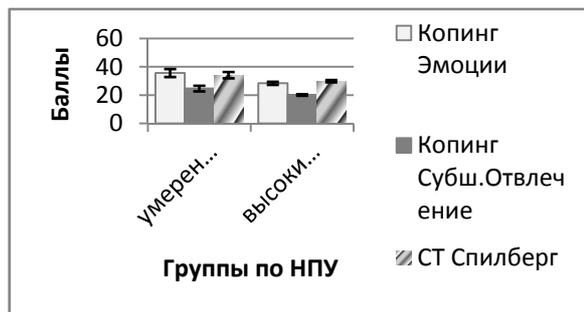

Рис. 1 - Степень выраженности Кэ, Кo и СТ в группах пожарных по НПУ.

Степень устойчивости к психическому стрессу тем выше, чем значительнее личностные ресурсы, определяемые способностью к построению интегрированного поведения. Это позволяет даже в условиях фрустрационной напряженности сохранить устойчивость избранной линии поведения, соразмерно учитывать собственные потребности и требования окружения, соотносить немедленные результаты и отставленные последствия тех или иных поступков. Снижение эмоциональной компоненты (Кэ) и поведенческого отстранения или отказа от разрешения стрессогенной ситуации (Кo), контроль ситуативной тревожности (СТ) в общем контексте интегрированного поведения человека позволяют повысить степень устойчивости к стрессу (НПУ).

Исследование структуры выраженности уровней ЛТ и СТ в возрастных группах пожарных показало, что доля лиц с высоким уровнем личностной тревожности растет с увеличением возраста. С высокой ЛТ выявлено 27 человек (50,9 % всей выборки) и с высокой СТ только 1 человек (1,9 % всей выборки). В психологическом сопровождении пожарных психологу необходимо больше внимания уделять повышению самооценки сотрудника МЧС, формированию чувства уверенности в успехе, выработке навыков содержательного осмысления и конкретного планирования деятельности. Также необходимо психологическое сопровождение и низкотреховных пожарных (с низкой ЛТ 4 человека (4,7 % всей выборки) и с низкой СТ 28 человек (52,8 % всей выборки)). В работе с ними, напротив, необходимо формировать активность, заинтересованность, чувство ответственности, адекватную оценку риска экстремальной ситуации.

Исследование структуры выраженности уровней ЛТ и СТ в группах по стажу работы пожарных показало, что доля пожарных с высоким уровнем ЛТ увеличивается после 4 – 8 лет работы в экстремальных условиях. Можно полагать, что со стажем работы растет «список» ситуаций, обстоятельств и т.п., которые вызывают тревогу и побуждают искать новые копинги на стрессовые обстоятельства.

Анализ уровней ЛТ. Дисперсионный анализ (ДА) Фишера по уровням ЛТ показал статистически значимые зависимости Кэ ($p = 0,000$) и НПУ ($p = 0,001$) от этих уровней. При высоком уровне ЛТ доля эмоционального реагирования в общей структуре реакции на стресс превысило 25 % , что вероятно снижает конструктивную составляющую в комплексном реагировании на стрессовые обстоятельства. При этом уровень нервно-психической устойчивости сохранился в умеренных и высоких показателях.

Ранговый ДА Краскела-Уоллеса позволяет утверждать, что разные группы по ЛТ имеют существенные отличия в стаже работы в ФПС МЧС России ($p = 0,03$). После 6 лет работы в экстремальных условиях профессиональной деятельности растет риск формирования высокого уровня личностной тревожности, что, как замечено ранее, снижает нервно-психическую устойчивость пожарного и провоцирует неадекватное эмоциональное реагирование в экстремальной ситуации.

Выводы и практические рекомендации. Настоящим исследованием выявлено, что с увеличением возраста специалиста экстремальной профессии (после 35 лет) или стажа работы более 6 лет существует статистически значимая вероятность снижения нервно-психической устойчивости на фоне роста личностной и ситуативной тревожности. При этом доля эмоционального реагирования (Кэ) в общей структуре реакции на стресс превышает 25 %, что вероятно снижает конструктивную составляющую в комплексном реагировании на стрессовые обстоятельства. Психологу, участвующему в сопровождении экстремальной деятельности пожарного, рекомендуем использовать методики для повышения самооценки респондентов, помогать в формировании чувства уверенности в успехе, выработке навыков содержательного осмысления и конкретного планирования деятельности. Восприятие собственной компетенции, активность, адекватная оценка риска экстремальной ситуации, чувство ответственности помогают формировать адекватные защитные стратегии

поведения в экстремальной профессиональной деятельности, сохраняя при этом личностные ресурсы.

1. Александер Ф. Психосоматическая медицина. Принципы и практическое применение. М.: ЭКСМО-Пресс. 2002. 352 с.
2. Батаршев А.В. Базовые психологические свойства и самоопределение личности: Практическое руководство по психологической диагностике. СПб.: Речь, 2005. С. 44 – 49.
3. Бизюк А.П. Патопсихология: краткий курс в контексте общей и клинической психологии. СПб.: Речь. 2010. 175 с.
4. Блейхер В.М., Крук И.В., Боков С.Н. Клиническая патопсихология: руководство для врачей и клинических психологов. М.: МПСИ Модэк, 2006. 624с.
5. Бодров В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление. М.: ПЕР СЭ, 2006. 528 с.
6. Волкова Н.В. Coping strategies как условие формирования идентичности // Мир психологии: научно-методический журнал / Ред. Д.И. Фельдштейн, С.К. Бондырева. 2004. № 2 апрель-июнь 2004. с. 119 – 124.
7. Гиндикин В.Я. Справочник: соматогенные и соматоформные психические расстройства. М.: Триада-Х, 2000. 255 с.
8. Дементий Л.И. К проблеме диагностики социального контекста и стратегий копинг-поведения // Журнал прикладной психологии. 2004. №3.
9. Карвасарский Б.Д. Клиническая психология. СПб.: Питер. 2002. 960 с.
10. Кулаков С.А. Основы психосоматики. СПб.: Речь. 2003. 288 с.
11. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита / Л.И. Анцыферова. – Москва, 2007 // Психологические основы профессиональной деятельности : хрестоматия / сост. В.А. Бодров. Москва : Пер Сэ: Логос, 2007. С. 143 – 154.
12. Любан-Плюцца Б., Пельдингер В., Креггер Ф. Психосоматические расстройства в общей медицинской практике. СПб.: психоневрологический институт им. Бехтерева В.М. 2001. 288 с.
13. Малкина-Пых И.Г. Психосоматика. Справочник практического психолога. М.: Эксмо. 2005. 992 с.
14. Нартова-Бочавер С.К. "Coping behavior" в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. 1997. Т.18. №5. С. 20 – 30.
15. Прайс Р. Ситуации риска. Психология социальных ситуаций. Хрестоматия. / Сост. и общая редакция Н.В. Гришиной. СПб.: Питер, 2001. 416 с.
16. Прохоров А.О. Саморегуляция психических состояний: феноменология, механизмы, закономерности. М.: ПЕР СЭ. 2005. 350 с.
17. Рыбников В.Ю. Экспресс-методика "Прогноз-2" для оценки нервно-психической неустойчивости кандидатов на учебу в ВУЗ // Тез. докл. на I всеарм. совещании. М.: Воениздат, 1990. С. 132 –135.
18. Смирнов Б.А., Долгополова Е.В. Психология деятельности в экстремальных ситуациях. Харьков: Гуманитарный центр. 2008. 276 с.
19. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., Изд-во Института Психотерапии. 2002. 490 с.
20. Хекхаузен Х. Личностные и ситуационные подходы к объяснению поведения // Психология социальных ситуаций. Хрестоматия. / Сост. и общая редакция Н.В. Гришиной. СПб.: Питер. 2001. С. 58 – 91.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ЭКСТРЕМАЛЬНОСТИ И ЭКСТРЕМАЛЬНОМ ГОРОДЕ У МОЛОДЕЖИ Г. ВЛАДИВОСТОКА И Г. ПЕТРОПАВЛОВСКА-КАМЧАТСКОГО

О.С.ШИРЯЕВА, Н.В.ВИНИЧУК, А.С.ШИРЯЕВА

В статье предпринята попытка уточнения содержания категорий «экстремальность», «экстремальный город» у молодежи, жителей двух Дальневосточных городов: г. Петропавловска-Камчатского и г. Владивостока. Определено, что представления об экстремальности соотносятся скорее с понятием «экстрим» и раскрывают увлечения молодежью экстремальными видами спорта и занятиями. Экстремальность региона в разных городах проживания определяется как социальными, так и природно-климатическими факторами, а также родом занятий испытуемых, степенью включенности в экстремальную среду и т.д.

Ключевые слова: социальные представления об экстремальности; социальные представления об экстремальном городе; природно-климатическая и географическая экстремальность; среда жизнедеятельности.

Введение. Традиционно под «экстремальным» понимают какое-то событие или явление, которое на уровне обыденного сознания может быть оценено как «чрезвычайное», «опасное», может нести угрозу здоровью и жизни человека, «выходит за пределы его обычного опыта», «требует актуализации адаптационных механизмов» или же как «деятельность на грани его возможностей, ради переживания особого состояния», то что «затрудняет реализацию значимых потребностей, в том числе в безопасности» и т.д. Вместе с тем, в современном обществе, с одной стороны, экстремальность становится модной: увлечения различного рода экстремальными видами спорта, выбор поведения на грани риска, а с другой стороны, увеличивается количество ситуаций в повседневной жизни, которые можно классифицировать как «экстремальные» как по объективным, так и по субъективным критериями: экстремальной становится среда жизнедеятельности, деятельность человека, что неизбежно может приводить к изменению критериев оценки экстремальности и себя в ней [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8]. Таким образом, целью данного пилотажного исследования является поиск ответа на вопрос: насколько в быстроизменяющемся обществе могут трансформироваться представления об экстремальности вообще, об экстремальном городе, об условиях среды, которые могут восприниматься человеком как «экстремальные».

Методика. Для исследования были выбраны жители двух Дальневосточных регионов: Камчатского края (г. Петропавловск-Камчатский и г. Вилючинск) и Приморского края (г. Владивосток). Выборку составили

респонденты в возрасте 18-30 лет в количестве 70 человек, из них 30 жителей Камчатского края и 40 - Приморского края. Для изучения представлений об экстремальности у современной молодежи была применена методика вербального реагирования на стимул «Экстремальность» (Е.Б. Весна, С.В. Семенова), испытуемым предлагалось написать 10 существительных, 10 прилагательных и 10 глаголов, которые приходят им в голову, когда они слышат слово экстремальность. Кроме того, испытуемым предлагалось ответить на ряд вопросов, с целью определения субъективной оценки региона, в котором они живут на предмет экстремальности, определения субъективных критериев экстремальной среды, а также возможных путей помощи человеку, который проживает в экстремальном регионе.

Результаты и их обсуждение. Анализ методики *вербального реагирования на стимул «Экстремальность»* показал, что субъективные представления об экстремальности у современной молодежи разноплановые и включают в себя описания экстремальности разного порядка, отражают род занятий, увлечений испытуемых, места жительства, опыта жизненных ситуаций и характеристики среды обитания. Ассоциации на слово «экстремальность» полученные и в первой и во второй группах представлены в таблице 1.

Таблица 1 - Результаты методики вербального реагирования на стимул «Экстремальность», встречающиеся у жителей г. Владивостока и у жителей г. Петропавловска-Камчатского

Существительные			Прилагательные			Глаголы		
Слово	Город/кол-во		Слово	Город/кол-во		Слово	Город/кол-во	
	Владивосток	Петропавловск-Камчатский		Владивосток	Петропавловск-Камчатский		Владивосток	Петропавловск-Камчатский
Риск	14	7	Быстрый	11	6	Ехать	5	5
Адреналин	16	13	Высокая	8	5	Летать/лететь	19	9
Опасность	17	13	Опасная	18	17	Падаеть/падать	8	7
Страх	13	15	Спортивная	5	5	Прыгать	22	14
Парашют	10	9	Страшный	7	6			
Гора	7	5	Трудный	6	5			

Спорт	10	12						
-------	----	----	--	--	--	--	--	--

Можно предположить, что некоторые слова можно интерпретировать только в контексте ситуации жизни и деятельности испытуемых, так, скорее всего, глагол «летать» у жителей Владивостока связан с увлечениями парашютным видом спорта, тогда как у жителей Петропавловска-Камчатского непосредственно с перелетом на самолетах, поскольку добраться в другие города России и мира жители Камчатского края могут только путем авиасообщений.

Среди наиболее часто встречающихся слов в описании экстремальности у жителей г. Владивостока – описания связанные с экстремальными увлечениями, тогда как у жителей Петропавловска-Камчатского как связанные со спортом, увлечениями, так и с природными воздействиями и стратегиями поведения непосредственно в чрезвычайных ситуациях. Ассоциации на стимул «экстремальность», различающиеся в группах испытуемых, представлены в таблице 2.

Таблица 2 - Результаты методики вербального реагирования на стимул «Экстремальность», различающиеся у жителей г. Владивостока и у жителей г. Петропавловска-Камчатского

Владивосток		Петропавловск-Камчатский	
Слово	Кол-во	Слово	Кол-во
Существительные			
Высота	10	землетрясение	5
Машина	5	крайность	5
скорость	10	риск	7
прыжок	8		
Прилагательные			
захватывающая	5	активная	6
интересный	6	сумасшедший	5
красивая	5		
крутой	5		
рискованная	8		
сильная	7		
сложная	7		
смелая	9		
яркий	7		
Глаголы			
бегать	15	плыть	7
бояться	12	помогать	6
двигаться	6	спасать	7
кататься	5	убегать	5
кричать	6		
рисковать	10		

Таким образом, в субъективных представлениях об экстремальности у современной молодежи обозначаются два направления экстремальности: «экстремальность как экстрим» и «экстремальность как характеристика той среды, где они проживают», при этом среда обитания в представлениях

испытуемых наполняется как природной, так и антропогенной экстремальностью. Анализируя аффективную составляющую представлений об экстремальности можно отметить, что преобладают позитивные эпитеты, связанные с экстремальными увлечениями.

Далее респондентам было предложено ответить на вопрос *«Считают ли они город, в котором проживают экстремальным и по каким причинам»*. Большинство респондентов города Петропавловска-Камчатского отнесли его к экстремальному, среди причин были названы природно-климатические, социальные, обусловленные климатом и социальные, обусловленные политическими и другими механизмами. Причины отнесения города Петропавловска-Камчатского респондентами к экстремальному совпадают с перечнем факторов экстремальности, по которым г. Петропавловск-Камчатский относится к территориям с экстремальными природно-климатическими условиями жизнедеятельности. В городе Владивосток, напротив, наименьшее количество респондентов отнесли его к экстремальному и среди причин экстремальности были названы в основном социальные факторы (низкие зарплаты, много машин, высокая преступность). Вероятно, именно наличие большего числа природных объектов в Камчатском крае, представляющих угрозу жизни и здоровью населения (вулкан, океан и прочие), приводит к субъективной оценке города как экстремального. Вместе с тем, интересным представляется тот факт, что, если у жителей города Владивостока описания экстремальности вообще и причины, по которым город относится к экстремальному совпадают по многим параметрам, то для жителей города Петропавловска-Камчатского экстремальность вообще и экстремальный город – описываются в большинстве разными категориями. Можно предположить, что испытуемые Петропавловска-Камчатского воспринимают сам город как экстремальный для жизни и реализации значимых потребностей, основываясь, прежде всего на «книжных» представлениях, а экстремальность вообще – как «бренд» Камчатского края и характеристика своей активной, спортивной жизни.

Анализируя варианты ответов на вопросы: *«Какой, по Вашему мнению, самый экстремальный город России и признаки, по которым этот город отнесен к экстремальному»* определено, что жители г. Петропавловска-Камчатского, несмотря на характеристики своего города как достаточно экстремального, к самому экстремальному городу России относят в основном Москву. При этом экстремальность Москвы описана четкими, вполне

ощущаемыми вещами, которые, в первую очередь, относятся к проблемам мегаполиса вообще (быстрый темп жизни, много машин, загазованность и т.д.). Жители города Владивостока среди наиболее экстремальных городов наряду с Москвой называют также Норильск, Сочи, Петропавловск-Камчатский. При этом наблюдается разброс факторов экстремальности от природных (низкие температуры, извержение вулкана) до антропогенных (большой шум от машин). Вероятно, данный факт иллюстрация того, что субъективно экстремальной может быть любая среда и спектр критериев для ее описания достаточно широк. Интересным представляется наблюдение о том, что вероятно жители Камчатки не достаточно рефлексируют экстремальность своей среды жизнедеятельности, относя к экстремальным факторам достаточно стереотипные признаки, прописанные в любом географическом атласе, посвященном Камчатке, при этом, в новейшей истории Камчатки называемые респондентами природные факторы экстремальности (цунами, землетрясение) катастрофических, сильных проявлений не имели. Респонденты г. Петропавловска-Камчатского в определенной мере «отрицают» наличие экстремальности, что может быть связано с тем фактом, что признание и принятие целого ряда экстремальных факторов в качестве несущих угрозу (землетрясения, извержения, авиакатастрофы) само по себе ставит под вопрос вообще целесообразность проживания в данном регионе. Таким образом, мы полагаем, что признание г. Петропавловска-Камчатского экстремальным на субъективном уровне для его жителей, скорее стереотипная вещь, чем реальность и для них экстремальность скорее развлечения, гордость, чем угроза для жизни.

Далее респондентам предлагалось ответить на вопрос: *«Можно ли хорошо жить в экстремальном городе и что значит «Хорошо жить» в экстремальном городе?»*. 60% испытуемых из г. Петропавловска-Камчатского считает и 80% респондентов из г. Владивостока считают, что можно хорошо жить в экстремальном городе. При этом, среди признаков хорошей жизни в экстремальном городе и теми и другими респондентами называются признаки, которые обычно относят к критериям гармоничности системы «субъект-среда»: эмоциональные критерии (преобладание позитивных эмоций – чувствовать себя счастливым, ощущать комфорт, любить тот город, в котором живешь) и критерий доступности реализации значимых для личности потребностей: реализоваться в среде, жить в достатке, доступность здравоохранения, образования и т.д. Испытуемые отметили, что в экстремальном городе,

возможно, жить хорошо, если ты сам являешься частью этой среды и умеешь использовать ее экстремальность для собственного развития.

В заключении респондентам был предложено назвать *«Способы (реальные), с помощью которых человеку можно хорошо жить в экстремальном городе»*. Среди реальных путей помощи испытуемыми г. Петропавловска-Камчатского, на наш взгляд, предложена довольно четкая, но не совсем осуществимая с точки зрения достижения, система мероприятий среди которых большая роль отводится государству. В частности, называются все имеющиеся Северные льготы, при этом предлагается их увеличить (повысить зарплату, обеспечить жильем, высокооплачиваемой работой и т.д.) Таким образом, на когнитивном уровне представления об экстремальности жители понимают, что можно полагаться на себя и свои силы, тогда как на поведенческом уровне – на государственную поддержку. Тогда как в выборке жителей города Владивостока, обращает на себя внимание тот факт, что пути помощи представляют собой реальные советы о том, как достичь хорошей жизни в экстремальном регионе, среди которых как материальные источники достижения хорошей жизни (купить дом, машину, иметь возможность ежегодного отпуска и т.д.), так и вполне психологические (быть добрым, уметь слушать, слышать и т.д.) и социальные (семья, друзья, дети, карьера, творчество и т.д.). Таким образом, жители города Владивостока и жители города Петропавловска-Камчатского хорошую жизнь в экстремальном регионе видят примерно одинаково, тогда как спектр путей и возможностей достижения хорошей жизни в экстремальном регионе у жителей г. Владивостока шире, разнообразнее и доступнее, чем у жителей г. Петропавловска-Камчатского. Вероятно, прогноз жизни в экстремальной среде определяется личным опытом испытуемых, оценкой реальности условий жизнедеятельности, степенью активности субъекта в среде и его позицией по отношению к среде (активная/пассивная; ощущение себя жертвой/не ощущение себя жертвой) и т.д.

Выводы. Таким образом, несмотря на то, что данное исследование является пилотажным и основывается на выборке всего двух городов, уже можно предположить, что субъективные представления об экстремальности определяются средовыми факторами, родом занятий, степенью активности в среде и степенью включенности в экстремальную среду. Анализ факторов, по которым тот или иной город отнесен к экстремальному показал, что очевидна взаимосвязь с местом жительства, родом занятий испытуемых или же членов их

семьи, стереотипами, связанными с описанием города и т.д. Таким образом, говоря о поддержке человека в экстремальных условиях среды и ситуации, необходимо учитывать совокупность уникальных переменных: человек, ситуация, время, пространство, среда, деятельность.

Результаты подобных исследований могут применяться, в частности, в комплексе мероприятий по повышению уровня качества жизни тех или иных регионов, так, опираясь на полученные результаты, очевидно, что, активное включение жителей города Владивостока в решение вопросов его развития и процветания может привести к повышению удовлетворенности местом жительства молодежи, тогда как для жителей города Петропавловска-Камчатского наряду с включенностью в деятельность города, обязательно наличие социальных льгот и поддержки.

1. Весна Е.Б., Ширяева О.С. Психологическое благополучие личности в экстремальных природно-климатических условиях жизнедеятельности: монография. Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. 246 с.

2. Завьялова Н.В. Сущностные характеристики экстремальности //ИСОМ. 2013. №6. С. 114-120

3. Приходько И.П. Два аспекта экстремальной ситуации //СИСП. 2014. №12 (44). С.75-84

4. Волкова Н.Г.. Экстремальность в обществе риска : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.11 /Волкова Надежда Геннадьевна; [Место защиты: Саратов. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского]. - Самара, 2011.- 166 с.: ил. РГБ ОД, 61 11-9/259

5. Магомед-Эминов М.Ш. Онтологическая концептуализация феномена экстремальности// вестн. моск. ун-та. сер. 14. психология. 2014. № 3 экстремальная психология. С.79-91

6. Магомед-Эминов М.Ш. Феномен экстремальности //Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2010. – № 1. С. 28–38.

7. Ширяева О.С. Оценка экстремальной среды региона: субъективные и объективные параметры // «О Камчатке: ее пределах и состоянии...». Материалы XXIX Крашенинниковских чтений. – 276. – С. 271-274.

8. Яницкий М.С., Серый А.В. Трансформация представлений об экстремальной ситуации в постнеклассической психологии //Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности: Сборник научных статей 2-ой Межрегиональной научно- практической конференции с международным участием / Под ред. Р.В. Кадырова. – Владивосток: Тихоокеанский государственный медицинский университет, 2013. С.120-124

РАЗДЕЛ III

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ, ПСИХОТЕРАПИЯ, ПСИХОКОРРЕКЦИЯ И ПСИХОРЕАБИЛИТАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ И КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЯХ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ, МЕТОДЫ, МЕТОДИКИ И ТЕХНИКИ

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ЛИЦ, ПОДЛЕЖАЩИХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЕ: СПЕЦИФИКА И ПРОБЛЕМЫ

А.Ю.ГОЛОСОВА, Н.А.КРАВЦОВА

В статье обсуждается проблема оказания психологической помощи лицам, в отношении которых принято решение о применении к ним мер государственной защиты. Вносятся предложения с целью совершенствования системы психологического сопровождения защищаемых лиц как одной из форм работы психолога. Предлагаются основные положения системы психологического сопровождения защищаемых лиц и описываются функции психолога.

Ключевые слова: государственная защита, защищаемое лицо, психологическое сопровождение, стрессовое состояние, дезадаптация, безопасность.

Очевидно, что лица, в отношении которых принято решение о применении к ним мер государственной защиты, оказались в непростой жизненной ситуации, что не может не сказаться на их психологическом состоянии, которое зачастую оценивается как стрессовое с выраженными проявлениями признаков дезадаптации, повышенной тревожностью, появлением страха и постоянного беспокойства за собственную жизнь и безопасность своих близких. В свою очередь подобные нарушения нередко приводят к проявлению таких соматических расстройств как головные боли, повышенное артериальное давление, снижение аппетита, расстройства пищеварения, нарушения сна и т.д. Кроме этого, применение таких мер безопасности как изменение места жительства, ограничение свободного передвижения и общения с привычным кругом людей, требование соблюдения определенного регламента, постоянный контроль со стороны сотрудников полиции, создает дополнительные стрессовые факторы для личности защищаемого лица (ЗЛ). В целях совершенствования и повышения эффективности мер безопасности, право на психологическое сопровождение для данной категории граждан закреплено законодательно.[7, 8] В отделах государственной защиты (ОГЗ) субъектов РФ введены должности специалистов - психологов, ответственных за осуществление данного права.

Однако, на практике выявился ряд проблем, таких как отсутствие полного понимания, в том числе оперативными сотрудниками МВД, с которыми непосредственно взаимодействует психолог, что подразумевает и включает в себя «психологическое сопровождение», насколько безопасно допустить вольнонаемного специалиста к работе с материалами, относящимися к государственной тайне с повышенной секретностью, в каких условиях должна осуществляться психологическая помощь и каким образом финансироваться. Кроме этого, в законе прописано, что психологическое сопровождение ЗЛ осуществляется только с их добровольного письменного согласия. И, несмотря на то, что весь данный контингент находится как минимум в состоянии стресса, а у некоторых и вовсе проявляются признаки дезадаптации и пограничных психических расстройств, большая часть ЗЛ все же решительно отказывается от психологической помощи. Этому есть объяснения. Во-первых, особенности «российского менталитета». В нашей стране, к сожалению, большинство людей обладает низкой психологической грамотностью, не понимают, чем отличается психолог от психиатра, чем занимается и чем может помочь. Во-вторых, это вопрос доверия. Часто люди просто боятся беседы с психологом, тем более работающим в подобных структурах, потому, что, с одной стороны, не знают о принципах конфиденциальности работы психолога, с другой стороны, потому, что психологи, работающие в системе, нередко нарушают правила конфиденциальности. Отсутствие достойных условий для работы, низкая ЗП вряд ли могут привлечь на данную должность высококвалифицированного, опытного специалиста. А ведь в данном случае, учитывая специфику и разнородность контингента, требуется именно высококвалифицированный специалист. Защищаемое лицо (ЗЛ) – это, как правило, и высокообразованные личности, имеющие высокий социальный статус, и социально неблагополучные, малограмотные граждане, нередко с криминальным прошлым, и взрослые, и дети, а также их родственники. Найти общий язык с каждым, расположить, вызвать доверие, сформировать веру в безопасное будущее – это непростые задачи, стоящие перед психологом, и предъявляющие повышенные требования как к его личности, так и к нему как к специалисту.

Итак, что же включает в себя понятие «психологическое сопровождение» для данного контингента и каковы его основные принципы.

Термин «сопровождение» (М.Р. Битянова, И.А. Кибак, Н.Л. Коновалова, Н.С. Пряжников, С.Н. Чистякова, и др.) и «поддержка» (А.Г. Асмолов, А.А. Бодалев, Т.Г. Гордон, О.С. Газман, В.К. Зарецкий, Т.А. Марцалов, И.Ю. Шустова и др.) используются как синонимы для обозначения системы деятельности психолога, как особого вида оказания психологической помощи. [1, 2] Сам термин подразумевает пролонгированную форму психологической работы. Слово «сопровождение» происходит от глагола «сопровождать», которое, согласно словарю русского языка, обозначает такие действия как идти, ехать вместе с кем либо в качестве спутника или провожатого [5]. Дословно «сопровождение» означает содействие. В психологии «сопровождение» – это системная комплексная технология социально-психологической помощи личности (Г.Л. Бардиер, М.Р. Битянова, Е.И. Казакова, Н.А. Менчинская, В.С. Мухина, Ю.В. Слюсарев, Л.М. Шипицина, И.С. Якиманская и др.). Т.е. это деятельность, направленная на оказании помощи в саморазвитии клиента, поддержании оптимального психологического состояния, помощь в преодолении возникающих трудностей на пути развития личности. В нашем случае, для ЗЛ, кроме повышенной конфиденциальности, психологическая поддержка предполагает круглосуточную доступность. В любой момент ЗЛ должно иметь возможность обратиться к специалисту за помощью, сообщить о своих переживаниях, трудностях, которые испытывает, с целью дальнейшего совместного решения задачи по восстановлению состояния клиента и разрешения имеющихся проблем. В рамках целостной деятельности психологического сопровождения проводится работа по следующим направлениям: психологическое просвещение, психологическая профилактика, психодиагностика, консультативная и психокоррекционная деятельность. Очень важным является установление первичного контакта с ЗЛ. Трудная жизненная ситуация, вынужденность общения на личные, эмоционально значимые темы с незнакомыми людьми, многочисленные вопросы, контакт с сотрудниками полиции вызывает повышенное внутреннее напряжение, настороженность. У ЗЛ с определенными психическими особенностями может привести к психическим расстройствам самого различного спектра. Правильно построенная первичная беседа с ЗЛ позволяет решить ряд проблем, которые могут в дальнейшем возникнуть в работе с данным ЗЛ. Так, кроме установления доверительного контакта,

психолог составляет первичный психологический портрет личности, что необходимо и обязательно должно учитываться при планировании дальнейшей работы оперативных сотрудников с данным лицом. В ходе беседы с психологом, могут стать известны новые важные факты, которые ЗЛ не решился бы сообщить другим.

Нередко, находясь под государственной защитой, проживая в безопасном месте, в сопровождении круглосуточной охраны, ЗЛ продолжают испытывать страх, тревогу и опасения, предвидя окончание действия срока предоставленных мер, возвращение на привычное место жительства, встречу с прежним кругом людей в т.ч. с угрозоносителями. В связи с этим, нам представляется важным проведение работы психолога также и с окружением ЗЛ, что в настоящее время законодательно не предусмотрено. Краснова К.А. и Ивлева Н.В. в своей практике приходят к выводу о высокой значимости функции органов, осуществляющих меры безопасности, психологического сопровождения зл для эффективного осуществления государственной защиты и предупреждения нарушения обязательств, взятых зл на себя при заключении договора об условиях применения мер безопасности, о взаимных обязательствах и взаимной ответственности сторон [3].

Отдельного внимания заслуживает вопрос о психологическом сопровождении ЗЛ, не достигших совершеннолетнего возраста, для которых вовлечение в процесс уголовного судопроизводства является не просто психотравмирующей ситуацией, а искажает психическое развитие. Согласно Федеральному закону [7], меры безопасности в отношении несовершеннолетних применяются на основании письменного заявления их родителей, или их представителей (попечителей), что не учитывает волю защищаемого несовершеннолетнего лица, а также вероятность негативных внутрисемейных взаимоотношений, при которых родители (их представители) не заинтересованы в оказании помощи ребенку, а иногда и вовсе могут являться источниками угрозы. Кроме того, люди, не обладающие достаточными психологическими знаниями, могут недооценивать степень риска, которому может подвергаться детская психика в сложившейся трудной жизненной ситуации. Ф.Б. Мухаметшин и О.Г. Кудрявцева обосновывают необходимость того, чтобы с несовершеннолетними ЗЛ работали специалисты, имеющие подготовку в области ювенальной психологии [4].

Таким образом, для совершенствования системы психологического сопровождения ЗЛ, нам представляется важным:

- учитывая значимость, специфику и ответственность работы психолога с ЗЛ, а также требование высокого профессионального уровня, необходимо обеспечить регулярное прохождение обучения и повышения квалификации для специалистов, занимающихся вопросами психологического сопровождения ЗЛ;

- внесение дополнений в пункт об обеспечении сотрудниками ОГЗ психологического сопровождения, в виде пояснения что включает в себя функция «психологического сопровождения» и как должна строиться работа психолога с защищаемыми лицами и сотрудниками. А именно:

- 1). Первичная беседа с ЗЛ психолога с составлением первичного заключения об индивидуально-личностных особенностях ЗЛ, а также об его актуальном состоянии, после чего уже планируется дальнейшая работа с учетом полученных данных. Первичная беседа с психологом является обязательной, не требующей согласия со стороны ЗЛ.

- 2). Дальнейшее психологическое сопровождение должно являться обязательным (без подписания согласия) для лиц:

- не достигших возраста 14 лет;
- ведущих асоциальный, аморальный образ жизни, имеющих такие диагнозы как алкогольная, наркотическая зависимость, психиатрический диагноз.

- находящихся в тяжелом психологическом состоянии, со сниженной критической функцией, признаками повышенного стресса и невротическими проявлениями, жертвы насильственных действий, а также личности с суицидальными наклонностями. В последствии, при нормализации состояния, данные лица могут отказаться от дальнейшего психологического сопровождения.

- 3). Основываясь на полученных данных о личностных особенностях ЗЛ, с целью поддержания их оптимального психологического состояния, психологом и оперативным сотрудником совместно должен быть разработан план дальнейших мероприятий, включающий в себя выезды на природу, в магазины, прогулки, в определенных случаях посещение концертных залов, музеев и кинотеатров и т.д.

4). Организация совместной работы психолога и оперативных сотрудников с ближайшим окружением защищаемых лиц.

Относительно новая, но очень важная функция ОГЗ по психологическому сопровождению ЗЛ для эффективного осуществления государственной защиты, требует существенных уточнений и дополнений в своей нормативно-правовой регламентации.

1. Бодалев А.А. Психологическое общение. М. : Институт практической психологии, 1996. 252 с.

2. Битянова М.Р. Социальная психология: наука, практика и образ мыслей. Учеб. пособие. М.: Изд-во «ЭКСМО-Пресс», 2001. 576 с.

3. Краснова К.А., Ивлева Н.В. Отмена мер безопасности: проблемы теории и практики// Полицейская и следственная деятельность. 2015. №2 С. 72-86.

4. Мухаметшин Ф.Б., Кудрявцева О.Г. Психологическое сопровождение при применении мер государственной защиты к несовершеннолетним участникам уголовного судопроизводства как форма реализации ювенальных технологий.// Пробелы в Российском законодательстве. 2015 г. №1 С.50-52.

5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. Около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / под. ред. проф. Л.И. Скворцова. 27-е изд., испр. М.: ООО «Изд-во Мир и образование», 2011. 1360 с.

6. Слюсарев Ю.В. Психологическое сопровождение как фактор активизации саморазвития личности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1992. 21 с.

7. Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (с изменениями и дополнениями) <http://base.garant.ru> .

8. Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. N 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» с изменениями и дополнениями) <http://base.garant.ru>.

МЕХАНИЗМ СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ С ПОМОЩЬЮ МЕТОДА КАНИСТЕРАПИИ

С.А.ДАНЧЕНКО

Опыт работы с детьми с ограниченными особенностями здоровья дал возможность сформулировать ряд основополагающих положений социальной функции канистерапии. Сформулирован основной механизм, способствующий социализации детей. С помощью собаки возможно проводить социально-коммуникативное обучение вплоть до включения ребенка в группу.

Ключевые слова: канистерапия, расстройство аутистического спектра, социальная адаптация, ограниченные возможности здоровья.

15 мая 2014 года состоялось открытие кабинета канистерапии в КГБУСО «СРЦН «Парус надежды». За три года на прием к специалистам кабинета канистерапии записались 75 семей, воспитывающих «особенных» детей, среди которых 54 ребенка с расстройствами аутистического спектра, 6 - с синдромом Дауна, 4 - с детским церебральным параличом, 11 – с ментальными и неврологическими нарушениями. Проведено более 700 индивидуальных семейных занятий, на которых присутствуют обычно все члены семьи, пришедшие с ребенком на прием: мама, папа, бабушка, братья и сестры. Всего кабинет канистерапии посетили более 100 взрослых и 90 детей.

Перечень возможных реабилитационных занятий для семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья, внушительен. Для детей в отделении помощи семье и детям на основе принципа инклюзии специалистами проводятся:

- Развивающие психологические занятия
- Развивающие логопедические занятия
- Развивающие дефектологические занятия
- Декоративно – прикладное творчество
- Культурно-массовые мероприятия
- Спортивные мероприятия
- Тренинги детско-родительских отношений
- Хореография и ритмика
- Канистерапия**

Канистерапия становится одним из важнейших методов социальной адаптации детей, которые страдают тяжелыми ментальными заболеваниями, не владеют речью и навыками общения с другими людьми, у которых слабо

развиты или неразвиты совсем навыки самообслуживания. Взаимодействие с собакой под контролем опытных специалистов часто становится единственным возможным для данного на определенном этапе его развития. Собака принимает ребенка безусловно и демонстрирует ему доброе отношение безотносительно внешнего вида, возможностей и навыков ребенка. Большое эмоциональное и мотивирующее значение имеет и общение с животным взрослых членов семьи, братьев и сестер.

Занятия с применением метода канистерапии по форме:

- Индивидуальные занятия (дети)
- Групповые занятия (дети)
- Индивидуальные консультации для взрослых с присутствием собаки
- Индивидуальные семейные занятия с участием собаки
- Групповые семейные занятия с собакой

За полтора года проведено 20 тренингов детско-родительских отношений, на которых присутствовало от 3-х до 7-ми семей. Осуществлено более 80 индивидуальных терапевтических встреч с участием собаки для родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья.

Цель семейных занятий:

- ✓ адаптационное обучение семьи;
- ✓ улучшение психологического климата в семье;
- ✓ изменение поведения взрослого и его отношения к своему ребенку;
- ✓ повышения уровня толерантности к поведению других детей.

Занятия с детьми проводятся 1-2 раза в неделю, в помещении или на улице. С каждым ребенком индивидуально и одновременно работают два специалиста и собака. Длительность занятий 15-30 минут. Стиль работы – гибкий, то есть специалист «идет за ребенком», используя взаимодействие ребенка с собакой и направляя его.

Цель индивидуальных и групповых канистерапевтических занятий с детьми:

- ✓ снижение уровня социальной, тактильной, сенсорной и коммуникативной депривации;
- ✓ коррекция поведения ребенка;
- ✓ стабилизация эмоционального состояния ребенка, снижение мышечного тонуса;

- ✓ развитие познавательной сферы, расширение репертуара предметной деятельности;
- ✓ формирование и коррекция мыслительных функций (в том числе речи);
- ✓ активизация направленного контакта с внешней средой через социально-коммуникативное обучение (формирование и расширение коммуникативных навыков).

Опыт работы и анализ всех занятий и консультаций с родителями и специалистами позволил нам сформулировать следующие позиции, описывающие функциональный потенциал собаки и все основные виды взаимодействия собаки с ребенком.

Функциональный потенциал собаки на занятии

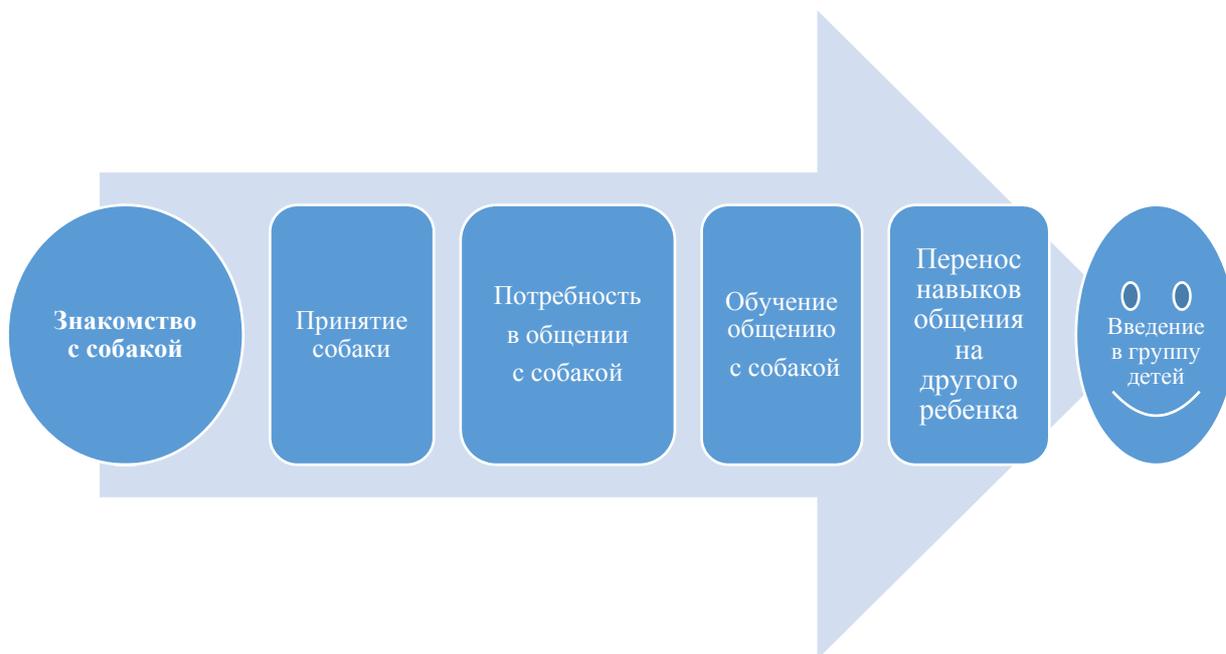
1. Мотивирующая функция. (Усиление интереса, вовлечение в процесс.)
 2. Коммуникативная функция. (Привлечение к взаимодействию. Расширение коммуникативного репертуара ребенка.)
 3. Расслабляющая функция. (Психологическая релаксация, подготовка к умственной деятельности, снятие зажимов.)
 4. Обучающая функция. (Бытовое научение. Развитие навыков самообслуживания.)
 5. Познавательная функция. (Расширение знаний о природе и животных.)
 6. Когнитивно-вспомогательная функция. (Участие собаки в занятиях на развитие когнитивных способностей.)
 7. Ролеформирующая функция. (Распределение социальных ролей в игре.)
- Для достижения наших целей мы «проводим» ребенка по маршруту научения взаимодействию от «созерцания» до «управления и ухода».

Виды взаимодействия ребенка с собакой

В результате трехлетнего опыта, наблюдений и анализа происходящих изменений с детьми мы смогли описать механизм социально-коммуникативного обучения ребенка, ограниченного в возможностях естественной социальной адаптации.

Механизм социально-коммуникативного обучения

Каждый ребенок проходит все шесть этапов социально-коммуникативного обучения. Однако, сложностью становится определение сроков реабилитационного процесса. Даже у двух детей со схожей симптоматикой на входе скорость прохождения каждого этапа может различаться. Самыми длительными становятся первый и четвертый этапы: период знакомства может длиться от трех до нескольких десятков встреч до момента эмоционального и физического принятия собаки. Обучение общению с собакой также различно у всех детей и зависит от интеллектуальных и психических ресурсов ребенка.

1. «Animal Assisted Therapy» American Humane Association. Retrieved from: <http://www.americanhumane.org/interaction/programs/animal-assisted-therapy/>Date: October 20, 2012

2. Данченко С.А., Носова И.Г., Канистерапия как метод социальной реабилитации детей, попавших в экстремальную жизненную ситуацию//Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности: Сборник научных статей III международной научно-практической конференции /Под ред. Р.В. Кадырова. – Владивосток: Морской государственный университет, 2014.– 376 с.

3. Danchenko S.A., Nosova I.G., «Socio-psychological rehabilitation of children, having limited capabilities of their health, with the help of the canisterapy» //Applied Psychology and Psychotherapy, 1.2 Sept.2015 /<http://applied.world-psychotherapy.com/>

СПЕЦИФИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ОНКОБОЛЬНЫХ С ДИАГНОЗОМ РМЖ

М.В.ДОЛГОВА

В статье обосновывается необходимость обеспечения онкобольных психологическим сопровождением с учетом специфики переживания заболевания. Определены ключевые мишени и организационные формы психотерапевтической работы, предложены стратегия и тактика ведения этой группы пациентов. Предложена батарея диагностических инструментов для анализа эффективности психотерапевтической работы.

Ключевые слова: онкопсихология, рак молочной железы, качество жизни, психологическое сопровождение.

Постановка проблемы. В последнее время увеличивается потребность в работах в области психологии онкологических больных, в связи с неуклонным ростом заболеваемости злокачественными новообразованиями. По данным канцер-регистра Приморского края за 2016 год лечение получили 2421 пациента с первично выявленным раком молочной железы. Из них с I стадией 372 человека, со II стадией 1140, оперативное лечение получили 1523 человека, органосохраняющее лечение получили 10,1% больных (154 чел.).

С достижениями медицины и улучшением результатов лечения, увеличивается продолжительность жизни пациентов и проблема онкозаболевания переходит из разряда медицинской в социально-психологическую [14]. Особенно ярко это проявляется у больных раком молочной железы (РМЖ). На переднем плане оказываются вопросы взаимосвязи личности и болезни и концепция «качества жизни» [16, 17].

Онкологический диагноз традиционно рассматривается как угрожающее жизни событие, провоцирующее у пациентов экзистенциальные переживания о конечности жизни. Ситуация усугубляется, когда заболевание сопровождается ухудшением эстетического вида пациента в результате операции, и влияет на представления человека о своих физических возможностях. В этом случае, выздоровление не несет в себе полного облегчения переживаний пациента, а сменяется страхами о собственной несостоятельности и непривлекательности в качестве сексуального партнера. Особенно ярко эта тенденция проявляется с пациентками с РМЖ, когда угроза потери груди вызывает уклонение от обследования, отрицание диагноза и необходимости оперативного вмешательства, что в свою очередь, приводит к потере драгоценного времени.

Переживания после мастэктомии также характеризуются остротой страхов о физической непривлекательности.

По данным самоотчетов пациенток, хирургическое лечение становится фактором, разрушающим у женщины уверенность в себе и поддерживающим память о болезни [7, 10]. Инвалидизирующее действие болезни вносит свой вклад, но оказывается менее значимым. Послеоперационный косметический дефект вынуждает женщину постоянно думать о том, как скрыть от окружающих свое несчастье. Он вынуждает менять привычный образ жизни, что приводит к появлению внутрисемейных проблем, приобретению сексуальных расстройств, эмоциональной изоляции и т.д. [12]

Ряд отечественных и зарубежных исследователей показали, что онкологические больные испытывают стресс, тревогу и страх, в неблагоприятных условиях развивающиеся в депрессивные состояния и другие психологические проблемы [9, 13, 15]. Между тем, необходимость психологического сопровождения онкобольных все еще не является очевидной для учреждений здравоохранения и не входит в перечень оказания медицинской помощи взрослому населению по профилю "онкология" на территории Приморского края (приказ Департамента здравоохранения Приморского края от 18 января 2017 года N 35-о) [8].

Онкозаболевание не угрожает личности, но процесс его переживания через формирование смысла болезни будет определять развитие личностного кризиса [1]. Кризисный характер заболеваний данного профиля обуславливает особенности психоэмоционального состояния больных: страх, чувство отчужденности, острое чувство одиночества, субъективное переживание состояния «потерянности», переживание символической смерти.

Для обоснования и построения стратегии психологической поддержки этой категории больных нами с соавторами был проведен ряд исследований. В период с 2013г. по 2016 г. было обследовано 405 пациенток с установленным диагнозом РМЖ, 1 и 2 стадии после радикальной мастэктомии (средний возраст $49 \pm 10,3$). Были сформированы группы с разными периодами послеоперативного вмешательства (от 1 мес до 0,5 года, более 0,5 года до 1 года, более 1 года до 3 лет, и более 3 лет). Так же в исследование была включена группа женщин, сделавших реконструктивную пластическую операцию. Изучались следующие параметры: коппинг-стратегии [2, 3], алекситимия [4], симптомы ПТСР и оценки влияния травматического события [5, 6], самоотношение и качество жизни [6].

Все пациентки на момент обследования не получали психологической и психиатрической помощи.

Стратегии психологической работы

Проведенные исследования показали, что наличие злокачественного новообразования молочной железы и необходимость оперативного вмешательства является стрессовой ситуацией в одинаковой мере для всех исследуемых групп. Женщины, перенесшие операцию более трех лет назад, до сих пор остро переживают это событие и его последствия. Более половины пациенток в обеих группах имеют высокие показатели по личностной и ситуативной *тревожности*. Т.е. тревога пациенток, вызванная столкновением с онкологическим диагнозом, с течением времени не уменьшается. *Отношение к телу* является «объектным, функциональным». У пациенток снижается вера в возможность контроля над ситуацией, что приводит к *утрате жизненной перспективы*, они склонны жить сегодняшним днем.

Женщины с диагнозом РМЖ имеют особенности в механизмах психологической защиты. Для 30% пациенток характерен способ защиты по алекситимическому типу. Многие из них имеют высокие показатели по одному из компонентов *алекситимии*. Наиболее выраженной реакцией на травматическое событие является реакция «*избегание*». В коммуникативной сфере характерен обрыв цикла контакта.

Т.е. под воздействием стрессовой ситуации женщины с РМЖ реагируют по алекситимическому типу защиты, избегая разговоров о болезни и травмирующей операции, с уходом в «Рефлексивное и Социальное Я». При этом страдают важные области: «Коммуникативное Я», «Перспективное Я» и «Деятельное Я».

Следовательно, этой группе пациентов рекомендована психологическая работа в направлении развития спектра возможных деятельностей с учетом изменений физических возможностей. Необходима работа, направленная на повышение коммуникативных навыков, переоценку жизненных перспектив и расширение компонентов идентичности. Негативные эмоции, сопровождающие постановку онкологического диагноза, восприятие телесной «недостаточности» как результата операции, приводит к несознательному отказу от различения и осознания чувственной сферы. Пациентки с трудом, неохотно выходят на разговор о чувствах, в начале психологической работы отрицая свои переживания. И только кропотливая аккуратная работа с описанием и

различением собственных чувств, дает облегчение, снижая душевную боль. Проработав эту важную сферу, пациентки подключают адекватные коппинг-стратегии, легче выстраивают перспективные жизненные планы. Психотерапевтическая работа с учетом алекситимии снимает «синдром охранного поведения», характерный для многих онкобольных.

Подводя итоги исследований, стоит отметить, что мишени психотерапевтической работы с онкобольными РМЖ определяются спецификой их эмоциональных переживаний. При проведении работы с этой группой пациентов рекомендованы следующие организационные формы:

1. Общий медленный темп продвижения психотерапии (отрицание в сочетании с алекситимией усложняет для пациенток осознание ранящих эмоций);
2. Необходимость индивидуальных консультаций, предваряющих групповые формы работы;
3. Индивидуальные консультации желательно выстраивать в гуманистической парадигме (клиент-центрированный, экзистенциальный подходы, гештальт-терапия, психосинтез Ассаджиоли и т.д.).
4. Расширения спектра возможных деятельностей с учетом изменений физических возможностей.

В работу желательно включать следующие тактические приемы:

1. Использование диагностических методик на этапе установления раппорта. Методики как инструменты для сбора информации по исследуемой проблематике выполняют роль катализаторов межличностного взаимодействия между психологом и пациентками, позволяют поднять и актуализировать темы, не проявленные изначально в условиях отсутствия формального запроса со стороны пациенток.
2. Работа с эмоциями: составление словаря эмоций, шкалирование эмоций с помощью цвета и температуры, рисование карты эмоций (работа может проводиться как в технике рисования, так и коллажа с разнообразными вариациями).
3. Работа на укрепление психологической опоры (эта работа может проводиться в арт-техниках: рисование, лепка глиной, раскрашивание мандал; в телесно-двигательных техниках: укрепление опоры в ногах, ощущение поддержки).

4. Работа с принятием себя (работа с субличностями, осознание своих сильных сторон, переоценка тех сторон личности, которые воспринимались негативно).

5. Работа с телом (весь спектр телесно-ориентированных техник).

6. Обучение контакту с другими людьми (объяснение цикла контакта, принятие разнообразия проявления эмоций, обучение «Я - высказыванию»).

7. Работа со страхом смерти (экзистенциальные техники И. Ялома [11], работа с охранным поведением в когнитивно-поведенческом подходе);

8. Построение жизненных перспектив (техники «линия жизни», «жизненная перспектива», трансовые техники временных регресса - прогресса, коучинг).

Для анализа эффективности терапевтической работы целесообразно применять следующий диагностический инструментарий:

1. Торонтская алекситимическая шкала (TAS) Г. Тейлора;

2. методика М.Куна «Кто Я»;

3. методика диагностики доминирующей стратегии психологической защиты в общении В.В.Бойко;

4. Методика диагностики копинг-механизмов Е.Хейма;

5. Шкала тревоги Бека;

6. Шкала депрессии Бэка;

7. Анкета оценки качества жизни (SF-36).

8. ОСО Столина –Пантелеева.

Таким образом, обоснованные и описанные стратегии и тактические приемы можно использовать в психологическом сопровождении женщин, имеющих онкологическое заболевание молочной железы и перенесших радикальную и секторальную мастэктомию. Знание и учет особенностей копинг-стратегий, поможет при построении стратегии психологической поддержки этой категории больных.

1. Баранников А.С. Современный экзистенциальный анализ – переименник гуманистических традиций в оказании помощи тяжелым соматически и психически больным // Теория и практика психотерапии. 2015. №7 (11). С.12-24.

2. Долгова М.В., Невожай В.И., Курьян Л.А. Исследование психологических защит у женщин с раком молочной железы // Материалы IV Всероссийского Съезда онкопсихологов, 23-24.08.12, Москва: АНО Со-действие. 2012. С. 41-43.

3. Долгова М.В., Васютина А.А. Исследование копинг-стратегий у женщин с РМЖ (с разными периодами послеоперативного вмешательства) //3-ая межрегиональная научно-практическая конференции с международным участием «Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности» / под. ред. Р.В. Кадырова. Владивосток : Мор.гос. ун-т, 2014. С. 142-145.

4. Долгова М.В., Птух Е.Я., Приходько К.А., Курьян Л.А. Исследование алекситимии у женщин с диагнозом рак молочной железы. Актуальные вопросы психологии здоровья и психосоматики. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. Далгатова М.М. Махачкала: АЛЕФ, 2015. С. 130-136.
5. Долгова М.В., Приходько К.А., Птух Е.Я., Стегний К.В. Стратегии переживания травматического события у женщин с РМЖ // Паллиативная медицина и реабилитация. 2016. №3. С. 44-49.
6. Долгова М.В., Косенко А. С. Симптомы посттравматического стрессового расстройства у онкобольных / Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности: Сборник научных статей VI Международной научно-практической конференции / Под ред. Н.А.Кравцовой –Владивосток: Мор. гос. ун-т, 2016. С.255-259.
7. Маммология: национальное руководство/ под ред. В.П. Харченко, Н.И. Рожковой. М: ГЕОТАР-Медиа, 2009. с.229-248.
8. Приказ департамент здравоохранения приморского края (от 18 января 2017 года п 35-о) «О порядке оказания медицинской помощи взрослому населению по профилю "онкология" на территории Приморского края». URL: <http://docs.cntd.ru/document/446166055> (дата обращения: 20.04.2017).
9. Тарабрина Н.В. Посттравматический стресс у больных угрожающими жизни (онкологическими) // Консультативная психология и психотерапия. 2014. № 1. С. 40-63.
10. Ялом И. Теория и практика групповой психотерапии / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2000. 640 с.
11. Януц Н.П. Особенности психотерапевтической работы с женщинами после мастэктомии. Материалы съезда ассоциации онкопсихологов, 2009. <http://www.oncopsychology.ru/ru/congress-abstracts-2009/26-2010-06-21-19-23-47.html>
12. Fisher B, Anderson S, Bryant J, Margolese RG, Deutsch M, Fisher ER et al. Twenty-year follow-up of a randomized trial comparing total mastectomy, lumpectomy, and lumpectomy plus irradiation for the treatment of invasive breast cancer //N Engl J med 2002 -347(16): P.1233-1241.
13. Friedman H.S., Hawley P.H., Tacker J.S. Personality, health and longevity // Current directions in psychological science. 1994. V. 3. N 2. P. 37-41.
14. Goldhirsch A., Wood W.C., Coates A.S. et al. Strategies in subtypes-dealing with the diversity of breast cancer: highlights in international expert consensus on the primary therapy of early breast cancer // Ann Oncol 2011. N22: P. 1736-1747.
15. Rathus S.A., Nevid J.S. Abnormal psychology. New Jersey, 1991.
16. Veronesi U., Cascinelli N, Mariani L, Greco M, Saccozzi R, Luini A et al Twenty-year follow-up of a randomized study comparing breast-conserving surgery with radical mastectomy for early breast cancer. //N Engl J med 2002 -347(16): P.1227-1232.
17. Veronesi U., Stafyla V. Grand challenges in surgical oncology.//Front Oncol. 2012 Oct 2; 2:127.

СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ ДИАГНОСТИКИ ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОГО СТРЕССОВОГО СОСТОЯНИЯ ПО ДЕЛАМ О КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА

Р.В.Кадыров

В статье рассматриваются теоретические основания диагностики посттравматического стрессового состояния по делам о компенсации морального вреда. Автором обосновываются и предлагаются 14 критериев для оценки степени тяжести посттравматического стрессового состояния: однократная травматизация; многократная травматизация; угроза жизни; характер психической травмы; степень тяжести личных переживаний травматической ситуации; перитравматическая диссоциация; степень тяжести травматической ситуации; продолжительность травматических ситуаций; негативный опыт взаимодействия с различными органами власти; негативная оценка травматического опыта социальным окружением; психическое расстройство; преступник из круга знакомых; черт личности до переживания экстремальной травмирующей ситуации; изменения в 5 сферах жизнедеятельности: здоровье, личность, социальные отношения, производственная деятельность и семья.

Ключевые слова: судебно-психологическая экспертиза, моральный вред, переживание, посттравматическое стрессовое состояние, посттравматическое стрессовое расстройство, психическое состояние, психотравмирующее воздействие, критерии психологической диагностики.

В России развитие института морального вреда происходит лишь последние двадцать пять лет. Законодатель определил моральный вред как физические и нравственные страдания.

Проблема применения психологических знаний при доказывании факта и степени нравственных страданий особо актуальна, поскольку ст. 151 ГПК РФ обязывает суд учитывать индивидуальные особенности лица, которому причинен вред⁹, и заслуживающие внимание обстоятельства. Понятие морального вреда на данный момент встречается в ГК РФ (ст. 151), Трудовом кодексе РФ (ст. 237), УПК РФ (ст. 136), Федеральном законе от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний», Федеральном законе от 27 мая 1998 г. «О статусе военнослужащих» (ст. 18 п. 5), других законодательных актах. Из Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10 от 20.12.1994 следует, что моральный вред может заключаться *«в нравственных или физических страданиях, причиненных действиями*

⁹ Лицо, которое претендует на компенсацию морального вреда (потерпевший, истец, которому причинен моральный вред), далее будем называть в работе пострадавшим.

(бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.п.), или нарушающих его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающих имущественные права гражданина.

Моральный вред, в частности, может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий и др.», что суду необходимы доказательства характера, объема, тяжести нравственных страданий, учет индивидуальных особенностей пострадавшего, другие конкретные обстоятельства, влияющие на негативные переживания. То есть законом предусматривается причинно-следственная связь между фактом (фактами) нарушения нематериальных, неимущественных прав и «нравственными страданиями» пострадавшего.

Психологическая экспертиза морального вреда является востребованной и адекватной при освидетельствовании тяжести нравственных страданий у пострадавших по гражданским делам и последствий уголовного судопроизводства. Подтверждением этому служат результаты изучения гражданских дел, доказательственной базой которых при решении вопросов о тяжести нравственных страданий у пострадавших являлись только показания свидетелей либо потерпевших.

Для суда из всех элементов состава морального вреда наиболее сложной в установлении и доказывании является именно субъективная (психологическая) сторона, что подтверждают многочисленные примеры из судебной практики и соответствующим вышеуказанным постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Неправильное

установление элементов субъективной стороны зачастую ведет к неправильному определению тяжести морального вреда.

В связи с этим, назначение судебной психологической экспертизы с целью оценки психологических признаков посттравматического стрессового состояния у пострадавшего по делам о компенсации морального вреда, участниками гражданского процесса, способно восполнить пробел в доказательственном материале по гражданскому делу и существенно расширить возможности установления обстоятельств, психологических компонентов нравственных страданий имеющих значение для определения тяжести морального вреда.

В связи с этим судебно-психологическая экспертиза по выявлению психологических признаков посттравматического стрессового расстройства у пострадавшего и как ее результата *посттравматического стрессового состояния*, как компонента нравственных страданий (А.Л. Южанинова, В.Ф. Енгальчев, С.С. Шипшин, Т.П. Будякова и др.), по делам о компенсации морального вреда, представляет собой один из наиболее сложных аспектов экспертного исследования.

Посттравматическое стрессовое состояние, как правило, тесно связано с экстремальной ситуацией и психической травмой. При этом ***экстремальная ситуация (ЭС)*** – это такая ситуация, в которой угрожающие жизни факторы действуют во времени и пространстве, имеют определенное значение для личности и субъективно оцениваются ею как необычная, выходящая за пределы, «нормального человеческого опыта». То есть ЭС – это изменившаяся неповседневная для человека реальность, в которую человек переходит из предшествующей повседневности и из которой человек направлен на дальнейший переход. В этой неповседневной реальности существование человека происходит в горизонте экзистенциальной дилеммы жизни-смерти, выдвинутости бытия в небытие, изменяющее смысловую картину жизненного мира личности.

Психическая же травма – это нарушение целостности функционирования психики человека, вызванное экстремальной ситуацией. То есть психическая травма, это результат внешнего экстремального воздействия, нанесшего вред психической деятельности личности сопровождающая сильными травматическими переживаниями. К числу негативных последствий для психики и психической деятельности личности,

можно отнести: острые реакции на стресс; посттравматический стресс и посттравматическое стрессовое расстройство; расстройство приспособительных реакций; кратковременную и пролонгированную депрессивную реакцию; смешанную тревожную реакцию, обусловленную расстройством адаптации.

В данный момент общего подхода к экспертному определению степени переживаемых страданий, наступивших в результате действий причинителя вреда, пока не выработано. Прежде всего, это проявляется в выделении разными авторами различных перечней необходимых и достаточных признаков для дифференциации разных уровней страданий. В.Ф. Енгальчев и С.С. Шипшин в качестве критериев называют глубину и интенсивность переживаний [3, 4]. А.Л. Южанинова предлагает наряду с интенсивностью переживаний учитывать их длительность, прогноз последствий психотравмы (обратимость / необратимость вплоть до утраты физического или психического здоровья) и характер оказанного травмирующего воздействия (степень его объективной и субъективной значимости) [15]. А.Н. Калинина считает достаточным учет глубины и длительности изменений психической деятельности [7]. Ф.С. Сафуанов выделяет степень выраженности изменений психической деятельности и динамические особенности изменений психической деятельности (стойкость-обратимость, длительность) [10, 11].

Отсутствие единого подхода обнаруживается и в выборе дробности шкалы, измеряющей степень переживаемых страданий. На основании учета уровня интенсивности переживаний, их продолжительности и прогноза возможных последствий от пережитого в последующей жизни А.Л. Южанинова предложила выделять *пять степеней страданий, наступивших в результате неправомерных действий причинителя морального вреда*:

1. Эмоции низкой интенсивности, самоограничивающиеся по времени, не имеющие существенных последствий.
2. Эмоции умеренной интенсивности, самоограничивающиеся по времени, не имеющие существенных последствий.
3. Эмоции высокой интенсивности, самоограничивающиеся по времени, приводящие к временным нарушениям в психическом или физическом функционировании человека.
4. Эмоции высокой интенсивности, превосходящие по временным показателям уровень нормы, снижающие эффективность деятельности,

временно нарушающие психофизиологическую или социально-психологическую адаптацию.

5. Сильное эмоциональное потрясение, приведшее к формам психической или психосоматической патологии (или прогноз «отставленного реагирования», высокая вероятность заболеваний в будущем) [15].

А.Н. Калинина, взяв за основу такие характеристики, как глубина и длительность изменений психической деятельности, *выделила четыре степени психического вреда*: легкая, умеренная, тяжелая и особо тяжелая.

Легкой степени психического вреда соответствуют кратковременные психические состояния неболезненного уровня, незначительные (неглубокие) изменения психической деятельности.

Умеренная (средняя) степень характеризуется наличием непатологического состояния, значительных изменений психической деятельности на не менее двух уровнях реагирования (психический, физиологический, поведенческий, личностный), длительностью переживания или негативных изменений от одного до 6 месяцев.

К *тяжкой степени* психического вреда относятся значительные изменения психического состояния, переходящего в пограничное, длительностью более 6 месяцев, но обратимые, а также такие непатологические состояния, как личностный кризис.

К *особо тяжким*, причисляются выраженные психические нарушения, в том числе хронические и необратимые изменения психической деятельности [7].

Среди индивидуальных особенностей лица, которому причинен моральный вред, во внимание могут приниматься его индивидуальная предрасположенность к установленному виду страданий, чувствительность к определенному типу травмирующих воздействий, а также особенности его интеллектуальной, эмоциональной, потребностно-мотивационной, коммуникативной, поведенческой сфер, объясняющие стиль его реагирования на действия причинителя вреда.

В связи с выше изложенным, актуальным является определение судебно-психологических критериев диагностики степени тяжести посттравматического стрессового состояния по делам о компенсации морального вреда.

В отечественных и зарубежных исследованиях выделяют следующий перечень критериев диагностики степени тяжести посттравматического стрессового состояния.

1. Опыт переживания подэкспертным психотравмирующих событий. У переживших одно психотравмирующее событие симптомы ПТСР выявлены в 34,4 % случаев, у переживших два события – в 50,3 % случаев, у переживших три и более событий в – 78,0% случаев [8, С. 21; 9]. При этом некоторые события обладают большим потенциалом психотравмирующего воздействия по сравнению с другими. К первым относятся события, которые отличаются интенсивным, внезапным, не поддающимся контролю, непредсказуемым и чрезвычайно негативным воздействием. Ситуации межличностного насилия, сопровождающиеся нанесением физического ущерба или угрозой жизни, с большей вероятностью могут стать причиной психической травмы, чем другие события, отличающиеся чрезвычайно сильным стрессовым воздействием, такие, например, как стихийные бедствия. Ситуации утраты объекта привязанности и предательства человеком, являющимся объектом привязанности, хотя и не связаны непосредственно с угрозой жизни, повышают риск травматизации. В ситуациях жестокого обращения с ребенком часто действуют все вышеупомянутые факторы [2, С. 42]. Многократное переживание воздействия сильного стрессора в течение некоторого времени, как, например, в случае физического насилия над человеком находящимся в заключении, приводит к наиболее разрушительным последствиям для жертвы. То есть, каждая предыдущая психическая травма готовит «готовит» организм к последующей и сенсibiliзирует организм и личность, повышает реактивность к последующим экстремальным ситуациям и стрессорам.

2. Угроза жизни (прямая угроза жизни, субъективная угроза жизни: пытки, телесное насилие, избиение, угроза, шантаж и др.). При этом большое значение имеет то что, событие объективно опасно и угрожает жизни подэкспертного или субъективно им воспринимается опасным для жизни с переживанием смертельного страха. Чаще всего объективная угроза жизни в большей степени травмирует подэкспертного, чем субъективное восприятие этой угрозы.

3. Характер психической травмы. Существующие статистические данные частоты различных травм и последующего развития ПТСР говорят о том, что на первом месте по вероятности развития психотравматизации личности находится изнасилование (55,5 % частота развития ПТСР), затем военные конфликты (38,8), плохое обращение и пренебрежение в детстве (35,4% и 21,5 %), сексуальное домогательство (19,3%), угроза применения оружия (17,2 %), телесное насилие (11,5 %) [12, С. 57-58], автомобильные аварии (39,2 %) [8, С. 22-23] т.д.

4. Степень тяжести психотравмирующих переживаний. Необходимо учитывать, что психотравмирующим является такое событие, которое вызывает у подэкспертного чувство беспомощности, смертельного страха (ужаса), безысходности и невозможности контролировать свои эмоции и ситуацию. При этом смысл, который индивид придает событию (например, считает произошедшее проявлением божественной воли, наказанием, считает себя виновником событий, или отсутствие смысла происходящего) существенно влияет на развитие посттравматического стрессового состояния. Именно объем и накал переживаемых в экстремальной ситуации негативных эмоций представляет собой один из главных факторов тяжести подэкспертным психотравмирующих переживаний.

5. Перитравматическая диссоциация - это симптомы диссоциации, которые появляются у подэкспертного во время и после травматического события, указывают на трудности интеграции, по крайней мере, некоторых аспектов травматического переживания.

Процесс перитравматической диссоциации разворачивается в три этапа:

I. В первые мгновения экстремальной ситуации, травмирующей личность, нарушается интеграция сенсорных и эмоциональных элементов события в рамках единой идентичности, переживание оказывается разделенным на изолированные соматосенсорные компоненты – *первичная диссоциация*. При непрекращающейся угрозе жизни проявляется дальнейшая дезинтеграция элементов психотравмирующего переживания, выражающаяся в виде феноменов выхода из тела, дереализации, деперсонализации, анальгезии - *дистанцирование от непереносимой экстремальной ситуации и снижение болевых ощущений* [13, С. 81-82].

II. Отчуждение чувств и эмоций, связанных с экстремальной ситуацией травмирующую личность, как результат частичного или полного игнорирования этой ситуации.

III. Развитие состояний, которые содержат в себе сильные переживания экстремальной ситуации и состоят из сложных личностных идентичностей, обладающих характерными когнитивными, эмоциональными и поведенческим паттернами - различные диссоциативные состояния: дереализация, деперсонализация, опыт выхода из тела и др.

Диссоциация: картинные воспоминания, устроены и фрагментированы на сенсомоторном уровне; не символическая форма способности к воспоминанию связана с определённым психическим состоянием, обусловленным реактивацией травматического опыта. *Характеристиками диссоциативных состояний* [13]: изменения мышления, при которых доминируют архаические формы; нарушение чувства времени; чувство потери контроля над поведением; изменения в эмоциональной экспрессии; изменения образа тела; нарушения восприятия; изменения смысла или значимости актуальных ситуаций или ситуаций, имевших место в прошлом; чувство «омоложения» или возрастной регрессии; высокая восприимчивость к суггестии.

Наличие диссоциативных, а также других симптомов, таких как выраженные изменения сознания коррелируют с последующим развитием серьезных травматических расстройств.

6. Степень «объективной» тяжести экстремальной ситуации (обобщение других ситуативных факторов кроме диссоциаций и многократных травматизаций, таких как: внезапность, длительность нахождения; внезапность возникновения; соматическое состояние и др.). Степень «объективной» тяжести экстремальной ситуации характеризуется: по внезапности: внезапные (непрогнозируемые) и ожидаемые (прогнозируемые); по скорости распространения: может носить взрывной, стремительный, быстро распространяющийся или умеренный, плавный характер; по продолжительности действия: могут носить кратковременный характер или иметь затяжное течение и др. [6, С. 17-18; 8, 9, 13]. Так если экстремальная ситуация внезапна для личности и сопровождается сильным страхом и чувством беспомощности, то она в большей степени травматична. То есть, факторы ситуации, и уровень их стрессогенности зависит от силы

психотравмирующего воздействия. Психотравмирующее воздействие – воздействие, обусловленное ослаблением активности или целостности индивидуального барьера психической адаптации приводящее к дезадаптации. Факторы экстремальной травмирующей ситуации обладают большей вероятностью оказания сильного и негативного психологического влияния на состояния людей. При этом сила и характер влияния не предопределяются только физическими параметрами факторов (величиной, яркостью, длительностью и пр.). Решающее значение роль играют особенности самого человека, личностный смысл, который имеет для него то или иное воздействие.

7. Недостаток социальной поддержки, или что еще хуже негативная социальная оценка психотравмирующего опыта является основным фактором риска развития посттравматического стрессового состояния. Необходимо отметить, что довольно часто подэкспертные с посттравматическим стрессовым состоянием переживают вторичную травматизацию, которая возникает, как правило, в результате негативных реакций других людей, медицинского персонала, работников социальной и пенитенциарной сфер на проблемы, с которыми сталкиваются люди, перенесшие травму. Негативные реакции проявляются в отрицании самого факта травмы, связи между травмой и страданием человека, обвинении и даже оскорблении жертв, в отказе оказания помощи.

8. Наличие особых черт личности до переживания экстремальной травмирующей ситуации [9, С. 41-43; 13], таких как повышенная тревожность, импульсивность, астеничность, эмоциональная неустойчивость, интровертированность, мнительность, пессимистичность, низкий уровень мотивации достижения, негативные убеждения личности о себе (собственном «Я») и окружающем мире.

9. Возраст, оказывающий влияние на развитие посттравматического стрессового состояния. Так в возрастной группе старше 46 лет частота развития ПТСР достоверно выше, чем в более младших возрастных группах [8, С. 22, 28.]. При этом необходимо учитывать, что хроническая травматизация, берущая начало в детском возрасте, стоит особняком в ряду других типов травматизации, так как психическую травму переживает нуждающийся в особой заботе и поддержке ребенок с незрелой психической эффективностью и психобиологическими структурами. В связи с этим, чем

моложе человек, получивший раннюю детскую травму, тем больше вероятность появления посттравматического стрессового состояния, вызванного последующей психической травмой, иными словами, травма берущая начало в детском возрасте сенсibiliзирует организм и личность, повышает реактивность к последующим стрессорам.

10. Наличие в анамнезе психического расстройства [9, С. 43-44], имевшего место ранее - до психической травмы, таких как тревожные и аффективные расстройства, обсессивно - компульсивные и паранойяльные расстройства, зависимости (наркомания, токсикомания).

Необходимыми критериями диагностики степени тяжести посттравматического стрессового состояния являются так же признаки существенных изменений в пяти сферах жизнедеятельности подэкспертного на момент исследования: здоровье, личность, социальные отношения, производственная деятельность и семья.

Таблица 1 - Признаки существенных изменений в пяти сферах жизнедеятельности подэкспертного с посттравматическим стрессовым состоянием

Сферы жизнедеятельности	Характеристики
Семья	<ul style="list-style-type: none"> • Развод в результате переживания психотравмирующей ситуации (условий); • Ухудшение семейных отношений в результате переживания психотравмирующей ситуации (условий).
Производственная	<ul style="list-style-type: none"> • Безработица в результате переживания психотравмирующей ситуации (условий); • Снижение производственной активности в результате переживания психотравмирующей ситуации (условий).
Социальная	<ul style="list-style-type: none"> • Сверхбдительность; • Попытки избежать действий, мест или людей, которые вызывают воспоминания о травме; • Выраженное снижение интереса к ранее значимым видам деятельности или к участию в них; • Чувство отрешенности или отчужденности от окружающих; • Сужение диапазона аффективной реакции; • Раздражительность или вспышки гнева и др.
Личностная	<ul style="list-style-type: none"> • Субъективная неустребованность потенциалов личности; • Смыслоутратность; • Кризисный образ мира; • Гиперимпульсивность, тревожность, замкнутость и т.д. • Повторные, навязчивые воспоминания о событиях, включая образы, мысли или ощущения; • Повторяющиеся и вызывающие значительное беспокойство сны о пережитом событии; • Частичная или полная амнезия важных аспектов травмы и др.

Здоровье	<ul style="list-style-type: none"> • Физиологическая реактивность под влиянием внешних или внутренних раздражителей; • Инвалидность или другие физические последствия психотравмирующей ситуации (условий); • Возникновение психических нарушений: невроз тревоги, депрессия, психосоматические расстройства, заболевания сердечно-сосудистой системы и т.д.
-----------------	---

Обобщая все вышесказанное, можно отметить, что, несмотря на некоторые различия в понимании предмета и процедуры СПЭ морального вреда в его психологическом аспекте, принципиальных расхождений в позициях исследователей данной проблемы не обнаруживается. Предлагаемые наработки, позволят практикующим психологам экспертам выполнять судебные экспертизы, по определению тяжести посттравматического стрессового состояния. Это, в свою очередь, позволит судам чаще обращаться к психологам в целях получения экспертного определения нравственных страданий потерпевших как доказательства необходимости компенсации причиненного морального вреда и основы установления ее размера.

Таблиц 2 - Степень тяжести посттравматического стрессового состояния

№ п/п	Сила воздействия	Критерии	Возможные оценки	Оценка
1.	Однократная травматизация	Внешнее событие с нанесением тяжких физических и/или душевных повреждений: избиение с унижением личного достоинства, дорожно-транспортное происшествие, несильное удержание, сексуальное насилие, нападение с нанесением травмы головы и т.п.	0 - + 1	
2.	Многократная травматизация	В наличии информация о дополнительных травматических переживаниях. При одном дополнительном переживании = 0,3; при двух = 0,6. При тяжёлых ранних переживаниях, в случае реактуализации = до 2 пунктов	0 - + 2	
3.	Угроза жизни	Событие объективно опасно для жизни/субъективно опасно для жизни с переживанием смертельного страха	0 - + 2	
4.	Характер психической травмы	Сексуальное насилие, телесное насилие, избиение и т.д.	от 0 до + 1	
5.	Степень тяжести личных переживаний травматической ситуации	Переживаемое событие вызвало чувства ужаса (или страха), беспомощности, безысходности и невозможности контролировать свои эмоции и ситуацию, бессмысленность ситуации.	от 0 до + 1	
6.	Перитравматическая диссоциация	При признаках диссоциативного переживания травматической ситуации. Примеры: при сильной диссоциации = 1;	от 0 до + 4	

		при различных, но не сильных диссоциациях = 2; при различных ярко выраженных диссоциациях = 3; при экстремальных диссоциациях более двух видов = 4		
7.	Степень тяжести травматической ситуации	Оценка «объективной» тяжести события (обобщение других ситуативных факторов кроме диссоциаций и многократных травматизаций, таких как: длительность нахождения; внезапность возникновения; соматическое состояние и др.).	от 0 до + 1	
8.	Продолжительность травматических ситуаций	Очень длительная травматическая ситуация (более 30 мин.)	от 0 до + 1	
9.	Негативный опыт взаимодействия с различными органами власти	При негативном опыте взаимодействия с полицией, судом, медицинскими и гос. учреждениями, ... = 0,5; если они были слишком отягощающими (при повторении) = 1; иначе = 0	от 0 до + 1	
10.	Негативная оценка травматического опыта социальным окружением	При таких высказываниях, как «не притворяйся», «ты сам виноват в том, что произошло» и т.п. при обвинении жертвы	от 0 до + 1	
11.	Психическое расстройство	При наличии ранее в анамнезе (до психической травмы) психического расстройства	от 0 до + 1	
12.	Преступник из круга знакомых	При раннем знакомстве с преступником (насильником) или при тесном отношении с ним (партнёр, семья)	от 0 до + 1	
13.	Черт личности до переживания экстремальной травмирующей ситуации	Повышенная тревожность, импульсивность, астеничность, эмоциональная неустойчивость, интровертированность, мнительность, пессимистичность, низкий уровень мотивации достижения, негативные убеждения личности о себе (собственном «Я») и окружающем мире.	от 0 до + 1	
14.	Изменения в сферах жизнедеятельности	При нарушениях в нескольких сферах жизнедеятельности. Примеры: при нарушении в 1-ой сфере = 0,5; при нарушении в 2-х сферах = 1; при нарушении в 3-х сферах = 2; при нарушении в 4-х-5-ти сферах = 3.	от 0 до + 3	
Подведение итогов: Складываются все пункты. При общей сумме от 5,5 = незначительный риск ПТСР (легкая степень психотравматизации). от 8,5 = повышенный риск ПТСР (умеренная степень психотравматизации). от 11,5 = возможен риск простой формы ПТСР (тяжкая степень психотравматизации) от 13,5 = возможен риск сложной формы ПТСР (особо тяжкая степень психотравматизации)			Сумма	

1. Будякова Т.П. Юридикологические аспекты правового института компенсации морального вреда. Елец, 2005.

2. Ван дер Харт О., Нейенхёус Э.Р.С., Стил К. Призраки прошлого: Структурная диссоциация и терапия последствий хронической психической травмы. Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2013.
3. Енгальчев В.Ф., Шипшин С.С. Судебная психологическая экспертиза в уголовном и гражданском процессах: вопросы теории и практики: практикум для студ. фак. психологии высш. учеб. заведений (специалитет, бакалавриат, магистратура) М.: МПСУ; Воронеж: МОДЭК, 2015.
4. Енгальчев В.Ф., Шипшин С.С. Судебно-психологическая экспертиза. Калуга – Обнинск – Москва, 1997.
5. Енгальчев В.Ф., Южанинова А.Л. Предмет и задачи судебно-психологической экспертизы по делам о компенсации морального вреда // Судебная экспертиза, 2007. № 3 С. 79-86
6. Кадыров Р.В. Посттравматическое стрессовое расстройство (PTSD): состояние проблемы, психодиагностика и психологическая помощь: учебное пособие. СПб.: Речь, 2012
7. Калинина А.Н. Теоретические и методические основы судебной психологической экспертизы по делам о компенсации морального вреда: автореф. дис. ... к.ю.н. М., 2006.
8. Посттравматическое стрессовое расстройство / Под редакцией академика РАМН Т.Б. Дмитриевой. М.: ГНЦ ССП им. В.П. Сербского, 2005
9. Посттравматическое стрессовое расстройство / под ред. В.А. Солдаткина; ГБОУ ВПО РостГМУ Минздрава России. Ростов н/Д: Изд-во РостГМУ, 2015
10. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза по делам о компенсации морального вреда в Российской Федерации. [Электронный ресурс] //Психология и право. 2016(6). № 2. С. 26-40. doi: 10.17759/psylaw.2016060203
11. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза: учебник для академического бакалавриата /Ф.С. Сафуанов М.: Юрайт, 2015.
12. Тарабрина Н.В. Психология посттравматического стресса: Теория и практика /Н.В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии» РАН, 2009
13. Тарабрина Н.В. Психология посттравматического стресса: Теория и практика Часть. 1 /Н.В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии» РАН, 2009
14. Шипшин С.С., Бердников БД., Калинина А.Н. Методические рекомендации по производству судебно-психологической экспертизы по делам о компенсации морального вреда //Теория и практика судебной экспертизы 2010. №4 (20). С. 309-320
15. Южанинова А.Л. Судебно-психологическая экспертиза по делам о компенсации морального вреда. Саратов, 2000.

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА СИМВОЛДРАММА
В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ СОПРОВОЖДЕНИИ УЧАЩИХСЯ
ФИЛИАЛА НАХИМОВСКОГО ВОЕННО-МОРСКОГО УЧИЛИЩА,
В ПЕРИОД АДАПТАЦИИ НАХОДЯЩИХСЯ
В КРИЗИСНОМ СОСТОЯНИИ**

Ю.Н.Окулова

В данной статье представлены основные возможности работы с помощью метода символдрама в системе психологического сопровождения учащихся филиала Нахимовского училища.

Ключевые слова: символдрама, мотив, психологическое сопровождение, психологическая помощь.

Психолого-педагогическое сопровождение воспитанников начинается сразу после зачисления в образовательное военное учебное заведение и проводится на протяжении всего курса обучения. Одной из важных задач психолого-педагогического сопровождения является содействие личностному, интеллектуальному и социальному развитию воспитанника, укреплению социально-психологического климата в учреждении. Решить данную задачу возможно, если адаптация учащихся к условиям военного учебного заведения пройдет успешно. В период адаптации происходит мобилизация личностных ресурсов воспитанников: раскрывается личностный адаптационный потенциал, устанавливаются межличностные отношения, возрастает мотивация к обучению. Неблагоприятное течение адаптации проявляется в изменениях психоэмоциональной сферы, в формировании нервно-психических расстройств.

Таким образом, в период адаптации нахимовцев психологическому сопровождению отводится важная роль в учебном и воспитательном процессе. Работа психолога ведется по нескольким направлениям: психодиагностика, психокоррекционная работа, психологическое консультирование, психологическая профилактика. Один из методов с помощью которого можно осуществлять работу сразу по всем направлениям - это метод символдрама (кататимное переживание образов (КПО) или метод «сновидений наяву»). Это метод глубинно-психологически ориентированной психотерапии, который оказался высокоэффективным при краткосрочном лечении неврозов и психосоматических заболеваний, которые возникают в процессе адаптации учащихся.

Данный метод был разработан известным немецким психотерапевтом профессором, доктором медицины Ханскарлом Лейнером. Основу метода

составляет свободное фантазирование в форме образов [4]. Психолог выполняет при этом контролирующую, сопровождающую, направляющую функцию. В символдраме соединились разные техники: классический и юнгианский анализ, поведенческая психотерапия, гуманистическая психология, аутотренинг. В развитие данного метода внес большой вклад известный немецкий детский психоаналитик Гюнтер Хорн.

Почему мы решили использовать данную технику в работе с учащимися?

Во-первых данный метод закрывает пробел между игровой и разговорной психотерапией учащихся, учитывая их достоинства и недостатки. Во-вторых, помогает ребятам во время работы разобраться с возникшими проблемами на символическом уровне. С помощью чего можно обойтись без интеллектуального разбора собственных проблем, к которому ребенок может быть еще не готов. В-третьих, можно использоваться как в форме индивидуальной работы с детьми, в групповой работе, так и в терапии пар, когда одновременно психолог работает с ребенком и одним из родителей. Символдрама – это метод, который так же учитывает нарциссические переживания учащегося [5]. Ученики, а процессе адаптации часто испытывают нарциссические переживания, когда учителя, воспитатели сравнивают их способности со способностями других учеников, где они оказываются несостоятельными. С данной проблемой можно эффективно работать по методу символдрама, где учащиеся могут себе позволить представить на уровне фантазии свои нарциссические переживания.

Для работы у учащимися были взяты такие мотивы, как луг. Данный мотив применялся в работе, как исходный образ каждого психотерапевтического сеанса;

Пример:

Сергей 13 лет. Когда Сергею было 2 года, после тяжелой болезни не стало его мамы. Отца посадили в тюрьму. До поступления в училище воспитывался дедушкой и его женой. Классный руководитель обратилась с жалобами на его неуравновешенность, эмоциональные срывы, подавленное состояние, отсутствие аппетита, снижение успеваемости. Сергей учился на 4 и 5, а в последнее время все чаще и чаще получал не больше 3. Сергею был предложен мотив, луг. Сначала Сергей не мог представить себе луг (образ луга это матерински-оральный символ, отражающий как связь с матерью, так и динамику переживаний первого года жизни, а в данном случае еще и актуальное состояния ребенка).

Физическое отсутствие матери, и общее состояние отразились и в представленной погоде в образе, погода была прохладная, пасмурная, небо темное, затянутое, идет дождь. На лугу никого не было. Изначально представить

себя не мог, позже представил в виде души, которая смотрит с неба. Чувства, которые испытывал, это радость, что в этой темноте есть одно светлое пятно, луг, и печаль, что в данный момент не находится там.

На вопрос: Что бы ему хотелось сейчас сделать? - Сергей говорит, что хотел бы быть на этом лугу. После предложения спуститься на луг, он оказался на лугу. Сергею там очень нравится, он лежит на нем, чувствует объятия травы, хоть и мокрой, но ему все равно приятно их ощущать. Таким образом, на символическом уровне Сергей нашел разрешение актуальной для него проблемы. После нескольких сеансов психотерапии учителя и классный руководитель заметили, что состояние ребенка улучшилось, учеба повысилась. Так же в работе с учениками применялись мотивы: подъем в гору; следование вдоль ручья вверх или вниз по течению; встреча с особо значимым лицом [4]; наблюдение опушки леса и ожидание существа, которое выйдет из темноты леса.

В период адаптации учащиеся по-разному переживают разлуку со своим близкими. Часть ребят стойко переносят трудности, связанные с адаптационным периодом, а у некоторых ребят наоборот формируются нервно-психические расстройства. Для того, чтобы лучше узнать о внутрисемейных отношениях, а так же провести психотерапию, были включены в работу дополнительные мотивы: наблюдение и установление контакта с семьей животных; получение во владение надела земли, представление себя примерно на 10 лет старше.

В работе с учащимися были использованы и специфические мотивы символдрамы, такие как представление реальной ситуации в училище или дома.

Петр, 12 лет, не складывались взаимоотношения во взводе. Из анамнеза известно, что ребенка оставила мать, отца своего он никогда не видел. До поступления в училище воспитывался бабушкой. С первого дня отношения с ребятами не складывались. При исследовании социометрического статуса попал в группу отвергнутые. На фоне переживаний, успеваемость по учебным предметам снизилась, ухудшился сон, появилось чувство страха (боится засыпать и находится в одиночестве). После работы с Петром, где ему было предложен представить реальную ситуацию в училище, состояние ребенка улучшилось. Для работы со страхом использовался мотив «Опушка леса». Петру сложно было представить опушку леса, он видел просто отдельные пятна, разных цветов. Затем появился сам образ опушки леса. В образе была поздняя весна, погода пасмурная, небо серое. Из леса показался медведь, с огромными клыками и когтями на лапах. Петру было очень страшно. После предложения покормить медведя Петр набирается смелости и кормит его мясом. После того,

как медведь поел, глаза его стали добрее, чувство страха у Петра сменило на интерес. В процессе обсуждения Петр говорил, что чувствовал себя немного возбужденно, но потом ему стало спокойнее. После нескольких сеансов психотерапии состояние ребенка улучшилось, перестали беспокоить сильные страхи, через месяц отношения с ребятами во взводе улучшились.

Так, как училище, является учреждением закрытого типа, с жесткой регламентацией, учащиеся постоянно взаимодействуют с педагогами, воспитателями и другими нахимовцами, у них нет возможности уединиться побыть с самими собой. В кабинете психолога, при помощи данного метода учащиеся создают свой собственный мир, в котором могут: гулять по лугу; подниматься в гору, справляясь со всеми трудностями на пути; наблюдать на опушке леса за существами, которые появляются из темноты; получать во владения надел земли становится собственным архитектором и строить свой дом, прорабатывая актуально-насушные конфликты, актуальное настроение, ставить себе задачи, которые раньше казались ему невыполнимыми и находить выход из безвыходных ситуаций. Они узнают, что в поисках себя, открывают дверь для полного понимания мира остальных людей, и этот опыт в жизни им помогает адаптироваться в условиях данного образовательного учреждения

Обобщая, можно сказать, что при субъективных данных, полученных от педагогов работающих с ребятами, применение данного метода оказалось эффективным. Эффективными оказались результаты работы при невротических нарушениях (при лечении детских навязчивых состояний). в работе с неуспевающими учениками; в работе с фобиями; при нарциссических переживаниях; при психосоматических расстройствах, в случае эмоциональных нарушений.

Таким образом, данная методика перспективна для работы с учащимися в военных закрытых учебных заведениях, в период адаптации к новым условиям жизни, и дает возможности для дальнейших исследований и открытий.

1. Леонтьев А.А. Психическое развитие ребенка. Москва, 1991
2. Эльконин Д.Б. Детская психология. Москва, 1960
3. Выготский Л.В. Педагогическая психология. Москва, 1991
4. Лейнер Х. Кататимное переживание образов /Пер. с нем. Я.Л. Обухова. М. : «Эйдос», 1996.
5. Обухов Я.Л. Детская агрессивность и проблемы анального характера в концепции Анны Фрейд. // Российский психоаналитический вестник, 1993-1994, С. 3-4.
6. Юнг К. Психология бессознательного. // Собрание сочинений. М., «Канон», 1994.
8. Обухов Я.Л./ Психотерапия детей и подростков. Символдрама . М. 1999
9. Хорн Гюнтер Шесть этапов развития ребенка в зеркале символдрамы

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СЕТЕВОЕ НАСИЛИЕ КАК ФАКТОР АУТОДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Е.Н.ЧУЕВА

В статье исследуются механизмы вовлечения детей и подростков в деструктивные социальные сети, на примере анализа практической ситуации работы с подростком.

Ключевые слова: социальные сети, виртуальное пространство, деструктивный контент

В настоящее время каждый десятый житель планеты является пользователем глобальных компьютерных сетей. Интернет-пространство, социальные группы, виртуальные сетевые сообщества стали частью нашей жизни, а значит и частью жизни наших детей. Сегодня Интернет пространство – это социальная система, имеющая все признаки и процессы реальной системы. Глобальное киберпространство рассматривается как совокупность частных сетей, каждая из которых формируется вокруг определенного информационного ресурса и имеет свою систему духовных ценностей. Как и в реальной жизни, в киберпространстве мы сталкиваемся не только с социально приемлемыми сообществами, но и с группами, имеющими деструктивный контент (экстремистские религиозные секты, группы политических и экономических террористов, организованные в оффлайне, преступные сообщества).

Социализация и взросление современных детей и подростков связаны с расширением системы социальных отношений и с освоением новых социальных общностей, а следовательно, в современном мире, и с вхождением в Интернет-пространство. Если в реальном мире ребенок и подросток находятся под относительным контролем взрослого, то в Сети такой контроль резко снижается. Как правило, большинство родителей не знают какие сайты посещают их дети и с кем общаются в Сети, многие родители вообще не являются пользователями Интернета и не догадываются о его возможностях и опасностях. Современные дети и подростки значительно быстрее и лучше ориентируются в сфере компьютерных технологий, и во многом превосходят знания старших членов семьи, что лишает последних осуществлять должный контроль за детьми. Подростки в свою очередь ревностно отстаивают перед родителями возможность независимого и автономного существования в виртуальном пространстве.

Виртуальные группы дают подросткам возможность удовлетворить целый ряд актуальных потребностей: ощущение эмансипации и отделения от родителей, позволяют открывать для себя что-то новое, выходить за рамки дозволенного, рисковать, самим определять свое социальное пространство, знакомиться с новыми людьми, принадлежать к какому-то сообществу и одновременно быть уникальными, неповторимыми, приближаться к идеальному «Я». В Сети подросток получает реальную возможность экспериментировать с разными субличностями, существовать ни как одна, конкретная личность, а как множество.

В то же время, гормональная, когнитивная, социально-личностная перестройка делает подростка наиболее уязвимым в плане воздействия социальных факторов. Появление новых влечений, связанных с акселерацией, и не имеющих возможности реализоваться, приводят к напряженности и фрустрации. Внутренняя противоречивость самооценки, подсознательная неуверенность в себе, расхождение между объективным положением и внутренней позицией приводит к эмоциональной отчужденности, агрессии в виде асоциального поведения или аутоагрессии. Черно-белое мышление проявляется в искажении восприятия окружающего мира, категоричности и оппозиционной готовности. Повышенная внушаемость к внешним эффектам, зависимость от чужого мнения приводят к эмоциональному «заражению», подражанию и идентификации подростка с другим человеком. Отсутствие жизненного опыта, критичности, объективности в мироощущении делает подростка непредсказуемым и уязвимым в психотравмирующей ситуации.

Главная проблема заключается в том, что через данные эмоциональные переживания подросток должен пройти самостоятельно и выработать свой собственный способ их преодоления и проживания. Но именно в этот период он как никогда нуждается в эмоциональной поддержке со стороны значимых людей.

Сфера взаимоотношений подростка с родителями на протяжении всего периода взросления остается значимой и оказывает сильное влияние на формирование его личности: его потребностно-мотивационной сферы, системы отношений к себе и окружающим. Группа сверстников становится референтной, и в значительной степени замещает родителей, приводит к ослаблению эмоциональных связей с ними и замене их взаимоотношениями

со многими людьми, меньше влияющими на личность как целое, но формирующими определенные формы ее поведения. Если подросток не получает эмоциональной поддержки в реальной жизни, то он начинает ее искать и компенсировать в виртуальном пространстве. Он ищет в Сети близкую ему по духу социальную группу и ответы на волнующие его вопросы о смысле жизни и смерти, об отношениях, о чувствах. В тоже время подростку трудно понять, где заканчивается зона безопасного общения. Сидя дома за компьютером или смартфоном, возникает ложное ощущение безопасности и защищенности.

Так же, как и в реальной жизни, в Интернете подростков поджидают те, кто готов манипулировать их сознанием, воспользовавшись наивностью, незрелостью, эмоциональной нестабильностью еще не сформированной психики. Одну из опасностей в социальных сетях на сегодняшний день представляют различные группы с деструктивным контентом. В течение 2015-2016 года прошла волна детских и подростковых суицидов, которые связывают с пребыванием подростков в «группах смерти» в социальных сетях. Анализируя криминогенную ситуацию в России в 2015 году, официальный представитель СК РФ Владимир Маркин отметил высокие показатели суицидов среди несовершеннолетних в нашей стране: «В прошлом году зафиксировано 685 таких фактов. При этом часто суициды совершаются под воздействием информации из социальных сетей и других интернет-ресурсов» [<http://sledcom.ru/news/item>]. Еще несколько лет назад, родителям и в голову не приходило, что опасность может поджидать их ребенка, когда он физически находится дома, в своей комнате, а психологически - в виртуальном пространстве.

Расследования, проведенные «Центром спасения детей от киберпреступлений», показали, что количество детей-подписчиков в данных группах измеряется сотнями. Да и количество самих групп переваливает за тысячу. Впрочем, достаточно заглянуть на страницы детей в соцсетях, посмотреть группы, на которые они подписаны, количество участников этих групп, и сразу становится понятно, что мы – взрослые что-то упустили, в чем-то отстали в понимании мира современных детей.

Основная идея данных групп – культивирование темы смерти. Интерес к теме жизни и смерти, смысла жизни – не нов для подростков, данные темы были и в прежних подростковых субкультурах. «Анимэ», «эмо», «готты» уже

не актуальны для сегодняшних школьников и место прежних субкультур оказалось вакантным. Его и поспешили занять новые лидеры – модераторы «групп смерти».

Потребность в принадлежности к группе, в единстве – «Мы», в чувстве избранности, особенности, как и прежде являются отличительными чертами подросткового возраста. А еще тайна, мистика, риск и азарт - все это в достаточной степени присутствует в данных группах, именно на эти рычаги подростковой психики и надавливают инициаторы деструктивных сообществ.

Не вдаваясь в подробности правового аспекта деятельности этих групп, хотелось бы в первую очередь обратить внимание на психологический механизм вовлечения подростков в группы, и их роль в изменении психоэмоционального состояния детей. Первый вопрос: Все ли подростки попадают под влияние данных групп? Нет! Как правило это те, кто более, чем остальные подвержен философским рассуждениям о поиске смысла жизни и безысходности, кто не находит поддержки и удовлетворения в реальных социальных контактах, кто в большей степени страдает от одиночества и собственной исключительности, те, кто испытывает душевные страдания и эмоциональную подавленность. Именно такие подростки, не находя удовлетворения в реальности, в поисках ответов на свои вопросы, погружаются в глубины социальной сети. Заметим, что в социальных группах сегодня состоят практически все дети начиная с 9-10-летнего возраста.

В качестве основы для анализа, ниже будет приведен текст из консультативной беседы с девочкой-подростком, 15 лет (назовем ее Марина), состоявшей в одной из аналогичных групп (текст публикуется с согласия подростка).

Девочка из социально благополучной семьи, умная, начитанная, прилежная ученица, занимающаяся музыкой, языками. Тревогу забила мама, видя как меняется поведение и настроение дочери. Хотя, как выяснилось позже, желание прийти на консультацию к психологу, было у девочки давно.

«Я хочу избавиться от всего неправильного: мыслей, поступков. Ничего не радует. Ничего не хочу делать. Я – плохая дочь. Я хочу умереть» - именно такими мыслями и фразами были пронизаны первые встречи с подростком. Взгляд Марины был потухший, несколько отрешенный. Поза

закрытая, голова и плечи опущенные. Эмоции проявлялись достаточно скупой, выглядела она сонной и вялой. Никаких вразумительных аргументов и причин нежелания жить назвать она не могла.

Незадолго до встречи с Мариной, я познакомилась со статьей обозревателя «Новой газеты» Галины Мурсалиевой «Группы смерти», и для себя, как психолога, сделала открытие, что, не являясь сама слишком активным пользователем социальных сетей, не придавала раньше значительной роли социальным группам в которых сидят подростки, да и не знала о них. Сегодня, работая с подростками, задаю вопрос в каких социальных сетях они подписаны и прошу их позволить заглянуть к ним на страничку.

Так же поступила и с Мариной. При вопросе: «говорит ли тебе что-нибудь название таких групп как «Море китов», «Тихий дом» и др.?», у девочки блеснули глаза и стало понятно, что она является участником этих групп. Через некоторое время Марина рассказала, что зарегистрирована в социальных сетях под фэйковым именем и уже несколько месяцев активно общается в них. Я попросила девочку пригласить меня к ней в друзья: «Чтобы помочь тебе, я должна понимать тебя». Это было одним из условий нашей дальнейшей работы.

Только попав на страницы подростков, сидящих в деструктивных социальных группах, начинаешь понимать, что происходит с их сознанием. Смерть, насилие, кровь, боль обволакивают сознание подростка и буквально начинают засасывать его туда. Как впоследствии рассказала Марина: *«Сначала было страшно и неприятно смотреть на это, а потом мы (с подругой) стали привыкать. Стало интересно и даже иногда весело. Мы перестали бояться смерти и боли».*

Спустя несколько месяцев терапии Марина согласилась рассказать подробно о своем пребывании в группе. На основе ее интервью попытаемся пошагово проанализировать этапы втягивания детей в деструктивный контент.

Шаг 1. Интерес и психологическая готовность

Интерес и поиск кумира (идола, иконы) – то, что оказывается пусковым механизмом для подростка. Он заглатывает наживку и попадает на крючок.

«Несколько месяцев назад мы с одноклассницей, заходя в Интернет на страницы других ребят, наткнулись на группы, связанные с темой

смерти. Это заинтересовало нас, и мы решили узнать больше об этом. Сначала мы искали информацию о людях, которые непосредственно занимались распространением культа смерти. Заходили на их странички. Это были люди, имевшие большое значение в своем кругу и большое количество друзей в социальных сетях (их было больше тысячи!). У них на страницах мы нашли несколько ссылок на группы, которые они сами создали. Там в их сообществах в «Вконтакте» размещались страницы людей, умерших с помощью суицида или несчастного случая. В этих группах воспевался их образ и правильность поступков. Одна из самых популярных самоубийц была Рина П. Существует множество групп памяти, которые посвящены ей. Многих из ее поклонников поражала ее последняя фраза, оставленная у нее на странице незадолго до смерти. В дальнейшем эти слова стали призывом к смерти. Ее образ появлялся в каждом паблике, связанном со смертью. Ей посвящали стихи, рисовали картины, писали музыку. **Она стала идолом. Многие хотели быть похожими на нее, сделать то же, что совершила она.** Несколько таких групп не только воспевали ее образ, но и призывали принять такое же решение. У некоторых ее последователей на стене их страниц мы нашли стихотворения, где они высказывали желание вступить в игру. Самое ажное было в конце этих стихов. Там размещались хэштеги: #хочу в игру, #дай инструкцию, #я в игре, #найди меня...»

Шаг 2. Втягивание в группу

Как только подросток начинает проявлять интерес к определенной теме, его тут же начинают атаковать рассылками фраз, картинок, музыки, видео, к ним начинают подписываются новые друзья. Появляется ощущение значимости, общности с другими, принадлежности к группе, и самое главное - ощущение таинственности и необычности.

«...В дальнейшем именно по этим ссылкам желающих находили специальные люди и приглашали в игру. **Все это вызывало ужасный интерес.** Странные стихотворения, окутанные тайной, загадки, цифры, картинки. Все это затягивало нас и вызывало больше вопросов, чем мы находили ответов. Так всю ночь мы искали хоть какую-нибудь понятную нам информацию. Но все становилось еще более загадочным.

Далее мы разместили похожие стихотворения у нас на страницах с такими же тэгами: «Хочу поиграть, Я жду инструкцию свыше. Кит я

немой, мир меня не услышит. Единицы бабочки, остальные все мыши. Я люблю панораму, что рисуется с крыши. Разбуди в 4:20, нарушь мой покой, не давай мне сна, зомбируй игрой. Я охотно приму дозу яда с руки. Я не хочу это видеть. Хочу лишь уйти».

Через несколько минут с нами связался человек под именем Август Холод. Он был своеобразным куратором. Он ответил также в стихотворной форме. Далее он написал, что если мы готовы на все, готовы выполнять все, что нам скажут, он поможет нам встать на правильный путь, «путь истины». После наших обещаний он добавил нас в закрытую группу под названием «Тихий океан и нам дали номера».

Поначалу подростки воспринимают все происходящее как игру, некий «квэст», который они должны пройти. У них еще присутствует ощущение контроля над ситуацией. Они знают, что могут прервать игру в любой момент. Кроме этого сначала в группе создается **располагающая психоэмоциональная обстановка**. Модераторы группы втираются в доверие к детям. Они хорошо знают психику подростка, знают чего им не хватает, в чем они нуждаются. На это и делают ставку. *«С первого взгляда эта группа внушала уют и тепло. Все располагало к себе. Повсюду были фотографии китов, восхода солнца, посты о том, как именно нас здесь долго ждали. Администраторы группы призывали игроков писать им обо всем, что их волнует. Просили рассказывать им про свои проблемы, страхи, надежды. Каждый обязательно должен был это сделать. Их главное обещание – решить все проблемы участников, разобраться во всем. Это внушало доверие и давало поддержку всем, кто в этом так нуждался. **Чаще всего в этих играх оказывались люди, которым не хватало поддержки и общения в реальной жизни. В группе же это обеспечивалось в достатке. Каждый участник был важен в этой группе. Но больше всего внимания уделялось страхам. Их нужно было рассказывать в деталях, подробно, несколько раз. Поначалу это была самая важная тема».***

Итак: **Что транслируют модераторы группы?** *«Вы нам нужны, мы не равнодушны к вам. Вы должны нам доверять. Мы желаем вам счастья, готовы помочь в этом». «Ты должен быть счастлив с нами»*

Что слышит подросток? *«Я не один. Таких как я здесь много. У нас общая проблема. Только здесь меня понимают и ценят. Только здесь мне хорошо».*

Шаг 3. Идея избранности и готовность подчиняться авторитету

После того, как подростки получают определенную дозу дофамина, следующей задачей модераторов является формирование у них зависимости от группы и страха лишиться того удовольствия, которое они здесь получают.

Примеры из переписки в группе:

№... *присоединился к группе*

Админ: *Приветствую! Я надеюсь, что вы не слабые*

№ ... *Здравствуй.*

Админ: *Играть готовы? Условия тяжелые. Но я думаю, что вы сильные. Или ты боишься?*

№... *Не*

Админ: *Страх не боль. Ты должен быть счастлив с нами*

В ход идут основные механизмы психологического воздействия: внушение чувства избранности («Вы особенные. Только лучшие и достойные останутся в группе. Нам будет доступен «тихий дом» (новый уровень), там будет счастье и радость, а боль и страдание останутся на Земле»), а так же желание беспрекословного подчинения авторитету.

«...Далее кураторы провели опрос, в котором спрашивали: «Все ли готовы к игре?», подчеркивая, что «пути обратно нет». Когда в группе набралось 100 человек, игра началась.

В первый день они объявили правила, которые отличались четкостью и жесткостью формулировки. Каждый пост выходил один раз в сутки, в 4:20 по Москве. Задания были следующие: нарисовать на листе то, чего боишься; написать на руке лезвием или ножом название группы; на стене написать кровью название группы; накапать на руку парафином горячей свечи; сделать фото на крыше; нанести на руку порезы разной глубины; поссориться (перестать общаться) с друзьями; высказать родителям, что хочешь умереть... На выполнение каждого задания давалось определенное количество времени. После каждого задания должен быть фотоотчет. О каждом своем дне следовало писать администратору. И главное без разрешения администратора не разглашать тайну о группе. За нарушение хоть малейшего правила игрок исключался из группы навсегда».

Тактика модератора: создание напряжения (ограничение во времени), нагнетание чувства тревоги (страх не успеть выполнить задание и быть

исключенным из группы), беспрекословное подчинение администратору группы.

Шаг 4. Погружение

На этой стадии смерть пропагандируется как единственно правильный и красивый способ выхода из сложных жизненных ситуаций, культивируются депрессивные психологические состояния, применение насилия в отношении себя и окружающих, а незыблемые человеческие ценности – семья, друзья, образование – критикуются, высмеиваются и обесцениваются.

Включившись в группу. Подростки постепенно втягиваются в темы смерти. На следующем этапе новоиспеченных участников приглашают в интерактивную игру, в которой они должны пройти различные тесты и задания, связанные с тематикой смерти, суицида, причинением себе физических увечий и инсценировке этих событий. По мере выполнения заданий прогрессировал рейтинг участников, открывающий доступ к новым «возможностям».

«...На странице сообщества размещалось множество ссылок на похожие группы. На них следовало подписываться. Вскоре наша новостная лента стала состоять исключительно из новостей о смерти, призывов к суициду, видео со смертью, фотографии с насилием над собой или другими, картинками китов... Некоторые были зеркальные, другие – просто набор странных символов... Суицид рассматривался как единственный и правильный выход из любой жизненной ситуации. Сначала это пугало, но в дальнейшем мы уже могли смотреть на все это спокойно, даже с интересом. Сообщества постоянно обновлялись, каждый день появлялись десятки новых. Смерть стала казаться разумным выходом из ситуации. Все разговоры были о теме смерти, все стало пропитано этим и стало смыслом нашего существования. Хотелось понять и почувствовать, что же существует после смерти.

*После выполнения ряда заданий, моя одноклассница отказалась продолжать игру. Она начала пугать ее. Но я не могла выйти из игры. **Иначе осталась бы без поддержки и общения.** А понимание и поддержка – самое важное для каждого, кто был в игре. На этот момент я порвала со всеми своими друзьями и ни с кем уже не общалась. У меня появился другой мир, со своими правилами и законами».*

Результат: **изменение в психике подростка**. Снижение витальности. Принятие смерти как новой формы жизни. Усиление закрытости. Потеря критичности и субъективности. Готовность подчиняться и выполнять задания.

Шаг 5. Новый уровень

«...Далее был создан чат от главной группы. Туда попадали не все, а только тот, кто выполнял все задания. Все обсуждали проблемы, переживания игроков. Все это еще больше накаляло ситуацию. Август Холод всех призывал побыстрее расправиться со своей жизнью: «Когда вы там уже все сдохните?», «Вы не достойны жизни». Если кто-то начинал с ним спорить, то его сразу удаляли из группы. Быть исключенным – было самое худшее наказание. Все были под полным контролем. Сложился образ человека-Бога, стоявшего выше всех и руководившего жизнями людей. Чем хуже и отчаяннее было положение человека, тем больше у него было шансов попасть в высшую группу.

Так прошло несколько недель, месяц. Почти каждую ночь не удавалось спать. Реальная жизнь была заменена социальными сетями. Этакая поджизнь – тайная реальность со своими законами, историей, героями, ценностями, своеобразное государство, с четко выстроенной иерархией.

Тактика воздействия на детей, с психоэмоциональной точки зрения, происходила последовательно и четко. Сначала детей погрузили в атмосферу удовольствия, затем вызвали напряжение, страх и интерес. Так как на выполнение задания отводилось ограниченное количество времени, дети находились в состоянии постоянной готовности и напряжения даже ночью, что приводило к систематическому недосыпанию и, как следствие, ухудшению самочувствия, снижению волевых и аналитических способностей, невозможности взвешенно и адекватно воспринимать происходящее. В результате ребенок, вступивший в группу для участия в игре, попадал в сильнейшую психологическую ловушку. Балансируя на грани между виртуальной и реальной действительностью, дети проецировали происходящее на экране в собственную жизнь, воспринимая его как нечто естественное, обыденное, нормальное, в то время как руководители групп крепко держали руку на пульсе, вынуждая ребят выполнять все более изощренные задания.

«Вскоре группу закрыли. Было несколько попыток восстановить ее, но за ней следили и продолжали закрывать. Некоторые решили завершить подобные приключения, другие никак не могли успокоиться и отчаянно искали новые группы.

Со временем настоящих групп стало меньше. Появилось множество фэйковых страниц, созданных подростками. Их легко было сразу отличить от настоящих. Но групп с аморальным содержанием не уменьшилось.

*Я понимаю, что подобные группы забирали жизни и чувство реальности, но они давали ощущение **нужности и уверенности**, что там человек может быть понят и его примут таким, какой он есть».*

Девочка постепенно возвращается к нормальной жизни. С ней ведется психотерапевтическая работа. Идет непрерывное взаимодействие с семьей (члены семьи в таких ситуациях не в меньшей степени нуждаются в психологической помощи и поддержке, а без их участия терапия носит непродуктивный характер). У девочки вновь возобновились контакты с друзьями, вернулся интерес к учебе, вновь появились реальные интересы. Ее откровение было результатом длительной работы. Подросток, попавший в «группы смерти», выполняющий задания, прошедший жесткий инструктаж о приемах конспирации на случай общения с родителями и педагогами, как правило, все отрицает, не сразу открывается для общения и признается о своих намерениях.

Возможно в динамике современной жизни проблема виртуальных «групп смерти» в скором времени перестанет быть актуальной и отойдет на второй план, так же как отошли прежние подростковые субкультуры. На смену одним лидерам и модераторам появятся новые кукловоды, желающие манипулировать подростковым сознанием. К сожалению, предотвратить появление новой инфекции и выявить очаг не возможно до момента проявления симптома. Ясно одно, что появление новых социальных факторов вносит свои изменения в работу педагогов и психологов. И чем быстрее будет реагировать психолого-педагогическое сообщество на данные новшества, тем больше вероятность остановить распространение опасности и защитить наших детей. А для этого и родителям, и педагогам, и психологам нужно быть ближе к детям и иногда учиться открывать новое у них.

COGNITIVE BEHAVIORAL THERAPY ATTENUATES THE ENHANCED EARLY FACIAL STIMULI PROCESSING IN SOCIAL ANXIETY DISORDERS: AN ERP INVESTIGATION

Jianqin Cao Yang Li, Jun Yang

Background: Previous studies of patients with social anxiety have demonstrated abnormal early processing of facial stimuli in social contexts. In other words, patients with social anxiety disorder (SAD) tend to exhibit enhanced early facial processing when compared to healthy controls. Few studies have examined the temporal electrophysiological event-related potential (ERP)-indexed profiles when an individual with SAD compares faces to objects in SAD. Systematic comparisons of ERPs to visual stimuli before and after therapy are also lacking. We used a passive visual detection paradigm that employed upright and inverted faces/objects, which are known to elicit the early P1 and N170 components, to study the abnormal early face processing and subsequent improvements in this measure in patients with SAD.

Methods: Seventeen patients with SAD and 17 matched control participants performed a passive visual detection paradigm task while undergoing EEG. The healthy controls were compared to patients with SAD pre-therapy to test the hypothesis that patients with SAD have early hypervigilance to facial cues. We compared patients with SAD before and after therapy to test the hypothesis that the early hypervigilance to facial cues in patients with SAD can be alleviated.

Results: Compared to healthy control (HC) participants, patients with SAD had more robust P1 and N170 effects in response to both upright and inverted faces and objects. Interestingly, we found that patients with SAD had reduced P1 responses to all objects and faces after therapy, but had selectively reduced N170 responses to faces, and especially inverted faces. Interestingly, the slope from P1 to N170 in patients with SAD was flatter post-therapy than pre-therapy. Furthermore, the amplitude of N170 evoked by the facial stimuli was correlated with scores on the Interaction Anxiousness Scale (IAS) after therapy.

Conclusions: Our results provide further electrophysiological support for the early hypervigilance hypothesis in SAD and confirm that cognitive-behavioral therapy (CBT) interference can reduce the early visual processing of faces. These findings have potentially important therapeutic implications in the assessment and treatment of social anxiety.

SUMMARIES

SECTION I METHODOLOGY AND SCIENTIFIC AND PRACTICAL PROBLEMS OF PSYCHOLOGY OF THE PERSON IN EXTREME CONDITIONS OF LIFE AND CRISIS SITUATIONS

SPIRITUAL CRISIS FACTORS OF RUSSIAN SOCIETY: LATE 19TH - EARLY 20TH CENTURY

A.A.Gostev, A.V.Andreew

The article deals with the interrelationship between the cultural and spiritual aspects of the crisis. An analysis is made of the main factors that influenced the spiritual decline of russian society at the turn of the 19th and 20th centuries and the triumph of russian marxism in the public consciousness. At the end of the article it is written that the crisis absorbs all spheres of society's life.

Key words: crisis, history of crises, crisis factors, spirituality, russian revolutions.

AWARENESS OF PSYCHOLOGICAL AGE AS PREVENTION OF THE PERSONAL CRISIS

E.S.Grishina

The essence of the concept of "psychological age" is being studied. The author shows three parts of the psychological age: "youth", "adulthood" "old age". The main features of each group are highlighted. The following criteria are used: level of independence, ability to act, self-determination in time. Through the analysis of the age-related dialectics of the educational collective, the author shows the significance of awareness of his psychological age for stable personal development.

Key words: psychological age; youth; adulthood; old age; self-awareness; personal development

PROFESSIONAL STRESS IN THE JOB OF PHARMACEUTICAL WORKERS

T.V.Kapustina, N.M.Osipova, E.V.Sadon

The specificity of professional job of pharmaceutical workers is described in the article. The theoretical analysis of objective and subjective stress-factors, which can influence for intrapersonal and interpersonal in the work of professional pharmacists, has been done. The

opportunity of creation the psychological programs for the reducing the risk of professional pharmacists stress is described.

Key words: professional stress, subjective stress-factors, objective stress-factors, pharmacists, pharmaceutical worker

THE PROCESS OF FINDING THE MEANING OF LIFE AS A WAY OF OVERCOMING A PERSONAL CRISIS

N.R. Kozhemyachenko

The article analyzes methods of overcoming the existential crisis as one of the forms of personal crisis. The author shows the possibility of the process of searching for the meaning of life in solving the existential contradictions of man. The author justifies the need to combine the search for the meaning of life and the development of the personality in a single process of self-development.

Key words: process; the meaning of life; life; death; good; evil; justice; injustice; cosmic life; immortality.

ACCOUNTING THE PSYCHOLOGICAL FEATURES OF THE STUDENT OF THE FIRST COURSE AS THE OVERCOMING AND PROPHYLAXIS OF HIS PERSONAL CRISIS

T. B. Kotlova

The author actualizes the importance of a psychological approach to a student of the first course in the conditions of a modern innovative university. The author considers self-awareness, self-development of teacher's personality as the basis for improving the educational methods, and knowledge of the psychology of the learner too.

Key words: method of teaching, psychological approach, psyche, personality, self-analysis, self-development

USE OF THE "STANDART OF SELF-PRESERVATION" QUESTIONNAIRE IN PSYCHOLOGICAL WORK WITH PARTICIPANTS OF MILITARY ACTION

T.I.Kuzmina

The article gives the description and methodological aspects of creating the "Self-preservation standard" questionnaire as one of the methods for diagnosing the psychological characteristics of persons who took part in hostilities. Personal-personal education "standard of self-preservation" is described not from the point of view of reactive-instinctive self-preservation in extreme conditions, but from the position of self-preservation in an act whose realization is connected with the threat to life and health in the situation of military operations. Specificity of

the qualitative analysis of the received data is specified. This questionnaire was developed and tested with the support of veterans, active employees and instructors of the special forces of the Ministry of Internal Affairs, the Ministry of Defense, the Federal Security Service, the center "VETER", the age of the respondents is 25-49.

Key words: standard of self-preservation, participants in combat operations, questionnaire, extreme situations

MAIN DIFFICULTIES OF PROVIDING PSYCHOLOGICAL SECURITY IN EDUCATIONAL SPACE

Z.V.Masaeva

In this paper, the main problems of organizing and providing psychological security in the conditions of the educational space are revealed. The risks and threats that may arise in the educational system are revealed, leading to a low level of psychological security. Barriers are also considered, and conflict situations that hinder the increase in the level of psychological security.

Key words: psychological security, educational space, risk, threat, conflict situations.

DIFFICULTIES IN ADAPTING FOREIGN STUDENTS AND IMMIGRANT SPECIALISTS TO A NEW WAY OF LIFE

Y.A.Melnikova

This article presents four groups of situations that quite often appears during the immigration process and highlights changes in representations of world and way of life. Given situations that refer to locals' attitude to immigrants and feeling of national identity have been detailed. As well, there is a considered statement that immigration can have attributes of extreme situation, therefore it is recommended to apply interdisciplinary approaches from the fields of management, cross-cultural psychology and extreme psychology.

Key words: representation of world, representation of way of life, obstacles during immigration, extreme situation.

POST-TRAUMATIC GROWTH: AN OVERVIEW

M.I.Mishina

Various studies of the consequences of extreme situations experience are considered in this article. The phenomenon of posttraumatic growth, which was first described in 2004, was taken as a basis. This article presents the works of the authors studying this phenomenon from various points of view.

Key words: extreme situation, posttraumatic growth, experience, changes.

AUTOBIOGRAPHICAL MEMORY AND COPING INTELLIGENCE

S.N.Nikishov, I.S.Osipova, E.G.Pronkina

The question of the place of autobiographical memory in the structure of the coping intelligence is considered in the article. The autobiographical memory is construed as long-term memory subsystem, which operates the memories about of significant events and states for personality. The authors study the role and functional capacities of autobiographical memory in solving difficult reality situations, which upset the psychological well-being of the personality.

Key words: autobiographical memory, coping intelligence, difficult reality situation, personality, control.

THE CREATION OF "POSTHUMAN" AS A PROVOCATION OF THE CRISIS OF PERSONAL DEVELOPMENT

M.P.Perepelitsa

The article analyzes the problems associated with the process of becoming «The Posthuman», which provokes the development of the personality crisis in the context of the difficulty of the search for methods to overcome the modern anthropological crisis. Two key modern philosophical doctrines of this direction are singled out: transhumanism and posthumanism. The necessity of their dialectical opposition is justified in order to prevent the multiplication of personal crises in the future.

Key words: Crisis of personality, humanism, transhumanism, posthumanism, posthuman, cosmism.

TRANSGRESSION SUICIDALITY, VIRTUAL REALITY AND THE TEMPTATION BY DEATH

N.D.Uzlov

The article attempts to comprehend the problem of child's and adolescent's suicide that were initiated in social networks on the Internet, with the involvement of the category of transgression. Transgressive nature of suicidal game in the social networks was disclosed and the dual nature of the behavior of its participants in real and virtual spaces was showed. The meaning of suicide as the continuation of virtual games and as a way of destructive self-representation of teenagers in the world was disclosed. Alternatively, it was proposed to develop a new class of anti-suicidal games that have appropriate qualities and effects transgressive orientation.

Key words: transgression, suicide, death, teenagers, game, virtual reality, social network.

DIALECTS OF AIM AND DREAM IS A METHOD OF WORKING OF LIFE CRISIS OF IDENTITY STRATEGY

O. P. Utrobina

Concepts of "dream", "purpose" are separated in the article. A man is considered as a project of himself, which he develops through his dream and purpose. Creative meaning of a dream and strategic meaning of the purpose in the life of a subject are meant. It is shown that the dialectical dream interaction and a goal is a fundamental cause of the results of the life crisis.

Key words: dream; aim; desire; aspiration; self-development, crisis situation.

VIRTUAL PERSON IN THE CULTURE OF THE POSTINDUSTRIAL SOCIETY

N.A. Tsareva

The phenomenon of virtuality as an artificiality of the real world is considered. The person of the post-industrial world changes the status of the "man of culture" to the state of "man in culture". In modern post-industrial society, mass culture forms material-hedonistic values. A virtual person is focused on things that create the comfortable well-being of his daily existence. In a consumption society, virtual values do not allow a person to distinguish themselves among others, to take a critical position in relation to society and to oneself. The state of existential personality crisis is caused by the race for pleasures, which leads to inner emptiness.

Key words: virtuality, material-hedonistic values, personality crisis, "man in culture".

SECTION II EMPIRICAL RESEARCH PROBLEMS PSYCHOLOGY OF THE PERSON IN EXTREME CONDITIONS AND CRISIS SITUATIONS OF LIFETIME

THE RESEARCH OF THE LEVEL OF RADICALISM OF CONVICTS, HAVING RELIGIOUS VIEWS

K.Z. Alina, N.F. Fessenko

The article presents a study of the level of religious radicalism among convicts serving sentences in correctional institutions of the Pavlodar region of the Republic of Kazakhstan. The developed indicators and levels of religious radicalism are given.

Key words: levels of radicalism, religious radicalism, personal indicators, religious indicators, extremism, convicts, penitentiary institutions.

**USING THE SOFTWARE «CONSTRUCTOR OF EXPERIENCES» IN
PSYCHOLOGICAL COUNSELING CLIENTS WHO HAVE UNDERGONE
STRESSFUL LIFE EVENTS**

R.M.Aysina

The paper discusses computer technologies as promising supplements in psychotherapy and counseling practice. Results of a randomized controlled trial to assess the efficacy of the software «Constructor of experiences» are presented. The results suggest that this software could help to improve emotional state and psychological well-being of clients who had undergone stressful life events.

Key words: stress, stressful life events, cognitive behavioral therapy, computer technologies, relaxation and self-regulation techniques

**THE MEANING OF SOCIAL CAPITAL FOR SUCCESSFUL INTEGRATION OF
INTERNALLY MIGRATED PEOPLE WITHIN THE SOCIUM**

E.E.Blynova

The article is devoted to the problem of social-psychological adaptation of internally migrated people within current socio-political and economical conditions of Ukrainian society. Having analyzed the phenomenon of social capital, the possibilities of access to private and public spheres are demonstrated, which ensure successful integration of migrants into the receiving society.

Key words: internally migrated people, forced migration, social-psychological adaptation, social identification, social capital.

**CAUSES AND PREVENTION OF NEUROTIC DISORDERS AND SOMATIC
DISORDERS MEDICAL WORKERS AT DIFFERENT STAGES OF IMPAIRED
ADAPTATION**

A.D.Golmenko, V.P.Ilyin, V.A.Haptanova, E.L.Vygovskiy

On the basis of the constructed mathematical models marked changes in three periods of professional psychological adaptation (PPA) and morbidity in dynamics by years. Determined the leading role of the psychological component in the formation of professional and psychological adaptation. Identified some causes of neurotic disorders and somatic disorders among medical workers at different stages of impaired adaptation and proposed methods of prevention.

Key words: adaptation, professional and psychological disadaptive, morbidity, professionally important qualities, prevention.

EFFECTS OF EXTREME CONDITIONS ON WORLD VIEW AND LIFE

ORIENTATIONS POLICE

D.G.Zubarev

The article presents the theoretical approach and the results of the study of meaningful orientations according to Leontiev's method for the most important professions of police investigators and operatives. A comparison is made between the average values of the indices of both groups according to the levels of subscales and the general meaning of life. The results are interpreted.

Key words: extreme activity, police, ideology, meaningful orientations, a barrier, employees, the Image-I.

TYPES OF ATTACHMENTS HAVE CHILDREN WITH CANCER

S.A. Kovalchuk, I.S.Iliina, A.N.Malyshkina

In this article, we consider the influence of the formed unreliable attachment type on the onset of oncological diseases in children. The rupture of the emotional connection of the child with the object of attachment, in the early stages of its development, can cause emotional shock and are more likely to lead to traumatization of the child, which, combined with biological factors, can increase the risk of cancer.

Key words: attachment, reliable type, ambivalent type, avoiding type, oncological disease.

THE RELATIONSHIP OF TERRORIST THREAT EXPERIENCE AND PSYCHOLOGICAL HEALTH OF STUDENTS

A.V.Koteneva

The relationship of terrorist threat experience by the students (59 people) and psychological health was examined in this paper. The results show that the intensity of the experience of the terrorist threat is closely linked to realization resources of mental health in different spheres of human activity. The ability to purposeful activity in stressful situations, helping behavior, the development of intellectual and creative potential are the important factors for coping with this experience.

Key words: resources of psychological health, terrorist threat experience, traumatic stress, psychological health, extreme situation.

MOTIVATIONAL READINESS OF INDUSTRIAL WORKERS TO OPERATE IN EXTREME CONDITIONS

L.N.Kotlyarova, E.A.Sysoeva

The article presents the results of studying the motivational readiness of personnel (with different experience in the Far North) to operate in a high-tech enterprise during the period of its decommissioning.

Key words: motivational profile, personnel

THE ATTITUDE TO HEALTH OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS STAFF

D.S.Lyukshina, O.D.Konovalenko

The professional work of MIA staff is described as one with the higher level of complexity and danger. It is necessary to consider psychological characteristics of their attitude to health, in order to provide the safety and reliability of their professional work, to increase its effectiveness and provide professional longevity. According to the results of the research, health is important and valuable for the MIA staff, they understand the role of caring of their health and enjoy it. The respondents' actions match the healthy life style (HLS) requirements in providing active and long life. They do exercises and give up bad habits to maintain their health. It is possible to create a psychocorrectional program aimed to prevent a negative attitude towards professional health.

Key words: attitude to health, professional health, cognitive component, value-motivational component, emotional component, behavioral component, the Ministry of Internal Affairs (MIA) staff.

MOTIVATION OF PROFESSIONAL ACTIVITY OF PATROL-GUARD SERVICE EMPLOYEES

D.S.Lyukshina, A.I.Moiseeva

The work of the Patrol-Guard Service is socially important, professionally responsible and complex. It makes high demands to the specialists. Psychological researches in the field of work motivation are determined by the need of understanding the behavioral patterns of the diverse professions specialists during the economic changes. Also by the possibility of increasing the professional work effectiveness, by focusing on the preservation of professionally trained, qualified and successful specialists. According to the results of the research most of the Patrol-Guard Service staff with 1-5 years of experience has a domination of optimal motivational complex, meanwhile the optimal motivational complex is not found among the staff with 5-10 years of experience. Probably this pattern could be related to their experience and age. It is

possible to create a psychological training on forming optimal motivational complex for them, in order to increase the effectiveness and success of professional work.

Key words: professional motivation, internal motivation, external positive motivation, external negative motivation, professional work, the Patrol-Guard Service staff.

INDIVIDUAL STYLE OF SELF-REGULATION OF BEHAVIOR OF EMPLOYEES OF LAW ENFORCEMENT OFFICIALS AT DIFFERENT EXPRESSION OF THE STATUS OF METAL BURNING

L.N.Molchanova

The results of researching the self-regulation style features of the law enforcement officers behavior as a resource to overcome the mental burnout condition are presents in the article. The flexibility of the regulations provides plasticity of all regulatory processes and allows for unforeseen circumstances to respond adequately to fast changing events and successfully solve the task in situations of risk, thus helping to overcome mental burnout. At low severity of mental burnout law enforcement regulatory profile is harmonious. When the average severity of the mental burnup degree of adequacy of self-sustainability and Maturity of subjective criteria of evaluation results, and at high - independence not ensure its effective operation; The regulatory profile is accentuated. The obtained results can be considered as a bases in developing programs of psychological support of law enforcement officers.

Key words: the individual style of self-regulation of behavior, mental burnout condition, law enforcement officers

THE UNMARRIAGE OF MIDDLE-AGED WOMEN AS A FACTOR IN THE SCENARIOS AND NEUROSES OF A DEFERRED LIFE

O.V.Panchenkova, V.P.Serkin

Representations of middle-aged women about themselves and their way of life now and in the perspective of the marriage partnership are presented and discussed. It is noted that these identified representations may be factors of scenarios and neuroses of deferred life.

Key words: the image of I, the way of life, the scenario of the deferred life, neuroses of deferred life, the functions of the family.

PROFESSIONAL RELIABILITY IN EXTREME WORKING CONDITIONS

M.V.Sokolskaya

Professional reliability operator, operating in extreme conditions, is a key factor in security, not only professional, but also of vital activity of the operators themselves, and thus an indicator of their professionalism. This allowed the author to consider professional dependability

as a highly professionally important qualities and implement verification of the hypothesis on an empirical example of rail transport operators.

Key words: professional dependability, professionalism, safety, operator, professional important qualities, professional.

TRAUMATIZATION OF FAMILIES OF MINORS CONVICTED OF MURDER

S.J.Khachaturyan, M.N.Abdurasulova

The article is devoted to psychological correction of juvenile offenders for murder. The authors, based on the fundamentals polygeneration system of traumatology, hypothesize that all families of juvenile offenders have traumas. The study was conducted in PKU Nakhodka educational colony GUF SIN Russia for the Primorye territory. All traumas are divided into four types: existential trauma, trauma of losses, trauma of relationship and trauma family system. All of the families convicted of murder are filled with traumas, and we need to work with them as victims of these traumas. Offered the main directions of psychological adjustment.

Key words: psychological correction of juvenile offenders for violent crimes, existential trauma, trauma of losses, trauma of relationship, trauma family system.

DYNAMICS OF PROTECTIVE BEHAVIORAL STRATEGIES IN AN EXTREME PROFESSIONAL ACTIVITY

T.I.Shevchenko

Coping behavior of employees of the Federal Fire Service (FFS), EMERCOM of Russia was assessed during their professional activity taking into account their nervous and mental stability and the level of anxiety. 53 firefighters with secondary vocational or secondary education who live in St. Petersburg and Leningrad region were surveyed. The average quality-of-life parameters in respondents (income, housing, family structure) are similar. Their mean age was (29.7 ± 0.9) years and work experience in FFS of EMERCOM of Russia averaged (8.2 ± 0.8) years.

The coping behavior of the total sample surveyed appeared to be adaptive and aimed at assessment, analysis, decision-making and overcoming stressful situations. At the same time, mean neuropsychological stability is high and personal anxiety is slightly higher than situational anxiety; therefore, the firemen can be described as active, responsible, motivated to succeed and result-driven. Meanwhile, the anxiety increased with age, especially after 35 years and after 6 years of work experience in FFS, EMERCOM of Russia. Certain incentives are increasingly regarded as dangerous for the self-esteem, stress resilience reduced, thus provoking probable inappropriate emotional response to an extreme situation.

Key words: firefighter, Federal Fire Service, coping behavior, neuropsychological stability, personal anxiety, situational anxiety.

IDEAS OF EXTREMENESS AND THE EXTREME CITY AT YOUTH VLADIVOSTOK AND PETROPAVLOVSK-KAMCHATSKY

O.S.Shiryaeva, N.V.Vinichuk, A.S. A.S.Shiryaeva

In article an attempt of specification of content of categories "extremeness", "extreme city" at youth, residents of two Far East cities is made: Petropavlovsk-Kamchatsky and Vladivostok. It is defined that ideas of extremeness correspond rather to the concept "extreme" and open hobbies for youth for extreme sports and occupations. Extremeness of the region in different cities of residence is defined by both social, and climatic factors, and also maternity hospital of occupations of examinees, inclusiveness degree on extreme Wednesday, etc.

Key words: social ideas of extremeness; social ideas of the extreme city; climatic and geographical extremeness; activity environment.

SECTION III PSYCHOLOGICAL HELP, PSYCHOTHERAPY, PSYCHO CORRECTION AND PSYCHOREABILITY OF THE PERSON IN EXTREME CONDITIONS AND CRISIS SITUATIONS LIFETIME: NEW APPROACHES, METHODS, METHODS AND TECHNIQUES

PSYCHOLOGICAL SUPPORT OF PERSONS SUBJECT TO STATE PROTECTION: SPECIFICS AND PROBLEMS

A.Y.Golosova, N.A.Kravtsova

The article examines the function of providing psychological assistance to persons in respect of whom a decision has been made to apply to them state protection measures, proposals are made with a view to improving them, and debating issues are raised. The basic, available at this stage, problems of psychological support of protected persons are sanctified.

Key words: state protection, protected person, psychological support.

**THE MECHANISM OF SOCIAL-COMMUNICATIVE EDUCATION OF CHILDREN
WITH DISABILITIES WITH THE HELP OF THE METHOD OF CANISTER
THERAPY**

S.A.Danchenko

Brief annotation: experience working with children with limited health features made it possible to formulate a number of fundamental provisions of the social function of canister therapy. The main mechanism contributing to the socialization of children is formulated. With the help of a dog, it is possible to conduct social and communicative training up to including the child in the group.

Key words: canistherapy, autism spectrum disorder, social adaptation, limited health possibilities.

SPECIFICS OF PSYCHOLOGICAL SUPPORT OF CANCER PATIENTS

M. V.Dolgova

The article substantiates the need to provide oncological psychological support, taking into account the specifics of experiences. The key targets and organizational forms of psychotherapeutic work are determined, strategies and tactics of conducting this group of patients are suggested. A battery of diagnostic tools is proposed to analyze the effectiveness of psychotherapeutic work.

Key words: oncopsychology, breast cancer, quality of life, psychological support.

**FORENSIC PSYCHOLOGICAL CRITERIA FOR DIAGNOSIS OF POST-TRAUMATIC
STRESS DISORDER IN CASES OF COMPENSATION OF MORAL HARM**

R.V.Kadyrov

In the article the theoretical Foundation of the diagnosis of post-traumatic stress disorder in cases of compensation of moral harm. The author substantiates and proposed 14 criteria to assess the severity of post-traumatic stress disorder: a single trauma; multiple trauma; threat to life; the nature of the mental injury; the severity of personal experiences of a traumatic event; peritraumatic dissociation; the severity of a traumatic event; traumatic situations; negative experience of cooperation with different authorities; the negative assessment of the traumatic experience of the social environment; mental disorder; criminal circle of friends; personality traits to experience extreme traumatic situations; changes in 5 areas of life: health, personality, social relationships, work and family.

Key words: forensic-psychological expertise, moral hazard, experience, post traumatic stress, post-traumatic stress disorder, mental health, traumatic impact, the criteria for a psychological diagnosis.

THE USE OF THE SYMBOLDRAMMA METHOD IN THE PSYCHOLOGICAL ACCOMPANIMENT OF THE STUDENTS OF THE BRANCH OF THE NAKHIMOV NAVAL SCHOOL, IN THE PERIOD OF ADAPTATION IN A STATE OF CRISIS

Y.N.Okulova

This article presents the main opportunities for working with the symboldrama method in the psychological support system for students of the branch of the Nakhimov school.

Key words: symboldrama, motive, psychological support, psychological help.

NETWORK PSYCHOLOGICAL VIOLENCE AS A FACTOR IN SELF-DESTRUCTIVE BEHAVIOR OF CHILDREN AND ADOLESCENTS

E.N.Chueva

This article examines the mechanisms for involving children and adolescents in destructive social networks, by analyzing the practical situation of working with a teenager.

Key words: social network, virtual space, the destructive content.

COGNITIVE BEHAVIORAL THERAPY ATTENUATES THE ENHANCED EARLY FACIAL STIMULI PROCESSING IN SOCIAL ANXIETY DISORDERS: AN ERP INVESTIGATION

Jianqin Cao, Yang Li, Jun Yang

Previous studies of patients with social anxiety have demonstrated abnormal early processing of facial stimuli in social contexts. In other words, patients with social anxiety disorder (SAD) tend to exhibit enhanced early facial processing when compared to healthy controls. Few studies have examined the temporal electrophysiological event-related potential (ERP)-indexed profiles when an individual with SAD compares faces to objects in SAD. Systematic comparisons of ERPs to visual stimuli before and after therapy are also lacking. We used a passive visual detection paradigm that employed upright and inverted faces/objects, which are known to elicit the early P1 and N170 components, to study the abnormal early face processing and subsequent improvements in this measure in patients with SAD.

Key words: cognitive behavioral therapy, ERP investigation

НАШИ АВТОРЫ

Абдурасулова Мария Николаевна - начальник психологической лаборатории ФКУ Находкинская ВК ГУФСИН России по Приморскому краю, майор внутренней службы (г.Находка, Россия).

Айсина Римма Михайловна - кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории виртуалистики ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» (г. Москва, Россия).

Алина Куралай Жумкеновна – доктор психологических наук, член – корр. Международной Академии Психологических Наук, эксперт по психологии НИАПЦ «Аддиктологии и Ментального здоровья» (г.Павлодар, Республика Казахстан).

Андреев Андрей Владимирович – аспирант, Московский архитектурно-строительный институт, Московский информационно-технологический университет (г. Москва, Россия).

Блинова Елена Евгеньевна - доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей и социальной психологии, Херсонский государственный университет (г. Херсон, Украина).

Виничук Наталья Владимировна - кандидат психологических наук, доцент Департамента социальных и психологических наук Школы гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия).

Выговский Евгений Леонидович - главный врач ОГАУЗ «МЕДСАНЧАСТЬ ИАПО», (г. Иркутск, Россия).

Голосова Ангелика Юрьевна – психолог ОРЧ по ОГЗ УМВД по Приморскому краю (г. Владивосток, Россия).

Гольменко Александр Дмитриевич – доктор медицинских наук, профессор кафедры психодиагностики и практической психологии, Педагогический институт ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (г.Иркутск, Россия).

Гостев Андрей Андреевич - доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии, Институт психологии РАН (г. Москва, Россия).

Гришина Елена Сергеевна - кандидат философских наук, доцент, профессор Департамента философии и религиоведения Школы Гуманитарных наук ФГОУ ВПО «Дальневосточный федеральный университет» (г. Владивосток, Россия).

Данченко Светлана Анатольевна - кандидат психологических наук, доцент, педагог-психолог КГБУСО «СРЦН «Парус надежды» (г. Владивосток, Россия).

Долгова Мария Викторовна – кандидат психологических наук, доцент департамента социальных и психологических наук, ФГОУ ВПО «Дальневосточный федеральный университет» (г. Владивосток, Россия).

Зубарев Дмитрий Геннадьевич - преподаватель Морского технологического колледжа Морского государственного университета им. адм. Г. И. Невельского (г. Владивосток, Россия).

Ильин Владимир Петрович – доктор биологических наук, профессор кафедры психодиагностики и практической психологии, Педагогический институт ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (г. Иркутск, Россия).

Ильина Ирина Сергеевна - преподаватель кафедры общепсихологических дисциплин ФГБОУ ВО ТГМУ Минздрава России (г. Владивосток, Россия).

Кадыров Руслан Васитович – кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общепсихологических дисциплин ФГБОУ ВО ТГМУ Минздрава России (г. Владивосток, Россия).

Капустина Татьяна Викторовна – преподаватель кафедры общепсихологических дисциплин ФГБОУ ВО ТГМУ Минздрава России, педагог-психолог в Коррекционной школе/детском саду II вида (г. Владивосток, Россия).

Ковальчук Серафима Альбертовна - студентка ФГБОУ ВО ТГМУ Минздрава России (г. Владивосток, Россия).

Кожемяченко Наталья Родионовна - кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Школы гуманитарных наук ДВФУ, ФГБОУ ВПО Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток, Россия).

Коноваленко Ольга Дмитриевна – студентка ФГБОУ ВО ТГМУ Минздрава России (г. Владивосток, Россия).

Котенева Анна Валентиновна - доктор психологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия).

Котлова Татьяна Борисовна - доктор исторических наук, профессор, проректор по воспитательной работе и общественным связям, заведующая кафедрой истории и философии ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный энергетический университет» (Иваново, Россия).

Котлярова Любовь Николаевна - кандидат психологических наук, доцент, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» (г. Москва, Россия).

Кравцова Наталья Александровна – доктор психологических наук, доцент, заведующая кафедрой клинической психологии ФГБОУ ВО ТГМУ Минздрава России (г. Владивосток, Россия).

Кузьмина Татьяна Ивановна - кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной психологии и реабилитологии Московского Государственного Психолого-Педагогического Университета (г. Москва, Россия).

Люкшина Дарья Сергеевна - старший преподаватель кафедры общепсихологических дисциплин ФГБОУ ВО ТГМУ Минздрава России (г. Владивосток, Россия).

Мальшикина Анастасия Николаевна - медицинский психолог, Краевой детский онко-гематологический центр (г. Владивосток, Россия).

Масаева Зарема Вахаевна - кандидат психологических наук, доцент, Доцент кафедры педагогики и психологии Чеченского государственного университета (г. Грозный, Чеченская республика).

Мельникова Яна Андреевна - аспирант департамента психологии 1-го года обучения, Национальный Исследовательский Университет «Высшая Школа Экономики» (г. Москва, Россия).

Мишина Марья Игоревна - выпускница бакалавриата департамента психологии, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики" (г. Москва, Россия).

Моисеева Анастасия Игоревна - студентка ФГБОУ ВО ТГМУ Минздрава России (г. Владивосток, Россия).

Молчанова Людмила Николаевна - доктор психологических наук, профессор кафедры психологии здоровья и коррекционной психологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Курский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации (г.Курск, Россия).

Никишов Сергей Николаевич – кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский государственный университет им. Н.П.Огарева» (г.Саранск, Россия).

Окулова Юлия Николаевна – педагог-психолог филиала ФГКОУ Нахимовского военно-морского училища (Владивостокское ПКУ) (г. Владивосток, Россия).

Осипова Ирина Станиславовна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский государственный университет им. Н.П.Огарева» (г.Саранск, Россия).

Осипова Наталья Максимовна – студентка 3 курса факультета общественного здоровья специальности клиническая психология ФГБОУ ВО ТГМУ Минздрава России (г. Владивосток, Россия).

Панченкова Ольга Валерьевна - выпускница магистратуры департамента психологии, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики" (г. Москва, Россия).

Перепелица Максим Павлович - студент первого курса магистратуры, департамент философии и религиоведения Школы гуманитарных наук, ФГОУ ВПО «Дальневосточный федеральный университет» (г. Владивосток, Россия).

Пронькина Елена Геннадьевна – студентка магистратуры по направлению подготовки «Психология» 2-го года обучения ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский государственный университет им. Н.П.Огарева» (г.Саранск, Россия).

Садон Елена Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общепсихологических дисциплин ФГБОУ ВО ТГМУ Минздрава России (г.Владивосток, Россия).

Серкин Владимир Павлович - доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры организационной психологии, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики" (г. Москва, Россия).

Сокольская Марина Вячеславовна - доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Общая, юридическая и инженерная психология», профессор кафедры, ФГБОУ ВПО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения» (г.Хабаровск, Россия).

Сысоева Екатерина Александровна – магистрант, Национальный исследовательский ядерный университет “МИФИ” (г. Москва, Россия).

Узлов Николай Дмитриевич - кандидат медицинских наук, доцент по кафедре психологии и социальной работы, преподаватель дистанционной формы обучения Национального исследовательского института дополнительного профессионального образования (г. Москва, Россия).

Утробина Ольга Петровна - студентка магистратуры ФГОУ ВПО «Дальневосточный федеральный университет» (г. Арсеньев, Россия).

Фесенко Наталья Федоровна – доктор психологических наук, член – корр. Международной Академии Психологических Наук, эксперт по психологии НИАПЦ «Аддиктологии и Ментального здоровья» (г.Павлодар, Республика Казахстан).

Хаптанова В.А. – кандидат медицинских наук, ассистент кафедры поликлинической терапии и общей врачебной практики ФГБОУ ВО «Иркутский государственный медицинский университет» Минздрава России (г. Иркутск, Россия).

Хачатурян Сергей Джаванширович - кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики профессиональной деятельности в УИС ВЮИ ФСИН России (г.Владимир, Россия).

Царева Надежда Александровна - доктор философских наук, доцент, Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет (г. Владивосток, Россия).

Чуева Елена Николаевна - кандидат психологических наук, доцент, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, ФГБОУ ВО «Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга» (г. Петропавловск-Камчатский, Россия).

Шевченко Татьяна Ивановна - кандидат психологических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского отдела (НИО) «Медицинский регистр МЧС России», Федеральное государственное бюджетное учреждение (ФГБУ) «Всероссийский центр экстренной и радиационной медицины им. А.М.Никифорова МЧС России» (г. Санкт-Петербург, Россия.).

Ширяева Анелия Сергеевна - кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретической и практической психологии, ФГБОУ ВО «Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга» (г.Петропавловск-Камчатский, Россия).

Ширяева Ольга Сергеевна - кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретической и практической психологии, ФГБОУ ВО «Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга» (г.Петропавловск-Камчатский, Россия).

Jianqin Cao – преподаватель психологии, филиал Харбинского медицинского университета (г.Дацин, КНР).

Yang Li - преподаватель психологии, филиал Харбинского медицинского университета (г.Дацин, КНР).

Научное издание

**ЛИЧНОСТЬ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ
И КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЯХ
ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ
VII МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
Владивосток, 7 -9 июля 2017 г.

В авторской редакции

Ответственный редактор: Р.В. Кадыров

Технический редактор: Е.Е. Волкова

Подписано в печать 05.10.2017 г. Бумага писчая

Усл. печ. л. 18,25. Уч-изд. л. 16,75.

Формат 60×84/16 Тираж 100 экз

Отпечатано в ООО «Литера V»

690091, Владивосток, ул. Светланская, 31В

e-mail: litera_v@mail.ru